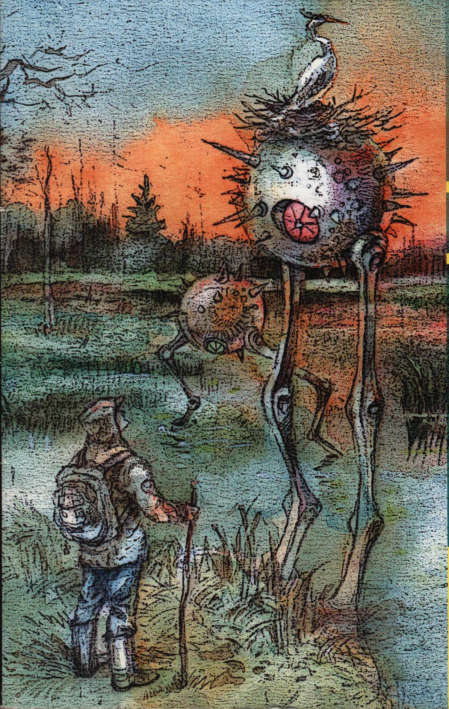
1861
ВОКРУГ СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК



Купол

сентябрь
2009

РЕКОМЕНДОВАННАЯ
ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172785000-1

9 771727 850001

Клуб читателей «Вокруг света»

- прямая подписка
- он-лайн информация по каждому этапу доставки
- календарь клубных событий
- скидки, подарки и конкурсы
- новинки издательства
- рекомендации экспертов

Клуб почетных читателей – это сообщество людей, познающих мир с «Вокруг света»:
первым познавательным журналом «Вокруг света», альманахом фантастики «Полдень. XXI век» и путеводителями «Вокруг света».

Клуб объединяет самых активных читателей, представляет им возможность общения и неформальных встреч с редакцией, участия в специальных акциях и конкурсах, прямой подписке.

Подробная информация о Клубе почетных читателей и условиях подписки на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень. XXI век» на сайте http://www.vokrugsveta.ru/club

РЕКЛАМА

ПОДПИСКА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Льготная подписка действительна для предъявителей подписного купона за предыдущий период

1861
ВОКРУГ СВЕТА

РЕКЛАМА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

СЕНТЯБРЬ
2009

КУПОЛ

ВОКРУГ СВЕТА

УДК 312.9

ПОЛДЕНЬ, XXI век
КУПОЛ

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство "ВОКРУГ СВЕТА"»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы ООО «Видео Интерешнл-Пресс ВИ»:
Осенний бульвар, 25, 14 этаж, тел.: (495) 937 07 66, 973 07 67.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продажи: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.
Изд.лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 07.08.09. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 22 550
Заказ № 1686
ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-261-6

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

© Текст, составление, оригинал-макет – ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА», 2009

Колонка дежурного по номеру

Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!

Именно с этими словами шел к Золотому Шару мальчишка Артур Барбридж в повести Братьев Стругацких «Пикник на обочине».

А если все-таки счастье не даром?.. На что готов пойти человек для исполнения мечты? И какова она, эта мечта?

Такие вопросы ставит перед читателем автор заглавной повести сентябрьского номера Владимир Голубев.

Произведения, публикуемые в номере, касаются обширного круга стоящих перед человеком и человечеством проблем.

Что гуманнее — бороться за жизнь до самого конца, с одной стороны, надеясь на благополучный исход, а с другой, зная, что конец неизбежен? Или лучше прекратить страдания неизлечимо больного человека? Ко всему прочему, если неизлечимо больной — ребенок... Достижимо ли в такой ситуации счастье? Об этом рассказ Владимира Царицына «Эвтаназия», очень грустный и пронзительно светлый.

О драме талантливого кинорежиссера, вынужденного экранизировать бездарную пошлятину ради счастья властей, стремящихся таким фантастическим образом отодвинуть свой неизбежный крах, рассказывает Александр Щеголев. И как обычно, ему удается пройти по лезвию бритвы между «чернухой» и правдой нашей недавней жизни.

О взаимоотношениях власти и общества в одном из вариантов возможного будущего размышляет и Ника Ракитина, и размышления эти далеки от оптимизма. Власть — это всегда насилие, и именно насилием она защищает свое немудреное счастье.

Включен в сентябрьский номер и юмористический рассказ. «Средство передвижения» Ника Средина. О главном крысином счастье...

Известный писатель Евгений Лукин рассказывает истории, связанные с книгами, которые он читал. А наш постоянный автор Константин Фрумкин раздумывает о том, как создание писателями фантастической среды счастливо превращается в художественный прием строго определенной направленности.

Читайте, дамы и господа. И да пребудет с вами счастье...

Ник. Романецкий

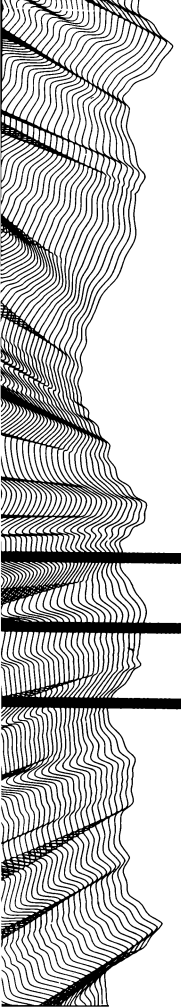
«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Светлана Головатюк
Исполнительный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Арт-директор Антон Федоров
Главный художник Юрий Токарев
Коммерческий директор Евгения Цой
PR-менеджеры Денис Мартынцев, Лейла Умерова
Менеджер по распространению Юлия Лысова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев, Николай Новотный, Иван Пшеничников
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков
Координатор Елена Сапожкова

Редакция:
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

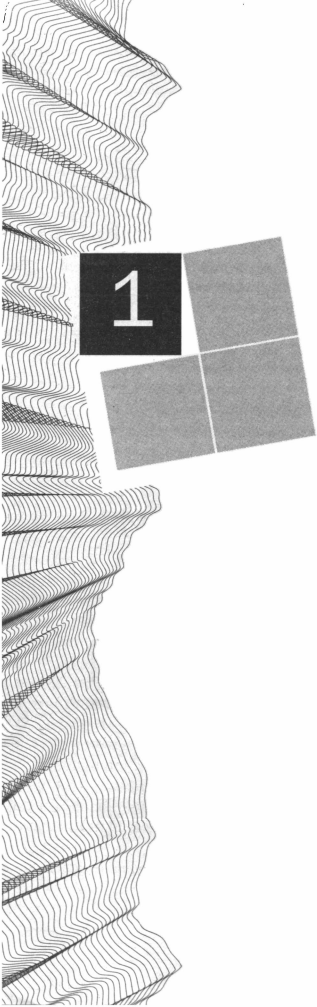
Общественный Совет при журнале:
Андрей Измайлов
www.mo-nast.ru
Святослав Логинов
www.rusf.ru/loginov
Евгений Лукин
www.rusf.ru/lukin
Сергей Лукьяненко
www.rusf.ru/lukian
Сергей Переслегин
okh.nm.ru
Вячеслав Рыбаков
www.rusf.ru/rybakov
Михаил Успенский
www.list.krasline.ru/writers/uspensk
Александр Щёголев
www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

СЕНТЯБРЬ (57) 2009



Истории
Образы
Фантазии


1

ВЛАДИМИР ГОЛУБЕВ

Купол

Повесть

I

Одинокая цапля решилась на перелет еще до восхода солнца. Ее родное болотце за жаркий июль изрядно пересохло; пищи стало нехватать. С птенцами в этом году не получилось: лиса разорила гнездо. Но болот и лесов здесь много. Можно найти другое место.

Цапля коротко разбежалась и стала кругами набирать высоту. Она не хотела лететь над черным пятном торфоразработок; пятно и его шум пугали обитателей болот. Она полетела вдоль речки Тинки, вытекавшей из одного болота и вроде бы впадавшей в другое, слабым зигзагом разрезая на своем пути спящий поселок. Поднявшись как можно выше, туда, где тихо, безопасно и воздух прозрачен, цапля направилась к своей цели.

У птиц хорошее зрение. Они были бы отличными воздушными наблюдателями, если бы имели побольше мозгов. Но то, что увидела цапля, не смог бы объяснить и человек.

Далеко внизу, в утренней дымке, над разноцветными крышами и темной зеленью плакучих берез неспешно двигались круглые черные точки. Цапля увидела их первой. Черные точки не были ни пищей, ни опасностью, ни партнерами, и одинокая цапля не придала им ровно никакого значения.

Армейские вертолеты прибыли только под вечер следующего дня.

Поселок Затинск возник осенью сорок шестого. Страна остро нуждалась в любом топливе, и спешная геологоразведка выявила в здешних болотах неплохие запасы торфа. В эти глухие места забросили кое-какую технику и людей. До зимы было рукой подать. Первые поселенцы едва успели, работая днем и ночью, срубить две избы. Потом ударили морозы, которые в палатках было бы не пережить. И начался каторжный труд, когда сверху только подгоняли да требовали продукцию, при совершенно негодном снабжении. Первую зиму пережили на пределе сил; два человека умерли то ли от пневмонии, то ли от цинги, а может, от того и другого вместе. Врача среди поселенцев не было, все они имели за плечами советский суд, а посему жаловаться в голову никому не приходило. Начальником был поставлен бывший военный комиссар, человек по натуре сволочной, с которым дважды чуть не произошел «несчастный случай на производстве». Он ничего не смыслил в добыче торфа, впрочем, как и в других профессиях, зато имел луженую глотку и большой опыт по принудиловке.

Летом пятьдесят третьего торфяные разработки были реорганизованы в «комбинат по производству брикета», по-простому называемый «Торфяшкой». Как раз в это время с начальником произошел третий и последний несчастный случай, в ночную смену. Его заляпанный грязью, изуродованный труп был извлечен однажды утром из-под бункерного комбайна. Как он туда попал — так и не узнали. Приехавший следователь глубоко не копал, похоже было, что поиск «врагов народа» уже перестал быть его главным занятием. Его затравленный вид говорил скорее о его страхе перед собственными жерновами, перемоловшими уйму народа и теперь угрожавшими ему самому… Следователь за два дня собрал показания свидетелей, оформил «несчастный случай» и спешно уехал. Решающим обстоятельством стало то, что при мертвом начальнике нашелся его табельный пистолет «ТТ» с полным комплектом патронов. Было бы чрезвычайно странно предположить, что предполагаемый убийца (из местных зеков) не позарился на оружие. Разве что был очень умён. Или в самом деле то был несчастный случай.

Добытчики торфа смеялись и благодарили здешних «злюшших» комаров. Нового начальника назначили из местных. А через восемь лет в центре растущего поселка появился памятник покорителям болот. Это был трехметровый цементный дядя с лопатой — и с лицом того самого сволочуги-начальника, который лопату при жизни и в руках не держал.

Когда производство брикета выросло, в поселке прошел слух о строительстве железной дороги. Такой проект действительно был, и дорогу построили, но прошла она в тридцати километрах северней Затинска; зыбкие болотные почвы не позволили ей подойти ближе. И до известных событий брикет на станцию возили грузовиками. А что поделаешь?

Время незаметно шло, поселок рос, все больше приобретая черты города: появились артезианский водопровод, телефонная станция, два кинотеатра и даже аэроклуб с единственным планером. Только вот газ сюда не проводили: традиционно топили торфяным брикетом.

Руководство Затинска начало хлопотать о присвоении поселку статуса города. Глава поселкового Совета, Иван Федорович Свиридов, он же секретарь местной парторганизации, уже дважды ездил по этому вопросу в Москву. Словом, все шло нормально — до одного ясного летнего утра.

Поселок Затинск, утро 1 августа 1982 года. Переполох.

В дежурке тесно и накурено.

— Товарищ майор, граждане сообщают о летающих шарах. Звонков больше двадцати. Вот опять. Да, мы в курсе. Выясняем. Не волнуйтесь.

Шипение милицейской рации:

— Третий. Подтверждаем. Шар пролетел вдоль Красноармейской. Высота… трудно определить, но выше пятиэтажек. Летит бесшумно. Покрыт чем-то вроде шевелящейся шерсти.

— Не понял, чем покрыт? Повторите!

— Шерстью. Против солнца не видно.

Шипение.

— Шестой на связи. Видим шар над центром. Размер метров пять или больше. У него снаружи что-то двигается, типа шарнирных рычагов. Скорость, как у машины, километров пятьдесят… Высота… намного выше домов.

— Понял. Всем патрулям срочно сообщать о пострадавших.

Телефонный перезвон.

— Товарищ майор, аэроклуб на связи. Говорят, ничего не запускали. Нет, планер не летал. Стоит на якоре.

— Кто — на якоре?! Он что, корабль?! Что ты мне мозги пудришь?!

— Они так сказали, товарищ майор…

— Позвони в «скорую». Никто не обращался с травмами, и?.. Ну, ты понял…

— Товарищ майор, поссовет, Свиридов.

— Слушаю, Иван Федорович. Уже распорядился. Так. Так.

Шипение рации.

— Всем постам и патрулям: ожидается вспышка хулиганства и краж. Усилить бдительность. Как поняли?

— Третий. Понял.

Шипение.

— Шестой. Принял.

Шипение.

— «Скорая» сообщает: травм сегодня не было. В общем, пока все нормально…

— Товарищ майор, пожаров сегодня не было…

— Хорошо.

Шипение.

— Пятый. ДТП на углу Пушкина и Гагарина…

— Пятый, пострадавшие есть?

— Нет, люди целы. Только машины.

— Тимошенко, позвони гаишникам…

— Есть!

— Власов! Димка! Где этот чертов связист?

— Туточки, товарищ майор!

— Что еще за шуточки? Магнитофон пишет?

— А то как же… В мою смену полный ажур.

— Смотри, за каждое слово спрошу…

— Товарищ майор, люди уходят из Каменского района.

— Куда?

— Кто куда. В третью школу не пришел ни один ребенок.

— Стоп! А ну, тихо! Какого черта вы тут торчите?! Быстро все по местам! Патрули удвоить! Выходные отменяются до выяснения… Всем свободным на улицу! Гаишникам помогать! «Скорой» помогать! Пожарным помогать! За шушерой смотреть! Они только и ждут… Шагом марш!

— Товарищ майор, наши патрули тоже оттуда уходят.

— Что такое? Как уходят? Приказываю продолжать патрулирование!

Шипение рации:

— Второй. Мы уходим. Здесь оставаться не хочется… то есть очень не хочется…

Майор наклонился к микрофону:

— Второй, говорит Сурков. Что еще за «нехочуха»!? Приказываю остаться и нести службу.

— Мы уходим. Здесь будет все в порядке.

— Второй, я приказываю вам…

Шипение.

— Вы не расслышали, товарищ майор? Повторяем: здесь — будет — все — в — порядке. Как поняли?

— Вы у меня поймете! Как придете! «Нехочухи»! — закричал майор, но, взглянув на дежурного, тихо сказал:

— Ну и дела…

Оса жужжала на грязном оконном стекле.

Поселок Затинск. Раннее утро 2 августа 1982 г. Однохарьщик.

Боря Васин бежал, что есть мочи. Болотная осока цеплялась за ноги, высокий кустарник хлестал по лицу. Боря знал, что бежит к трясине, но другого пути здесь нет. Он также знал, что у преследователей есть страшные длинные ножи, и когда они его настигнут, то сразу не убьют. Он задыхался. Он кожей чувствовал близкую мучительную смерть. Сначала ему отрежут нос. Потом уши. Потом яйца. Потом… Страх холодным лезвием пронзил тело от затылка до пяток. Его быстро догоняли, а грязь становилась все глубже. Вот он провалился в болото до колен. Все, не уйти. И когда беспощадная рука схватила за рубашку, Боря обреченно закричал и… вынырнул из кошмара.

Сердце бешено колотилось, лицо и плечи были мокры от холодного пота. Лежать в машине неудобно, все тело затекло, телогрейка сползла, холод сковал мышцы, а повернуться недоставало сил. Во рту страшный сушняк. Боря, дрожа всем телом, ждал, когда успокоится сердце. Кровь паровым молотом била в голову. Казалось, еще чуть-чуть, и череп лопнет. Но нельзя лежать бесконечно, потому что мочевой пузырь не резиновый. Не хватало еще обоссаться. Собрав в кулак всю волю, он попытался встать. Первая попытка вызвала головокружение и тошноту. Только с третьей ему удалось на ощупь открыть правую переднюю дверь своей «четверки» и, больно ударившись коленом, вывалиться на холодный деревянный пол гаража.

Боря на четвереньках дополз до стола, с трудом встал на ноги и тут же рухнул на скрипучий стул. Вслепую пошарил по столу. Вляпался в липкое. Что-то упало со стеклянным стуком. Рука нащупала кнопку настольной лампы. Свет ударил по глазам. Слава богу, канистра с водой стояла на своем месте. Боря выпил кружку, две, три. На середине четвертой его вывернуло наизнанку. Заныла голова.

«Так и сдохнуть недолго», — подумал страдалец.

Беглого взгляда на стол было достаточно, чтобы понять: спиртного не осталось. Боря тщательно осмотрел все бутылки — пусто, только на дне одной из них плескалась ложка вонючей жидкости.

Держась за стену, мученик помочился в ведро. Сколько он уже бомжует в гараже? Две недели? Или больше? Такого запоя у него еще не было. Обмыл с ребятами отпуск, и понеслось. Слишком долго кремнем ходил. Спасибо гаражу — Танька и дети не видят папу в скотском состоянии. Спасибо подвалу — есть банки с солеными и купленные по случаю два ящика тушенки. Свиной и говяжьей. А вот «ханки» больше нет. И взять негде.

Последние три (или четыре?) дня Боря пил в одиночку. (Однохарьщик? Да! И горжус-с-с!) Принимал стакан, немного сидел, разговаривая сам с собой, а после второго полз «в отрубя», через открытую заднюю дверь, на тряпье, постеленное в машине. Проводил в забытье несколько часов, потом опять пил стакан… (Ванька-встанька? Да! И горжус-с-с!) Говорят, после этого приходит «белочка». (Ишшо не было! Горжус-с-с!)

В Бориной голове все перемешалось. Он смутно подозревал, что пропил новую запаску (выручил хорошего человека, но вот кого — убей…). Наручные часы бесследно сгинули еще в начале запоя. О деньгах и речи нет… но если сейчас не похмелиться, то все, кранты. Без вариантов.

Боря качался взад-вперед на стуле, соображая, у кого занять и где взять. Похоже, все способы раздобыть «ханку» были исчерпаны, и даже (о, ужас!) пропиты две банки великолепных красных помидор, Танькина гордость, которые она самолично вырастила, закрыла и берегла к приезду мамы.

«Танька узнает — убьет, как пить дать… пить дать… пить дать… выпить дать…»

Боря не знал, день сейчас или ночь, и какая погода стоит за железными воротами. Но он чувствовал, что отоспаться ему не дадут ребята с длинными ножами. Есть лишь один способ ненадолго избавиться от них… А посему надо куда-то идти и что-то делать.

— Под лежачего Борю вода не течет, а уж «ханка» — тем более, — прохрипел он мудрость собственного разлива. И стал собираться.

Боря жаждал чуда. Перевернется машина с водкой, или кто-то потеряет кошелек, или веселая компания забудет под лавочкой едва початый пузырь, или троица за углом вдруг угостит, а не даст в морду…

Боря включил верхний свет, посмотрел в обломок зеркала, прилепленный изнутри железных ворот; там была видна опухшая до глупости, заросшая и грязная морда. К тому же от него воняло. Но ему было все равно. Желание похмелиться убило напрочь все остальные чувства. И если бы Боря стал попрошайничать, его совесть так и не вылезла бы из своего угла. Он накинул рабочую куртку и вышел, с трудом заперев тугой замок.

На улице было пасмурно и сумрачно, как бывает ранним летним утром или поздним вечером. Прохожих не было, и Боря решил, что сейчас утро. Это его немного взбодрило — днем его шансы больше. Он бесцельно бродил по пустым улицам и тихонько хрипел: «Господи, не дай помереть, помоги. Господи, не дай помереть, помоги». Он нашел две монетки по десять копеек, но этого было ничтожно мало. Еще одна монета лежала около урны. Боря нагнулся, заглянул за урну — и не поверил глазам.

Его мечта стояла на заплеванном тротуаре, среди смятых окурков, между урной и грязной стеной. Быстро оглянувшись, Боря осторожно взял за горло пузатое сокровище. Литровая бутылка водки! Запечатанная! И наяву!

Он спрятал находку под куртку, воздел глаза к серому небу и, глотая слезы, прошептал:

— Есть Бог! Спасибо, Тебе, Господи! Слава Тебе, Хос…

Вдруг из-за крыши ближайшей пятиэтажки бесшумно выплыло нечто. Шар, черный на фоне серых туч, весь утыканный шарнирными стержнями, которые оканчивались ребристыми площадками. Стержни шевелились, как иглы морского ежа, шар медленно летел над домами. Он пересек улицу по диагонали и скрылся за домами на другой стороне.

«Ё-моё, — испугался Боря, — вот оно как бывает. Не иначе, "белочка" меня настигла. Надо завязывать. Ох, надо завязывать…»

Он побрел в сторону гаража. В конце концов, у него есть средство против «белочки», потому что она, по заверениям бывалых сотрапезников, всегда приходит с бодуна. И вообще — у него теперь есть все для недолгого счастья. По дороге все же не утерпел (благо, никого нет), прислонился к дереву на газоне, с трудом скрутил трясущимися руками пробку и сделал несколько жадных глотков. Занюхал рукавом. Это была водка. Настоящая и очень мягкая. Без обмана.

Придя в гараж, Боря поправил свое лежбище, достал из подвала банку огурцов и банку тушенки («Эх, хлебца бы… черного»), разобрал на столе и даже побрился старой щипучей электробритвой, что валялась на стеллаже. «Ну, вот… совсем другое дело…»

Драгоценную бутылку на стол не поставил, «упаси, Хосподи, уронить…». Налил стакан, пробормотал: «Прости, Танюша, но ты же видишь, что сам Бог подал…». Выпил, захрустел огурцом.

Когда водка «прижилась», Боря съел тушенки и высказал все, что думает о своем начальнике. Выпил еще. Самочувствие пришло в норму. От Бори досталось всем: нашим коммунистам, американским империалистам, и евреям, и гаду-соседу, и производителям носков, «потому ш-ш-шо воняют», а также многим другим людям, организациям и странам, не имеющим к Боре Васину ни малейшего отношения.

Примерно через час он устал от словесных баталий. Сказав: «А не пошли бы вы все на х…», заполз в машину и отправился туда, где на болотных кочках живут терпеливые ребята с длинными ножами.

Затинск, 2 августа 1982 года.

В кабинете Свиридова не было свободных мест. Иван Федорович прокашлялся и сказал:

— Доложите, что происходит. Вы, товарищ майор.

Начальник милиции подошел к карте поселка:

— Первые сообщения поступили вчера в пять утра. Неизвестные объекты шарообразной формы летают над поселком. Они замечены во многих местах: здесь, здесь, здесь и еще… — красный фломастер ставил точки. — Как видите, образуется круг. Центр примерно здесь, — маркер нарисовал жирную точку, — это спортплощадка третьей школы. Внутрь круга попадают пекарня, гаражный кооператив, хоздвор «Торфяшки» и несколько жилых домов…

— Я вижу. Еще что?

— Люди уходят. То есть из пределов круга народ уходит. Даже те, кто не видел шаров и не слышал о них.

— Паника? Пострадавшие?

— Нет. Уходят тихо и спокойно, что удивительно… Уводят детей. И еще… — полковник замялся. — Уходят все. Наши патрули тоже. Приказам остаться не подчиняются. Хотя люди надежные. Все говорят одно и то же: не хотим там оставаться. Прямо какая-то массовая «нехочуха». То ли гипноз, то ли психоз…

Свиридов посмотрел на майора:

— Вот даже как? Ладно. Как я понимаю, непосредственной опасности пока нет. Значит, вот что. Эту стихийную эвакуацию надо организовать. Сколько жилых домов попало? Так-так. Организуйте размещение и питание. Инна Игоревна, обеспечьте

круглосуточное дежурство врачей. Ваша больничная столовая справится с дополнительной нагрузкой? Продукты вам доставят.

Заведующая поселковой больницей записала в блокнот:

— Понятно, Иван Федорович. Постараемся.

— Где у нас энергетик? Отключить свет в означенном районе. Воду пока не отключать, вдруг понадобится пожарным… Обстановку докладывать каждый час. Вот-вот должны приехать гости из Москвы.

Сурков кивнул:

— Вот и хорошо. Может, они подскажут, что это такое…

— Собьют, и посмотрим…

— И вот еще что. Нашей газете и радиоузлу, — он посмотрел на двух молодых людей, — шума не поднимать!

Молодые люди кивнули.

До обеда не случилось ничего нового. В час дня голос в трубке прокричал:

— Шары приземляются! Один сел прямо на хоздвор «Торфяшки»!

Черный пятиметровый шар стоял на асфальте, среди машин. Лапы под ним сложились в суставах, а по бокам распрямились, образуя своими площадками платформу. Остальные лапы торчали вверх и в стороны, причем на некоторых были видны прилипшие комья земли с засохшей травой. Похоже было, что шар садился где-то в лугах, причем не на те лапы, на которых стоял сейчас. Сторож, зевая, вылез из будки и подошел к шару. Он обошел вокруг, ища окно, не найдя его, постучал связкой ключей по лапе, крикнул: «Эй, водила! Здесь становиться нельзя!». Поскольку никто не отозвался, сторож вернулся к себе, набрал номер, сказал в трубку:

— Тут какая-то хрень образовалась. Здоровая. Круглая. Прямо в середку встала. И нету никого. А я знаю? Ворота заперты. Она прям с неба спустилася… Да не пил я. Я с того раза ни-ни. В милицию? Щас позвоню…

Милицейский «уазик» прибыл через пять минут. Сержант сказал:

— Иди домой, Тимофеич. Начальник твой в курсе. А здесь мы сами разберемся…

Сторож и милиционер постояли, покурили. Покалякали о том, о сем. Поудивлялись, глядя на шар. Потом разошлись. А куда спешить-то? Русская провинция вообще живет неспешно, тем она и хороша…

Всего приземлилось шесть шаров, образовавших правильный шестиугольник с центром в районе третьей школы. Остальные двенадцать продолжали медленный полет по широкому кругу.

А на школьной спортплощадке появилось стеклянное сооружение в виде купола. Только его никто не замечал, из-за домов и деревьев.

К тому времени людей в опасной зоне не осталось. Или почти не осталось. Милицейский наряд, вышедший оттуда, был отправлен в распоряжение врачей.

Вечером второго августа на крошечном поле аэроклуба приземлились два армейских транспортных вертолета. Военные и гражданские, придерживая головные уборы, пошли к ожидавшему их автобусу.

Армейская колонна из Тронска тем временем подходила к Затинску. Впереди, победно гремя гусеницами, ползли два танка.

Московский куратор прочитал первые доклады, посмотрел на собравшихся и сказал:

— Товарищи, события, происходящие в Затинске, от населения скрыть невозможно, но меры, которые будут приняты, составляют государственную тайну.

Он кивнул капитану-артиллеристу, сидевшему рядом. Капитан достал из портфеля пачку бланков и сказал:

— Товарищи, каждый из вас должен прочитать этот документ, поставить свою фамилию, сегодняшнее число и подпись.

Профессор-физик Трегубов, едва взглянув на бланк, понял:

«Стандартная расписка о неразглашении. Сколько я их уже подписал? Не помню».

Он подмахнул бумагу и передал ее капитану.

После того, как формальности были улажены, московский куратор сказал:

— Давайте не будем ломать головы, что это и кто это. Наша задача — защитить население и минимизировать ущерб. Пока, подчеркиваю, пока, состояние дел будем считать удовлетворительным. Но это скорее по причине неагрессивного поведения этих… объектов, чем предпринятых нами, — он быстро взглянул на Свиридова, — мер. Нет, нет, это не в укор уважаемому Ивану Федоровичу; он действовал правильно. Но мы не имеем никаких данных о происходящем феномене. Группа специалистов скоро

приступит к работе. После получения данных мы примем решение о полной или частичной эвакуации населения. Помощь движется наземным транспортом.

Зеленый вертолет трижды облетел поселок, измеряя уровень радиоактивности, забирая пробы воздуха, делая снимки шаров и стеклянного купола.

Боря несколько раз нажал кнопку. Света не было. Он нашарил спички, зажег свечку, стоявшую на столе в банке из-под сметаны. Посмотрел на ее неровное пламя сквозь бутылку с остатками водочки. Выпив последнее, Боря потушил свечку, вышел из гаража и глянул на черное небо:

— Ну, щас-то точно ночь. Однако под лежачий камень… да… Надо самому. Повезло раз — повезет ишшо. Я везучий. И ваще — Бог, он троицу любит…

И он пошел, удивляясь полной тьме: не горело ни одно окно, ни один фонарь.

— А свет везде отключили. Может, я грозу проспал? А где народ? Что-то ни машин, никого… Война, что ли, началась?

Боря пошел к третьей школе, где свет горел всегда, порой даже днем. На спортплощадке что-то светилось, но не фонарь. Что-то большое. И притягательное. Споткнувшись о невидимый бордюр, Боря зашел на школьный стадиончик и обомлел: почти все поле занимало стеклянное сооружение в виде верхней половины огромного шара. Сквозь него просматривались дома и черные облака, а зеленая трава внутри вроде подсвечивалась.

В самом центре сооружения стояла знакомая уже Боре литровая бутылка водки.

Боря сглотнул и, не веря в происходящее, не поминая больше ни Господа, ни «белочку», прижался к теплой стене и пошел вдоль нее, скользя раскинутыми руками по чистому стеклу. Он зачарованно смотрел на бутылку и ни о чем не думал. Он прошел полный круг, но не заметил этого. И когда этикетка опять ушла на ту сторону бутылки, Боря неожиданно провалился в открытый проем. Упал на траву. Теперь между ним и бутылкой препятствий не было. Боря вскочил, подбежал, быстро схватил бутылку, прижал к себе и… замер.

Неизвестно, что произошло с Борей Васиным в куполе. Но в два часа ночи он, поставив нераспечатанную бутылку на землю, вышел наружу и побрел домой, качаясь от слабости. В темноте было не видно, что его синяя рабочая куртка стала серой. Клетчатая рубашка тоже. И старые коричневые штаны. А может, это он одежду в гараже так угвоздал. За две недели-то.

— Пока гражданские думают, мы с этими шарами быстро разберемся.

Капитан-танкист опустил бинокль, прижал ларингофоны к шее и скомандовал:

— Цель — шар. Дистанция четыреста. Бронебойным… заряжай!

И закрыл за собой люк.

Башня танка чуть повернулась и замерла.

Ночную тишину разорвал оглушительный хлопок. Сполох выстрела на мгновение выхватил из мрака дома и заборы. Черной птицей взметнулась пыль. Где-то зазвенело стекло. Массивная стальная «болванка» с бронебойным сердечником ударила стоящий на асфальте шар точно в середину. Взметнулись снопы искр. Полетели брызги расплавленного металла. Несколько оторванных лап шара разметало в разные стороны. Одна из них вспорола бензобак грузовика. Загорелся бензин. На стоянке стало светло. Запахло резиной и горелой краской.

Сердечник снаряда вошел в тело шара, как нож в масло. Вокруг него материал шара на мгновение раскалился добела. Но шар даже не дрогнул. И никак не отреагировал. Он стоял, как скала, черный, огромный и невозмутимый.

Капитан высунулся из люка, посмотрел в бинокль и удивленно сказал:

— Вот зараза… Ему хоть бы хрен… Кумулятивным… заряжай!

И только после того как танк, рыча от злости, попятился назад, солдаты в противогазах, не обращая внимания на горящий грузовик, пошли к шару, как в атаку, выставив впереди себя стволы дозиметрических датчиков.

Профессор Виктор Антонович Трегубов ворвался в помещение поссовета и закричал:

— Вы знаете, что происходит, товарищ полковник? Ваши танкисты устроили стрельбу! Прямо в поселке! Они всадили в шар два снаряда! Не думая о последствиях! О потерях для науки и вообще! Не говоря уж о сгоревших машинах!

Полковник спокойно ответил:

— Они имеют приказ атаковать противника. А насчет машин: лес рубят — щепки летят…

— Какого, к черту, противника?! Шары не противник! Это… Они… — он махнул рукой. — Вы понимаете, что может произойти?! Вы поручитесь за последствия вашей стрельбы? Мы же

ничего не знаем! Кто это и что это! Сначала надо попробовать договориться! Запретите стрелять! Или я… я… — профессор беспомощно оглянулся. — Я буду жаловаться!

— Я понимаю, что может произойти. Теперь послушайте ВЫ, уважаемый товарищ академик, — с нажимом ответил полковник. — Вторжение чужой боевой техники является признаком агрессии. На нас совершено нападение. В центре страны! Вам ЭТО понятно? Задача армии — уничтожение агрессора, кем бы он ни был, и защита населения. Люди ждут от армии действий, а не болтовни. Странно, что приходится объяснять такие вещи. Мы не будем кланяться этим пугалам, мы будем их уничтожать. Это решение вышестоящего начальства. Можете жаловаться.

— С чего вы взяли, что шары — боевая техника?!

— Любая несанкционированно вторгшаяся техника рассматривается как боевая.

Трегубов понял, что попусту теряет время…

— Товарищ полковник, дайте нам хоть сутки на исследования!

— Танки больше стрелять не будут. К Затинску движется комплекс ПВО. Он будет развернут не ранее чем через двенадцать часов. Так что время у вас есть. Исследуйте. И еще, Виктор Антонович. Вы поручитесь за последствия, если мы НЕ БУДЕМ стрелять?

Одинокая цапля нашла себе укромный уголок в зарослях молодого ивняка, увитого лианами дикого хмеля. Она опустилась на землю, сунула голову под крыло и задремала. Тучи мошкары нисколько ей не мешали. Она впервые за несколько дней наелась досыта. Здесь, на затинских болотах, много белых цапель. Среди них нет особенных или выдающихся. Все они одинаковые. Не то что люди.

Военный патруль сцапал Борю Васина, как только он пересек границу летающих шаров. Боря не понимал, что происходит, и слабо сопротивлялся:

— Ребята, вы что? За что?

— Молчи, дядя… Иди… Ну и воняет от тебя…

— Так я ж неделю, а то и две в запое… В гараже бичевал… Какое там — помыться…

— Запой кошмарит человека и снутри, и наружно…

— Знаю, солдатик, а что поделаешь?

Васю привели в милицию. Разговаривал с ним сам майор Сурков. После выяснения личности, адреса и места работы Сурков сказал:

— Так-так, гражданин Васин. А жена твоя, между прочим, приходила, тебя искала.

— А чего ж она в гараж-то не пришла? Знала ведь, что я в гараже отдыхаю…

— А потому она не пришла, гражданин Васин, что туда НИКТО пройти не мог, по причинам, нам неизвестным. А теперь расскажи нам, — он взглянул на сидевшего рядом мужчину, — мне и вот — профессору, почему ты не ушел оттуда.

— Как не ушел? Я и ушел. Как из купола стеклянного вышел, так и домой пошел. Только не дошел — солдаты меня… А что случилось-то?

Профессор подался вперед:

— Вы были в куполе?

— Ну… это… я сперва думал, что он мне спьяну привиделся, как тот шар с иголками, когда я пузырь за урной нашел, а он, видать, и вправду… Твердый такой, и теплый… Я руками его трогал, а там еще пузырь стоял, такой же, а потом дверь появилась, я упал туда, на траву. — Боря осекся, видя напряженные лица слушателей. — А что, это все на самом деле? И шар тоже?

— Вы… э-э-э… Борис? — подал голос профессор. — Расскажите с самого начала.

— С самого?

— С самого.

— Так, стало быть, это не «белочка»? Слава тебе, Хосподи! А домой отпустят? Я ничего не сделал!

Майор Сурков поспешно ответил:

— Отпустим, отпустим, когда расскажешь. На машине отвезем.

— Да тут рядом. Ну, значит, так. Получил я отпуск. Соответственно, бригаду задурачить должен. Как положено.

— Простите, что сделать? — удивился профессор.

— Водки поставить, — ответил за Борю майор. — Дальше что?

— Дальше — известное дело. Затарились мы, и пошли ко мне в гараж… А закуси у меня там полно. Так что мы на закусь-то не тратились, только хлеба черного и взяли, да «Примы» пять пачек. Потому «ханки» через край и вышло…

Через сорок минут Боря был отвезен домой и сдан на руки жене. Что там было — неизвестно, но еще через два часа он, вымытый и накормленный, спал на чистых простынях в своей кровати. На Бориной голове росла шишка, а под глазом красовался свежий фингал. Его благоверная сидела на краешке кровати, гладила Борю полной рукой по голове и шептала:

— А рубашку новую как уделал! Клеточек не видать! А помидоры… Эх, Борька, Борька, скотина ты, скотина…

Ее крупные слезы капали на ее крупную грудь.

Профессор Трегубов повернулся к майору:

— А где у вас можно взять водки?

— Сейчас?

— Сейчас.

— Найдем. Я понял. Хотите сделать эксперимент?

Сурков поднялся и вышел в коридор. Было слышно, как он крикнул:

— Тимошенко! Спишь, что ли? Поди-ка сюда…

Сержант быстро принес бутылку и поставил на стол. Майор спросил:

— Сами будете? Может, кого из ребят попросить?

— Нет, — усмехнулся профессор, — настоящий ученый все опасные эксперименты проводит на себе.

— Ну, как знаете…

Трегубов задумчиво пробормотал:

— А какая дозировка…

Сурков взял бутылку, решительно налил по ободок и протянул профессору:

— У нас признают только такую, Виктор Антонович.

Трегубов взял стакан, посмотрел на часы (было пять утра), сказал, ни к кому не обращаясь:

— Чего не сделаешь ради науки…

И выпил крупными глотками. Замахал руками. Сержант Тимошенко сунул ему дежурный бутерброд с расплывшимся салом. Профессор с трудом подавил рвотный позыв. Рухнул на стул. Посидел минуту, потом отважился открыть глаза. Милиционеры с удивлением и восторгом смотрели на него.

— Наш человек, — сказал сержант. — А, товарищ майор?

— Здорово, — подтвердил Сурков.

— Да ладно, — ответил повеселевший профессор, — были и мы студентами на картошке…

Сержант отвел Трегубова к границе летающих шаров. Он с удивлением наблюдал, как солидный человек из далекого города свободно прошел на территорию, запретную для других, походил там, и вдруг стал неуклюже танцевать и подпрыгивать, крича:

— Я так и думал! Я так и думал!

В российской глубинке гостиницу принято называть именем реки. Затинск не был исключением. Здесь тоже была крошечная, всего на двенадцать номеров, гостиница «Тинка». Обычно гостей было мало, в основном командированные на «Торфяшку» да заезжие из района артисты с концертами. В гостиницу и определили двух физиков, профессора Трегубова и молодого кандидата наук Сергея Афонина. Афонин с изумлением увидел своего научного руководителя, прибывшего в полседьмого утра в непотребном состоянии. Профессор порывался объяснить Сергею суть рискованного эксперимента и написать отчет, но тут его одолела икота; пришлось лечь спать.

Тем временем пожар на стоянке машин погасили. Директор «Торфяшки» смотрел сквозь железный забор:

— Три грузовика сгорели. Два почти новые. Чем я работать буду?

Солдаты, привязав веревку, волоком притащили еще теплые, оторванные лапы шара. Сделали соскоб с его поверхности. Дозиметрист еще раз бесстрашно обошел вокруг, прикладывая к разным местам шара датчик прибора. Доложил, что радиоактивности не обнаружено. Огромный черный шар был абсолютно равнодушен к происходящему.

В восемь утра на железнодорожной станции Затинная началась разгрузка военной техники.

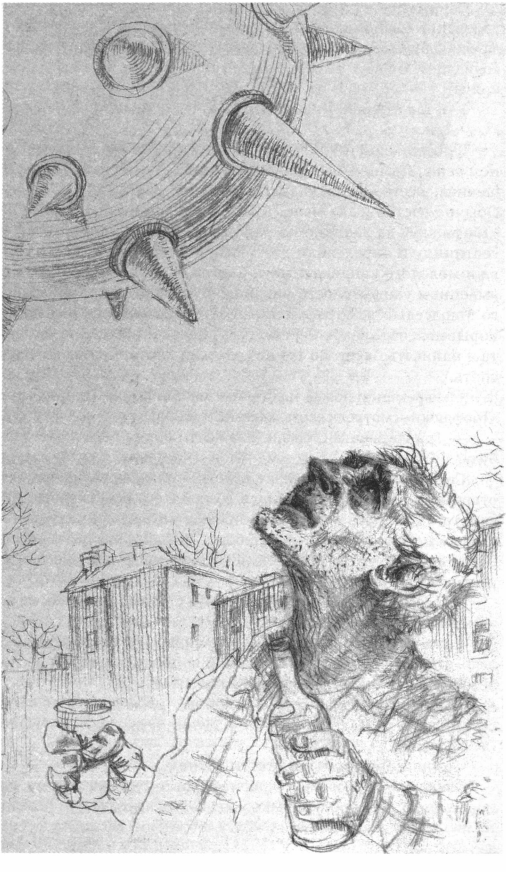
Комплекс ПВО, не самый современный, но проверенный в деле, отошел от станции своим ходом на три километра и расположился в прогале между лесными массивами.

Командир выпрыгнул из кабины, посмотрел на часы, скомандовал:

— К бою!

Солдаты бросились расчехлять технику.

Точно в этот момент все шесть шаров, стоящих на земле, одновременно, бесшумно и плавно поднялись в воздух и присоединились к своим летающим по кругу собратьям. Но никто не связал эти два события.



15 часов, 3 августа 1982 года.

Совещание открыл профессор Трегубов. Он был бледен. Было видно, что научные эксперименты даются нелегко. Надев очки, он достал из папки листок бумаги, начал читать тихим голосом:

— Отчет. Пункт первый. Материал фрагментов шара исследован спектроскопическим методом. Это металл, его состав — железо, углерод, сера, кремний, фосфор — и плотность соответствуют широко распространенной стали марки Ст-три. Обнаружены точечные следы коррозии. Соскоб с поверхности шара дал тот же результат. Снаружи шар и его лапы покрыты составом, практически совпадающим с обыкновенным битумным кузбасслаком[1].

Пункт второй. Никаких опасных для человека факторов — радиоактивности, других излучений, а также отравляющих веществ — около шара не обнаружено.

Пункт третий. Диаметр шара четыре и девяносто пять сотых метра. Внутреннее устройство выяснить пока невозможно, но оболочка чрезвычайно прочна. Если она состоит из стали, то ее толщина должна превышать предел бронепробиваемости танковых снарядов (четыреста миллиметров), потому что сталь марки «три» не имеет броневых свойств. Но даже если толщина стенок равна четыремстам миллиметрам, и даже если шар пуст, то его масса (без лап!) составит более ста пятнадцати тонн. Если под тонким слоем стали имеется другой материал, то его прочностные свойства совершенно невероятны. Масса одной «лапы» составляет шестьдесят восемь килограммов. На шаре их около сотни. Таким образом, массогабаритные характеристики шаров исключают все известные нам принципы полета, как аэростатические, так и аэродинамические. Во всяком случае, его энергетическая установка должна обладать колоссальным запасом мощности. Если это предположение верно, то обстрелы шаров могут вызвать их разрушение с мгновенным выделением всей содержащейся энергии, что на практике означает сильнейший взрыв с непредсказуемыми последствиями.

Пункт четвертый. Вопрос о разумности поведения объектов остается открытым, но ясно, что никакого вреда ни людям, ни сооружениям шары не нанесли.

И, наконец, пункт пятый. Природа так называемого «затинского эффекта», или «нехочухи», изгоняющей людей за границу летающих шаров, неизвестна. Опрос местного жителя, Бориса

[1] Этот лак широко применяется для защиты от атмосферных воздействий на металлы, дерево и бетон. *(Прим. авт.)*

Васина, и небольшой эксперимент, — Трегубов, морщась, прикоснулся к своей голове, — показали, что алкоголь нейтрализует эффект.

Еще несколько слов о куполе. Пока мы достоверно ничего не знаем. Мы слышали рассказ Бориса Васина о его пребывании в куполе, но адекватность Васина на тот момент вызывает сомнения. В любом случае считаю необходимым провести разведку.

Трегубов сел и обвел глазами присутствующих.

Все молчали.

Первым отреагировал майор Сурков:

— Если пьяный может туда зайти, то надо территорию охранять, а то найдутся орлы… Но у милиции нет людей для круглосуточного патрулирования периметра. Прошу эту задачу возложить на военных. И надо пока закрыть вино-водочные отделы.

Он посмотрел на Свиридова. Тот кивнул:

— Закроем. Хотя… — Он замолчал и помотал головой.

Куратор сказал:

— Необходимо эвакуировать людей за пределы поселка.

Сурков недоуменно поднял глаза. Куратор поспешно добавил:

— Ненадолго. На час или два.

Трегубов прошептал на ухо Афонину:

— Опять будут стрелять… придурки.

Потом встал полковник:

— Комплекс ПВО к работе готов. Возможно, объекты более уязвимы в полете, чем на земле. Наземная разведка будет проведена после атаки. Могу утешить товарища профессора: армейская радиостанция пыталась установить связь с объектами, прослушивала эфир, но безрезультатно. Неизвестных сигналов не обнаружено.

— Товарищ полковник, — подал голос Трегубов, — я могу поговорить с экипажем радиостанции?

— Конечно. Я дам распоряжение.

В кабине радиолокатора было темно. Только светились зеленые экраны и разноцветные лампочки. Лейтенант включил излучение. На экране был ясно виден находящийся в тридцати километрах поселок и облака над ним. Изображение медленно гасло, но его каждый раз возрождала к жизни двигающаяся по кругу яркая линия развертки.

— Масштаб!

Щелчок тумблера. Картинка приблизилась.

— Еще!

Теперь стали видны двигающиеся точки над размытыми контурами домов. Операторы докладывали:

— Азимут…

— Дальность…

— Угол места…

Вдруг точки на экранах пришли в движение. Угол места объектов возрос. Там, над поселком, шары стали подниматься. Офицеры следили за ними с замиранием сердца. Лейтенант прошептал:

— Уйдут…

Но они не ушли. За десять минут шары поднялись на высоту три километра. Все и сразу, как по команде. Там, выше кучевых облаков, они продолжили свой полет по кругу.

— Они почуяли наше излучение, — сказал лейтенант, повернувшись к командиру. — Они поняли…

— Включить СДЦ[2].

— Есть!

— Вот они, голубчики.

На экране были отчетливо видны все восемнадцать целей, кружащихся в странном танце. Дальше все пошло, как на учениях. Отрывистые команды. Быстрые доклады. И вот…

— Первая — пуск!

Пятнадцать секунд.

— Вторая — пуск!

Пятнадцать секунд.

— Третья — пуск!

Одинокая цапля чувствовала, что происходит что-то непонятное. Что надо бы улететь отсюда подальше, но… здесь, в зарослях ивы, осоки и хмеля, было так хорошо.

…страшный треск, будто небо сделано из прочной серой парусины, и ее, эту парусину, нещадно рвут злобные великаны…

Цапля подскочила, едва не сломав свои хрупкие ноги, захлопала крыльями, но не взлетела. Черная тень, оставляя за собой белую полосу, промчалась высоко над головой. Потом еще. И еще. Послышались три отдаленных раската. И все стихло.

Болотные птицы долго молчали. А над ними висели белые полосы — разрывы небесной парусины. Потом они искривились

[2] Селектор движущихся целей. Устройство, позволяющее видеть только цели, имеющие скорость не меньше заданной. Применяется для селектирования местных предметов, облаков и пассивных помех. *(Прим. авт.)*

и исчезли. Цапля опустилась на свою кочку, сунула голову под крыло. Она хотела, чтобы здесь всегда было тихо и спокойно. Она думала о том, что в следующем сезоне у нее будут птенцы, и она сумеет их выкормить и защитить. Она хотела, чтобы не было черного пятна торфоразработок с их людьми и шумом машин.

Она не знала одного: скоро так все и будет.

— Кого пошлете в разведку, полковник?

— Двух прапорщиков: Михеева и Куликова.

— Почему их?

— Ребята надежные. Служат давно. И еще…

— Да?

— Тут ведь разведчикам выпить придется. Иначе не пройти. Так вот, они, как бы это сказать…

— Пьющие, что ли?

— Никак нет. Скорее наоборот. Но я как-то попал на охоту с Михеевым. Он ведь охотник страстный. Ну, выпили, конечно. Так вот, он стал очень сосредоточен и внимателен. Может, даже слишком. И ни разу не промазал. Выстрел — утка. Так что выпивши я его знаю… то есть знаю, какой ОН выпивши…

— А второй?

— Куликов? Прекрасный танкист. Профессионал высшего разряда. Однажды на учениях… что греха таить… всякое бывает. Словом, связисты спирта принесли, согреться. И заспорили. Куликов сказал, что проведет танк между двух берез и не заденет. И ведь провел, будучи под градусом.

— Ну, это не фокус.

— Связисты знали, что танк шире на два сантиметра, они заранее рулеткой померили. А Куликов провел. И на березах царапин не осталось.

— Похоже на солдатскую байку. Но вам виднее, кого посылать. Разведку провести завтра, в шесть утра.

— Есть!

Сергей Афонин и Трегубов сидели в гостинице.

— Виктор Антонович, что вы об этом думаете? Как физик?

Профессор мешал ложечкой чай. Помолчав, он ответил:

— Как физик скажу, что мы еще ничего не знаем. Считается, что макромир достаточно хорошо изучен. Физика занимается почти исключительно микро- и мегамиром. Ускорители и телескопы. Все остальное, по большому счету, удел прикладников…

А ут нам показали — черта с два вы знаете. Вот вам макрообъект с невероятными свойствами. Раскусите орешек!

— Кто показал? И что им надо?

— Насчет «кто?» — уволь. Не знаю. Но кем бы они ни были, Сергей, инженеры у них живут явно лучше клоунов, не то, что у нас… Что им надо? А вот скажи мне, что в этом деле бросается в глаза?

— Ну-у-у…

— Никто не пострадал, вот что. Шары, сидящие на земле, взлетели, как только прибыли ракетчики. Я более чем уверен, что шары поднялись на три километра, обнаружив излучение РЛС. Они как будто специально поставили себя в оптимальные условия для ракетного удара…

— Или уводили взрывы ракет туда, где они не повредят дома.

— Или купол. — Трегубов отхлебнул чаю.

— Или и то, и другое.

— Согласен. Во всяком случае, они явно не желают причинить нам вред. То есть на данном этапе агрессией не пахнет, что бы там ни говорил уважаемый товарищ полковник.

— Говорят, два частных дома все же пострадали. Оторванные лапы пробили крыши и потолки.

— Похоже, ни один осколок не упал внутрь круга. Во всяком случае, пожаров не было. Значит, они умеют отклонять траектории падающих предметов. — Профессор отпил чай. — Они разумны, Сергей. Во всяком случае, в нашем понимании разумности. А вот мы показали себя дикарями, бьющими своими деревянными копьями по их броне… Я вообще сомневаюсь, что мы бы считались разумными в масштабе, скажем, Галактики. Или даже нескольких звездных систем. Как тот африканский вождь сотни человек. У себя в деревне он самый разумный, а привези его в Нью-Йорк или хотя бы в Каир… Время, Сергей. Время покажет…

— Может, это наши военные эксперименты?..

— Может, и так…

5.30 4 августа 1982 года.

Полковник поставил на стол бутылку, положил газетный сверток:

— Ну, ребята… давайте.

Прапорщики переглянулись.

— Ну, что мнетесь? Бутылку никогда не видели? А, Михеев?

— Видели, товарищ полковник…

— Значит, так: на ту «территорию» трезвым не зайти, понятно? Профессор доказал на себе… ха-ха. Вы идете в разведку. Вдвоем. Берете рацию. И оружие. Доходите до купола. Куликов идет первый. Ты, Толя, с рацией, за ним. Докладываешь каждый шаг. В купол без разрешения не входить! Обойдете его вокруг, доложите. А вообще — действуйте по обстановке. Главная задача — выяснить, есть ли там какие опасности. Ясно?

Прапорщики еще раз переглянулись.

— Так точно, товарищ полковник!

В свертке оказались огурцы, черный хлеб, кусок копченой колбасы. Полковник самолично налил два полных стакана. Секунду подумав, вылил остатки в третий стакан.

— Ну, ребята… не стесняйтесь.

И выпил первым. Закусили, помолчали пять минут.

— Разрешите идти? — Михеев привстал.

— Идите, время не ждет.

Про себя подумал: «С Богом».

А вслух сказал:

— Осторожней там…

II Электричка здесь лишь делает вид, что останавливается. Двери открылись уже на медленном ходу. Едва я соскочил с подножки, как поезд, печально пискнув, прибавил скорость и усвистел за поворот. Я огляделся. Вдохнул по-полной. Красота! Запахи лесные, птички поют. Никто больше не вышел. И никто не сел. Это хорошо, что никого.

Темные плиты короткого перрона с пробивающейся в трещинах высокой травой местами взялись мхом. Лес стоял стеной с обеих сторон железки. Едва заметная тропка вела в сплетение хвойных и лиственных веток. Да, ходоки здесь не часты… Я закурил, надел рюкзак на оба плеча — удобно. Едва слышно булькнуло за спиной, и я, довольный, как алкаш-однохарьщик, обрубивший все «хвосты», осторожно спустился по бетонной обрушившейся плите и вошел в лес. Под кроссовками захрустела сухая рыжая хвоя. Запищали комары.

Первым делом основательно помочился. Вот это кайф!

Не то что бы я здорово пил, нет, редко, но уж если случается, то люблю, чтоб с полным удовольствием. Не сто грамм в забегаловке по губам размазать, а уж выпить, так в «плепорцию», в человечьих условиях, и чтобы мера одна была — душа. Терпеть не могу, когда водки не хватает и приходится гонца посылать, да

жданки ждать, да слюни глотать. Еще хуже самому бежать или догоняться «гвардейским тычком» в заплеванной рюмочной. Противно это и унизительно, вместо кайфа одна головная тупость образуется. Потому и взял двухлитровую «торпеду». Чтобы хватило и мне, и проводнику. И туда сходить, и назад. И чтоб мою «серость» будущую спрыснуть. А что — серые, они тоже пьют. Как в среднем по стране. Получится там что или нет, но с водкой проблем не будет.

Потопал я вперед по тропинке, отмахиваясь от мошкары и колючих веток. И размышляя о разных разностях. Места эти, с детства знакомые, особой ностальгии не вызывали, во всяком случае, носом я не хлюпал и слез не размазывал. Так, грустилось чуть-чуть…

Шел я уж добрых полтора часа, когда эта встреча случилась. Как предупреждение. Как напоминание, что все серьезно и не поздно еще свои оглобли повернуть назад.

Шнурок у меня развязался, зацепился за что-то. Присел я на корточки, завязываю. Глаза вниз, само собой. Я его не увидел — почувствовал. Будто потянуло меня влево. Качнуло даже. Чуть набок не завалился.

Он стоял в самой чаще, в пяти шагах слева от тропинки, — огромный, на треть вросший в землю шар. Диаметром пять метров, лишь немного ниже окружающих его деревьев, покрытый толстым слоем темно-охряной ржавчины, с торчащими во все стороны суставчатыми лапами, которые оканчивались гротескными подобиями сапог с ребристой подошвой. Те несчастные деревца, что оказались под ним, торчали теперь во все стороны засохшим взрывом.

Протиснувшись между корявых наклонных стволов, я приблизился к шару.

Провел пальцем по шершавой поверхности. Посыпались сухие чешуйки. Вы хотели НЛО, господа человечество? Вы много лет мечтали о них! Вы заработали на них кучу денег! Вы сняли десятки фильмов и написали сотни книг о том, чего никогда не было. Так вот получите желанный объект. Ешьте его с маслом. Вы же хотели! Изучайте, кладите под микроскоп. Что же вы бросили его здесь, в лесу? А-а-а, понятно! Силенок не хватило! Даже сдать в металлолом! Он оказался совсем не тем диском с веселыми огоньками и маленькими зелеными человечками…

Железные шарниры лап теперь прикипели намертво.

«Двести девяносто тонн», — подумал я.

Двести девяносто тонн. ЭТО летать не может ни при каких обстоятельствах. Нет технологий, которые заставили бы ЭТО совершать медленный горизонтальный полет. И даже не оказалось технологий, чтобы помешать этим медленным горизонтальным полетам. Правда, удалось отстрелить несколько суставчатых лап. Но шар, похоже, мог садиться на любые свои лапы, то есть, по нашим понятиям, на бок или вообще вверх ногами… Хотя — где у шара верх, а где низ? После того как военным приказали стрелять, стало ясно, что объект обладает огромной массой, и сбить его с дороги способен разве что ядерный боеприпас.

Я долго стоял около шара. Его ржавое притяжение не отпускало меня. Я раньше не видел его так близко. Это было чистой воды издевательство. Простое и гениальное. Нам показали, что наши технологии не стоят ничего против наших же тупо использованных материалов. Когда шары перестали летать и упокоились по лесам и полям, один из них с большим трудом и большими предосторожностями разрезали на части. Бригада «имени Шуры Балаганова» трудилась почти три недели. Шар оказался сплошной отливкой обыкновеннейшей стали марки «три». Причем отливкой не сильно качественной: в шаре оказалось множество мелких раковин, трещин, разных несгоревших примесей, песка и камешков. Словно его делали нарочито кое-как, будто мы недостойны лучшей демонстрации, будто для нас, недоразвитых, и так сойдет. И, когда дефекты были обнаружены, никто не злорадствовал по этому поводу. Мол, мы и получше можем… Потому что ОНИ сумели заставить шары летать. Суставчатые лапы в полете двигались лениво, слишком лениво и медленно. Непонятно, как и для чего они вообще двигались. И уж, конечно, ни о какой аэродинамике речи не шло при таком соотношении размеров и массы.

Нет, это было издевательством, потому что шары были пассивными куклами, не имеющими внутри себя ничего, но ведомыми могучим кукловодом. Нам показали кукольный спектакль. Вот видите, как бы говорили нам, мы тоже чем-то машем для того, чтобы летать. Так показывают детям бабу Ягу, летящую в ступе. Дети верят. Но мы-то не дети. По крайней мере, мы так считаем…

Я почувствовал бессилие и беспомощность. И обиду. И злость. Ведь ОНИ легко бы могли… А мы ничего бы не смогли… И те вопросы, что закрючили всю планету, не решены и сейчас: кто? как? зачем?

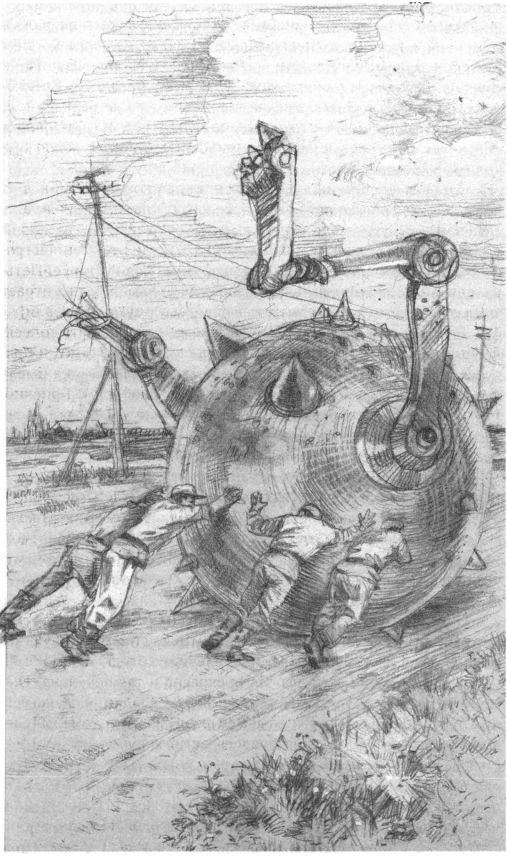
И еще это видение, которое я не могу забыть с самого детства…

Зачем я сюда приехал? Как говорится, хороший вопрос. Вообще-то, если честно, не знаю… Ностальгия по родным местам — да, но не только. Что-то большее, душевно-глубинное. Наверное, я пришел на свидание к Ней. Глупо и безнадежно. Но… сокровенное нельзя рассказать никому. Нельзя рассказать другу, он не поймет. В лучшем случае фальшиво посочувствует. Нельзя рассказать жене, самому близкому человеку: она, без сомнения, станет ревновать, хотя это глупо, ведь предмет моих душевных волнений не является реальной женщиной, это символ, недостижимая мечта, чистая выдумка. Но жена все равно будет ревновать — женская природа непреодолима. Сокровенное можно доверить лишь мертвым черным закорючкам на мертвой белой бумаге.

Мое бесконечно далекое детство прошло в Затинске. Тогда, в крошечном и неустроенном поселке, почти деревне, не было еще электричества. Трудно поверить, но первые три класса я учился при керосиновой лампе. Какие развлечения были у мальчишек? Летом купались в Тинке, ловили мелких ершей, играли в «войнушку» и лапту, ярки да прятки. Ходили в лесок курить украденные у отца папиросы. Помогали маме по хозяйству. Крупной скотины здесь никто не держал, но для утей-гусей местность очень располагала. Зимой ходили с родителями на болота за клюквой.

Жизнь потихоньку шла вперед. И вот уже приковыляли к нам откуда-то, со стороны районного города Тронска, высокие мачты с проводами. В домах появился свет. Было, как водится, много разговоров про «лампочку Ильича», про заботу партии… Но главное чудо пришло через несколько лет. В поселке построили клуб с кинозалом. Картины привозили редко, каждая была событием. И вот однажды, когда мой возраст подошел к тому рубежу, когда вдруг понимаешь, что девочки — не просто подружки по играм, а нечто более значительное, когда начинаешь думать о них по-другому, когда на уроке больше украдкой смотришь на них, а не на доску, я увидел Ее. И был сражен навеки.

Тогда привезли фильм «Человек-амфибия». Для нас, детей глухих болот, распахнулось окно. Мы своими глазами увидели другой мир. Яркий, красивый, романтичный и тревожный. А Гуттиэре… В нее разом влюбились все мальчишки, да и взрослые мужики, думаю, тоже. Из кинозала я вышел в состоянии полного обалдения. Фильм перевернул мне душу, я перестал быть прежним затинским мальчишкой. Я влюбился в первый раз. И хотя предмет моей любви был недоступен, как висящая в небе огромная луна, я ничего не мог поделать. Я представлял себя Ихтиандром, хотел



немедленно попробовать плавать, как он, благородно, изгибаясь всем телом, а не примитивными «сажёнками», как мы плавали в Тинке, но была уже поздняя осень. Я жутко хотел иметь костюм из крупной блестящей чешуи, как у него. И нож, привязанный к ноге, для защиты от злобных акул. Я бы совершил для Нее множество подвигов, убил бы сотню акул… Я думал о Гуттиэре и днем, и ночью, выпрашивал у отца пятаки, чтобы посмотреть фильм еще и еще, благо новые картины привозили редко и каждую крутили до изнеможения…

Однажды я случайно увидел, как после окончания сеанса из будки киномеханика выпорхнула женская фигура, облаченная в синюю накидку с капюшоном. Я видел ее со спины, и меня удивили ее легкие туфельки на каблуках — это в нашей-то осенней грязи! Мысль была проста и безумна — это она, моя Гуттиэре! Петька, наш киномеханик, выпускает ее после фильма, где она играет сама себя, и она уходит отдыхать в неведомые туманные дали!

Теперь мне были не нужны тяжелые монетки по пять копеек, чтобы увидеть Ее. Я просто дожидался окончания сеанса и прятался в мокрых кустах сзади клуба; будка киномеханика имела две двери: одна выходила в зал, а другая — на улицу. Конечно, Гуттиэре не пойдет через зал, где ее увидят; не зря же она носит длинную синюю накидку с капюшоном! Мои ожидания каждый раз оправдывались.

Однажды я вылез из своего укрытия и пошел за ней. Нет, нет, я не хотел шпионить и выяснять, куда она идет и где живет. Я просто хотел видеть ее подольше. Ведь она была светом в моем окошке, самым ярким впечатлением в нашем зачуханном болотном поселке. Я шел за ней, глядя на ее туфельки, на которые почему-то совсем не налипала грязь. Было темно, и я шел за ней, держась довольно близко. И вдруг…

Она внезапно остановилась, я чуть не налетел на нее. Гуттиэре повернулась ко мне лицом и плавным движением откинула капюшон. Ее черные волосы легли на плечи. Ее бледное лицо было обращено ко мне. Она была так прекрасна и так печальна! Она присела и посмотрела на меня снизу вверх. Складки ее плаща легли в лужу, но грязь не прилипала к ее плащу, как будто он был сделан из воска. На ее шее красовалось жемчужное ожерелье. Мелкие капли осеннего дождя падали ей на лицо, казалось, будто она недавно плакала. Она быстро заговорила на непонятном языке. В мое сознание проникали лишь отдельные слова: Ихтиандр, дон Педро Зурита, амиго… Она умоляюще смотрела на меня, повторяя «амиго, амиго…». Я стоял, как столб, не в силах вымолвить ни

слова. Гуттиэре встала — и вдруг порывисто поцеловала меня в щеку. Ее губы были мягкие и теплые. От нее чудесно пахло. Должно быть, так пахнет море или даже само счастье. Я хотел сказать, что люблю ее, только ее, и никого больше. Не артистку Вертинскую, а ее, Гуттиэре. И всегда буду любить только ее, и совершать подвиги ради нее. Но мой рот как будто склеился.

Девушка ушла в густой холодный туман. Я остался один. Мои штаны были мокры на коленках, телогрейка стала тяжела от дождя. Меня трясло от холода, и надо было идти домой, но я не мог сдвинуться с места. Потом туман накрыл меня с головой.

— ...стороняя пневмония — мальчик останется у нас. Ну, ну, не плачьте. Он парень крепкий. Все обойдется. Самое страшное позади. Его очень вовремя привезли. Кто? Не знаю. Эй, да он очнулся! Значит, будет все хорошо.

Я открыл глаза. Туман еще не совсем рассеялся, но я увидел мужчину в белом халате. И маму. Она положила холодную руку мне на лоб:

— Сынок, сынок, — и заплакала.

— Мама, — сказал я, — не плачь. Не уходи.

— Не бойся, сынок. Я с тобой.

Вошла медсестра, держа шприц вертикально. Я побаивался уколов, но тогда мне было все равно. Сделали укол. Мама гладила меня по руке. Засыпая, я слышал обрывки ее разговора с доктором. Он говорил что-то о телефонном звонке. Молодой женский голос, сказал доктор. Говорили на испанском. Или португальском. Мама сказала, что не звонила. У нас нет телефона. И никто не знает никаких языков. Еще доктор отчетливо сказал:

— У него на щеке был след губной помады, Парень-то, видать, не промах...

Потом, когда болезнь расслабила меня, и, выздоравливая, я проникся нежностью к врачам и сестрам, а уж к маме-то и безмерно, я рассказал ей про Гуттиэре. Мама усмехнулась, взъерошила мои волосы и сказала:

— Да это Нинка Еремина бегает к киномеханику. Милуются у него в будке, пока кино идет... Весь Затинск, верно, знает. Кроме его жены... И накидка синяя, с капюшоном, у нее есть. Я сама видела...

Комары звенели над ухом, норовя укусить. Я отмахнулся. Выпить, что ли? А птички поют себе. Им-то что...

Нет, не буду сейчас раскладываться.

Я вернулся на тропку. Несколько минут соображал, в какую сторону идти. Не хочу, чтобы водочка впереди дела шла. Торопиться, опять же, надо. Идти далеко, а время не ждет. Да и к Проводнику лучше трезвым подъезжать: хрен его знает, что за человек. Как посмотрит: ну, не утерпел, выжрал в одиночку... К ним, конечно, всякие ходят, и алкаши на излечение, но я-то не из них...

А тропка не из лучших. Под ногами коренюки, то и дело спотыкаешься. И задолбался ветки от лица отводить. Руки не меньше ног устали, ей-богу... Но решил не отдыхать, пока из лесу не выйду. А в темноте здесь лазить, да еще по пьяни, — верный способ без глаз остаться. Так что уехать на утренней электричке хрен получится. Ночью тут не пройдешь. Вот так-то, милый друг.

Наконец показались прогалы. Лесная опушка. Почти пришел. Теперь через поле, а там и дома виднеются. Сухая грунтовка — красота! Снял рюкзак, чтоб плечи расправить. Хорошо, что водку перелил в пластмассовую «торпеду»: и вес поменьше, и не разобьешь. Постоял, покурил. Все-таки левая кроссовка немного натирает — язычок почему-то едет вбок. Надо будет что-то сделать. Потом.

Мужик стоял около калитки, держа ладонь козырьком. Низенький, смуглый, седой. Одет в рабочую куртку. Я подошел:

— Здравствуйте.

— Здорово.

— Вы Проводник?

— Ага. Тут у нас, парень, только Проводники да Искатели живут. Я разве похож на Искателя?

Он неожиданно дважды повернулся кругом. На спине мелькнула надпись, что-то вроде «Тронскмонтажспецстрой».

— Ну, что, похож?

— Да нет, — я смутился.

— Кто-нибудь еще сошел на станции?

— Не, я один.

Проводник достал мобильник, щурясь, потыкал кнопки, сказал: «Федь, один сегодня. Я возьму его, ага? Ладно».

— Ну, парень, давай знакомиться. Борис Георгиевич я. Проводник. По фамилии — Васин.

Мы пожали руки.

— Чернышов. Андрей Гурьевич.

— Ну, проходи, Андрей Юрьевич. А паспорт ты не забыл?

— Не забыл.

— А водку?

— Как можно…

Проводник открыл калитку:

— Пса моего не боись, он не кусается. Лает для порядку.

Очень приличный, чистенький частный домик, какие встречаются на окраинах любого города. Лохматый пес-дворняга подкатился к ногам, заливаясь праведным лаем. Полная женщина в цветастом халате поливала грядки.

— Это Татьяна, жена моя.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Проходите в дом.

Мы расположились на веранде. Красота! Светло и просторно. Стоят два старых дивана, стулья и большой самодельный стол с прибитым листом фанеры, скрывающим кривизну пересохших досок. Я с тоской вспомнил свою городскую квартиру на пятом этаже — конура, ни дать, ни взять. Ни дворика, ни простора, кошку, и ту не заведешь…

Хозяин раскрыл лохматый журнал:

— Давай паспорт.

Он надел очки, тщательно переписал мои паспортные данные, смахивая при этом на безнадежного бюрократа.

— Ну, вот, Андрей… мммм… Гурьевич. Внесите предоплату.

Я протянул конверт.

Проводник пересчитал деньги, отдал их неслышно появившейся жене:

— Порядок. Распишись вот тут, — он повернул журнал ко мне, — ага. Вот и все формальности.— Он внезапно широко улыбнулся. — Может, будем на «ты»?

И подмигнул.

Я человек понятливый. Достал из рюкзака и поставил на стол заветную «торпеду» с этикеткой «Квас Очаково».

— Водка?

— Пшеничная.

На столе быстро появились огурцы, черный хлеб, зеленый лук. Я достал копченую колбасу и две упаковки селедки. Хозяин привычно и точно налил водку.

— Ну, за знакомство!

— Будем…

— Андрей, а что у тебя отчество такое чудное?

— Отца звали Гурий. Это древнееврейское имя, — я потыкал зеленым луком в соль, — означает «львенок». Да я его и не помню, отца-то. Он погиб, когда я маленький был.

— Из евреев, значит. Давай вот что. Мы сегодня посидим-поговорим — и решим, что завтра делать. Может, ты еще передумаешь идти.

— Навряд ли.

— А вообще я знать должен, что ты за человек. Все-таки идем почти в разведку. Там, — он неопределенно махнул рукой, — есть вещи… неожиданные. Раньше клиенты анкету заполняли. Но я считаю, что в задушевной беседе, — он щелкнул по бутылке, — о человеке больше узнаешь. Так что расскажи о себе.

— Чего там рассказывать… Закончил институт, пошел в армию лейтенантом. Служил в ПВО. Два года. Потом инженером работал. В одном КБ. Потом на завод ушел — там платят больше. Ничего интересного.

— Жена, дети?

— Живем с женой. Взрослый сын. Живет отдельно.

— А в армии — что, не показалось?

— Как сказать… Научили, чем пиджак от кителя отличается. А вообще — бардак там — хуже, чем на «гражданке». Потому что система закрытая. С солдатами проблемы. Я не говорю об «отказниках». В пехоту, к примеру, можно по призыву брать, а к нам — ни в коем случае. Аппаратура сложнейшая, дорогущая, а ее бьютломают. За два года ее изучить просто невозможно. Дедовщина, опять же. Да и вообще.

Вот, говорят, что денег на контрактную армию не хватает. А как подумаешь, сколько техники срочниками побито да на драгметаллы разворовано, — ужас берет. На две бы армии хватило. Или на три. Но хуже всего то, что звезды мозгам не соответствуют. Мне предлагали остаться, старлея давали и должность капитанскую, но я ушел. Я бы там все равно не прижился. Там друг с другом грызутся да жопы начальству лижут, а я не привык. Вообще, форма унижает человека.

— Да? А говорят, дисциплинирует…

— Говорят… Это как посмотреть… Нас ограничивает писаный закон, еще совесть, у кого она есть. А у военных и монахов, к примеру, еще и устав. И живешь ты, как в своей личной, невидимой тюрьме, по жесткому распорядку. Шаг вправо — шаг влево… Не хочу. Это надо натуру иметь — быть на службе круглосуточно. Некоторым нравится. Знаете, почему?

— Догадываюсь, я ведь тоже служил. Думать не надо.

— Вот именно. Выполняй, что положено, и получай, что положено. Просто, как дважды два. Служба людей выравнивает:

слабаков подтягивает, выскочек укорачивает. Усредняет. Как ваш Купол. Я, кстати, по дороге шар видел. В лесу.

— Да? Он давно там. Но ведь с тропки его не видно?

— Я его почувствовал.

Борис Георгиевич задумчиво посмотрел на меня, похрустел огурцом:

— Отлетали они. Лежат теперь спокойно.

Несколько минут мы молчали. Потом я сказал:

— Борис Георгиевич, я ведь сам затинский. Только пацаном отсюда уехал, когда эвакуация началась. Так что вы уж расскажите.

— Раньше мы вводную лекцию клиентам читали. Потом перестали. Оставили лишь инструктаж по технике безопасности. Но ведь неизвестно, что человеку наговорили дома. Ну, так начнем сначала. Наливай, Андрей!

— Айн момент…

— Так вот, откуда шары прилетели, никто не видел, потому что ночью. Утром только обнаружилось. Восемнадцать шаров. Летают себе… Что тут началось… Военных понаехало, солдаты, бронетехника. Никто ничего не знает, но — танки вперед. На всякий. Весь район окружили, мышь не проскочит. Да могли бы и не окружать. Оттуда и так все сбежали, потому что оставаться там неохота было. Сильно неохота. Так неохота, что ноги сами оттуда несли. Один алкаш запойный там остался… Кхе-кхе… Так вот и узнали, что та «нехочуха» на пьяненьких не действует. А Купол уж потом появился. Никто ничего не понял, но людей расселили, благо большая часть территории на хоздвор комбината пришлась, и только немного на жилой район.

Никого не впускают и не выпускают, в газетах ни гугу, по радио песенки поют, а поезда нашу станцию на полном ходу проскакивают. Только генералы да ученые на вертолетах прибывают.

— Карантин.

— Во-во. Будто чума. Но ничего опасного не происходило. Шары летали. Низко, бесшумно, как во сне. Они приземлялись, то тут, то там, на свои лапы. Никто этого не видел, но отпечатки ихних лап регулярно появлялись. И видно было, что они не проваливались, и даже асфальт не ломали. Я так думаю, что они тогда не весили так много…

Наш-то дом далеко стоит, нас военные не трогали, и даже зарплату на дом приносили, хоть «Торфяшка» наша и не работала. И потихоньку стали разбираться, что к чему. Первым делом стрелять начали. Из танка, потом ракетами. Я сам не видел, но

хлопки были — будь здоров. Только хрен чего у них получилось. Два дома повредили. Шары этих атак будто и не замечали. И слава богу. А если б они ответили, страшно подумать… Ведь для них любая постройка или, к примеру, танк, не прочнее яичной скорлупки. Но видать, у них нету таких замыслов — убивать людей…

Потом разведчики пошли. Им тоже пришлось водочки хлебнуть, потому что «нехочуху» превозмочь выше сил человеческих. Правда, они ребята были крепкие, военные, все, что видели, по рации передавали. Они и нашли первые подарки. Я подробностей не знаю, конечно, но говорят, что прапор тот, что первым в Купол попал, заядлый был охотник — и увидел охотничий нож, швейцарский, в ножнах, точь-в-точь такой, как он хотел. Нож тот за углом валялся. Прапор за угол зашел, и все. Пропал. Почти на глазах товарища. Сам момент исчезновения товарищ его не видел, за угол заскочил, а там нет никого, только нож лежит. Доложил: так и так, что делать? Ищи, приказывают, товарища своего. Нашел. Он в куполе стоял, и через стекло видно было, что его х/б[3] стало серого цвета.

Потом, когда он вернулся, оказалось, что вся одежда стала серая, даже неуставные трусы в цветочек. Врачи его, как космонавта, неделю тиранили. Во все дыры трубок понавтыкали, толку — ноль. Все анализы оказались близки к норме. Все, как и должно. Психику тоже проверяли, а как же! Вдруг съехал с катушек! А у него все же разрешение на оружие имелось — военный. И ружье охотничье. Так вот, все его ответы на все вопросы были в норме. Не просто в норме, а очень близки к среднему показателю. Ну, врачи успокоились: что может быть лучше нормы? Ничего! Только один, говорят, приезжий, уважаемый профессор, задумался. И сказал: «Не удивлюсь, если он свое увлечение забросит». И как в воду смотрел. Ребята прапору тот нож преподнесли, когда его домой отпустили. Он его в руках повертел и назад отдал. Ни к чему, говорит, он мне. Я, говорит, с охотой завязываю и ружье продам. Меня, говорит, что-то на рыбалку потянуло…

И его друзья-охотники сильно удивились. А потом наш прапор к водочке стал чаще прикладываться. В соответствии со статистикой: русский мужик в среднем не охотник, а скорее рыбак и выпивает — ничего себе.

Так и стало ясно — Купол людей подгоняет к среднему показателю.

Проводник посмотрел на меня выцветшими глазами:

---

[3] Армейская хлопчатобумажная униформа. *(Прим. авт.)*

— Андрюха! А ведь ты офицер ПВО! Как же так вышло, что вы сбить шар не смогли? Неужто не попали? Какой конфуз!

И Проводник засмеялся.

— Ну, теперь я офицер бывший, в запасе, и много сказать не могу, сами понимаете. Скажу только, что все активные средства рассчитаны на разрушение пустотелых, сравнительно легких и очень-очень хрупких конструкций. То бишь самолетов и ракет. У вас курят, Борис Георгиевич?

— Кури. Вот банка. Ак-ктивные средства — это что?

— Ну, ракеты, снаряды. Чем на противника действуют… Попасть в шар проблем нет… и толку нет. Потому что в нем нечего разрушать. Он же сплошь железный, он — ничто и никто, а сбить его с траектории можно только чем-то, имеющим сравнимое с ним количество движения.

— Это как?

— Произведение массы на скорость.

— Ага. И ничего такого у нас нет.

— Ни у кого нет. Он мог бы спокойно пройти через зоны поражения всех мировых систем ПВО. Если, конечно, не найдется идиот, который применит спецзаряд у себя над головой… Слава богу, шары ничего плохого никому не сделали. Правда?

— Правда. Знаешь, что вообще в этой истории удивительно? — Проводник подался вперед. — Никто не погиб. И даже не покалечился. Я не считаю того парня, что ужрался и сломал палец, не дойдя до Территории. Лей, Андрюха, не жалей!

И мы выпили еще. Тут зашла Татьяна и молча отдала хозяину рулон бумаги.

— Во! Свежий снимок. Давай-ка, посмотрим. Спасибо, Тань. Ты, может, посидишь с нами?

— Дела у меня…

И она вышла во двор. Зато пришел толстый рыжий котяра и запрыгнул хозяину на колени. Кошачья голова высунулась над столом и потянулась в сторону колбасы.

— Погреться пришел, толстожопый? — Проводник погладил кота. — Люблю живность в доме… А у тебя есть кто?

— У нас негде… Завели было аквариум, да все рыбки передохли… Борис Георгиевич, а те дома, на Территории, небось, разворовали?..

— Представь себе, нет. Туда бывшие хозяева ходили, вещи свои вывозили. Поддавали и вывозили. Долго. Ведь они точно знали, что им надо. Купол их не трогал. А воры… Купол им «ханки» подкинул, ведь вор не знает, что попадется украсть, а в

душе хочет одного только — нажраться на халяву да поскорее, чтоб страх свой заглушить. Поэтому в дома они уже не попали, все попали в Купол. А вышли оттуда — уже не воры. Ведь русский мужик в среднем не вор, что бы там ни говорили... То же самое и с бандюками вышло. Не получилось у них власть над Куполом взять. Из тех, что сунулись туда, двое застрелились, двое в монастырь ушли, а один все деньги в детский дом передал, а сам стал книги писать. Не ел, говорят, не пил, а все писал и писал, пока его в психбольницу не забрали...

«Торфяшка» наша загнулась, все на газ перешли. Народ разъехался кто куда. Здесь теперь мы да Искатели остались. Потому что нам зарплату платят.

— А Искатели чем занимаются?

— Среди них есть ученые. Они тут в командировке, меняются все время. Я из них знаю только одного профессора, Виктора Антоновича, мы еще тогда познакомились. И спасатели, наши, местные. Федька, к примеру... Следят, чтоб безопасно было. Потому что дома потихоньку рушатся без присмотру. Да еще люки вот эти...

— Люки?

— Вот, смотри, — Проводник развернул рулон бумаги, принесенный женой, — это сегодняшний снимок.

Я посмотрел и поразился: это был великолепный по качеству и очень подробный спутниковый снимок.

— Ого...

— Вот так-то, — важно сказал Борис Георгиевич, — мы тут тоже не лаптем щи... Видишь эти точки? Это люки. Телефонной сети и канализации. Обыкновенные чугунные крышки.

— И что?

Проводник изогнулся, вытащил откуда-то из-за спины другой рулон.

— А то... вот это вчераш... нет, позавчерашний. Сравни!

Он с победным видом откинулся назад.

— Не может быть... Они что, двигаются? Не может этого быть!

— Не двигаются, а перемещаются, — поправил Борис Георгиевич. — Налей-ка водочки...

— Айн момент! Битте! — я был страшно заинтригован.

— Так вот... ах, ты, зараза... все равно ведь жрать не будешь...

Коту все же удалось когтистой лапой смахнуть со стола кусок колбасы. Проводник сбросил его с колен; кот понюхал свой

трофей, и, задрав пушистый хвост, не спеша ушел, издевательски виляя толстой задницей.

— Скотина какая, — с любовью произнес Борис Георгиевич. — Ну, давай, что ли…

Выпили, закусили.

— Так что с этими люками?

— Они перемещаются. Сегодня здесь, завтра на три метра вон там. Или на десять. Но никто не видел, как они двигаются. Понял?

— Ага. А нам-то что до них?

— Один клиент у меня в люк нырнул… Правда, ничего особого не случилось, но кто его знает. И вообще, люки показывают, что еще не все тут закончилось, что процесс идет…

— А что с ним случилось, с тем клиентом?

— Охо-хо… Я тогда только начинал Проводником. Народу много приходило, все хотели заветные подарки от Купола получить. Пришел один, деревенский, как сейчас помню, Юркой звать. Он там увидел что-то. Обыкновенный телефонный колодец. Глубиной метра два, крышка чугунная рядом валяется. В стенках выходы цементных труб, а в них кабели. Три кабеля толстых. Из одной стенки выходят, в другую уходят, в метре ото дна. Вот под ними-то и лежало, под кабелями. То есть вроде бы лежало. Юрка на кабели те толстые спрыгнул, ничего, выдержали. А с них уже на дно колодца.

Так вот, то, что дном казалось, им не оказалось. Юрка с кабелей на дно прыгнул, а дна там и не было. Видимость одна. Он, правда, успел руками за кабель ухватиться. А тот вдруг покрылся маслом, будто вспотел, и вращаться начал. Ухнул Юрка вниз, прямо сквозь фальшивое дно. И то, что лежало на дне, так вроде и осталось лежать, других поджидать в ловушку. Запах только вылетел оттуда, вроде как разогретого металла. Что тут сделаешь? Взяли мы крышку чугунную да на место поставили. Хотя толку от этого мало: наверняка найдется любопытный и откроет. А там лежит. И манит. Перед Юркой, видать, нелегал какой-то туда провалился, потому что крышку закрыть некому было: Искатели обязательно бы закрыли, им лишние проблемы ни к чему. Заварить бы ее, эту крышку, да только чугун простым электродом не варится, и аппарат надо постоянного тока. Поначалу Искатели прошли, все крышки заварили, да толку ноль. На следующий день сварки как и не было. Раз десять заваривали, потом бросили. Только в инструкцию мне добавили: избегать люков. И открытых, и закрытых. Обходить стороной.

Мы его, конечно, встретили потом, Юрку-то, но я ребятам строго наказал, чтобы не окликали его. Я уже догадался: после ловушек у них одна дорога — за стекло. Туда и бредут, никого не замечая. Что с ними под землей происходит, остаются ли они сами собой — никто не знает, но лучше, чтобы в люки никто не попадал.

Потом и шар пролетел, махая сотней лап-лопаток. Удивительная штука этот шар. Зачем ему лапы, ведь он тяжеленный, и подъемную силу он создает как-то по-своему, а лапы эти вроде нас успокоить должны: смотрите, мол, и мы летаем по-вашему. Вроде все по-честному. Хотя с первого взгляда понятно, что лапы слишком малы и слишком медленно крутятся. И вообще, они больше мешают ему, чем помогают, потому что портят его обтекаемую форму и создают лишнее сопротивление воздуха. Но, может, у них какая-то другая забота, у тех лап.

— Борис Георгиевич, а что в колодце-то лежало?

— Что лежало? Не знаю, что Юрке показалось. Всяк свое видит. Я, как заглянул туда, сразу понял, что это: насос это был, для машины, аккумуляторный, французский. В коробке. Но это видел я. Меня тогда в моей «четверке» камеры достали: воздух не держат. Как ехать, так мослать ручным насосом. То одна, то другая. А то и две сразу, заразы. Уж спина гудит от этого мослания. Сто раз клеил, все без толку. А то и вообще дырку найти не мог. Целая камера, и все тут. Нету пузырьков. Поставишь, проедешь километров двадцать — и давай мослать. Отполировался весь насос-то, даже перед соседями по гаражу неудобно. Понятно, какой ты водила, коли у тебя ручной насос или кривой стартер в зеркальном состоянии находятся.

А Юрка… не знаю, может, ему упряжь какая привиделась — он много про лошадку рассказывал, видать, любил ее сильно. Какая-нибудь уздечка особенная, приметная. В деревне любят приметные вещи. С одной стороны, ни у кого нет таких, покрасоваться можно. А с другой, не украдут: вещь-то приметная, все знают, чья она.

Многим деньги видятся. Или золотые монеты, с которыми непонятно что делать. Вообще, многие считают, что счастье купить можно, и думают о деньгах. Но Юрка — нет, он за деньгами не полез бы, в деревне больше вещи ценятся. А вот за красивой уздечкой полез бы. Автолавка к ним раз в неделю приезжает, хлеб, колбасу да водку с консервами возит. Какие уж там деньги. За всю жизнь всего и расходов крупных: телевизор да холодильник. Мебель вся от стариков остается. Ну, еще одежда да сапоги,

по мелочи. Машин не покупают, негде там на машине, лошадка практичней. Вот такая история. Ну, да ладно.

Нам с тобой перед походом надо «добро» от Искателей получить, от Федьки, значит. Он сейчас, небось, пошел на Территорию, безопасность проверять… Ну, да это все — ладно. А скажи-ка ты мне, Андрей… Гурьевич, что ты хочешь от Купола? И понимаешь ли ты, что с тобой сделается? Ведь не каждый понимает, как это — стать средним. Первое время жены-матери своих мужей-сыновей-алкашей сюда таскали. Понятно, Купол это дело лечит легко. Я, честно говоря, на себе проверил. Я ведь самый первый туда попал, еще не зная ничего. И кончились мои запои. Теперь с клиентом спокойно выпиваю, и жена не волнуется. Плохо другое: если человек усредняется, то по многим параметрам. В том числе и по продолжительности жизни. Сейчас у мужиков это пятьдесят семь лет. Мне еще пять лет до этого срока. Но поджилки уже трясутся, хоть таких случаев я не знаю, чтобы кто-то по сей причине умер.

Но мы предупреждаем всех: это возможно. Так что алкаши выбирают между своей бедой и ограниченным земным сроком. Им-то, правда, проще — они смерти не боятся. Но, повторяю, этот факт есть пока предположение… Мы всех клиентов записываем, статистику ведем. И еще момент: если ты…

— Борис Георгиевич, — перебил я его, — а туалет у вас…

— Во дворе. Пошли.

Пес полаял для приличия, но агрессивности не проявил. Привык, видно, к чужим людям.

Мы вернулись за стол. Я закурил, а Проводник сказал:

— Вот от курева Купол не отучает. Отсюда вывод — наш мужик в среднем курящий. Я-то сам бросил. Горжус-с-с-с!

— А что вы говорили? Я вас перебил.

— Ах, да. Если ты какой выдающийся, писатель, там, или композитор, то опять же будешь средним. Потому, если ты еще не создал свои шедевры, то под стекло не спеши. Один был у меня. Писатель. Смертельно больной. Говорит, врачи три месяца ему определили. Мне, говорит, книгу бы только закончить. Шедевр будет — на все времена. И что ты думаешь? Не будет шедевра, хоть и времени хватит. Вот так-то. Ладно, Андрей, а теперь скажи-ка мне, что ты-то хочешь?

— Эх, Борис Георгич, сам не знаю… Однажды заболел я, мы еще здесь жили, в Затинске. Меня тогда в больничку отвезли. Кто — до сих пор неизвестно. Привиделось мне тогда… Мама тогда сказала: привиделось тебе. В бреду такое бывает. И вот

это слово «привиделось» преследует меня всю жизнь. Привиделось ли? Теперь я хочу, чтобы привиделось еще раз. Я хочу, чтобы привиделось.

— А что было-то?

Я смутился. Я никому об этом… только маме, давным-давно…

Сказал:

— Девушка одна была. Красивая.

— Умерла, что ли?

— Нет… но… не знаю, как сказать…

А сам подумал:

«От нее пахло морем. Или самим счастьем».

— Ладно, Андрей. Купол выполняет сокровенные желания. Цену ты знаешь. Утром решишь, стоит ли оно… А теперь пошли спать.

Утро выдалось ясное. Мы позавтракали, выпили водки, вышли за ворота. Запищал мобильник.

— Ага, понятно, — сказал в трубку Борис Георгиевич.

Повернулся ко мне:

— Искатели дают «добро». Решай. Не поздно отказаться. Деньги верну.

Я поднял голову. Далеко-далеко в синем небе летела одинокая белая цапля.

АНДРЕЙ ГАЛЬПЕРИН

Середина жизни

Рассказ

Сидя в неудобном кресле, прямо напротив старенького кондиционера, я смотрел на серую от пыли пальму за окном и напряженно размышлял о том, что же привело меня сюда, в Майами-Бич. Неделю назад, когда тоска, стекающая мутными хлопьями из косматых туч, заставила меня снова забиться в угол и дрожать от страха и отвращения, я всерьез задумался о том, что пора бы сменить обстановку. И первое, что пришло мне в голову, был океан. Я захотел вновь увидеть безбрежную гладь, казалось бы — бесконечную, но в то же время такую близкую и понятную. Может быть, именно это сравнение пульсирующей необъятной тьмы и могучего земного океана и пришло мне тогда в голову. Не помню… Может быть…

Целую неделю я боролся со страхом. Впрочем, нет. На самом деле я выбирал между Анкориджем и Кейптауном. Перебирая в уме плюсы и минусы обоих городов, я порой ловил себя на мысли, что это все не важно, а важен лишь страх, мой липкий страх. Я боялся людей, боялся больших городов, боялся серых могущественных призраков… Я боялся всего. О Боже, насколько мой страх был велик!

Но приехал я почему-то в Майами. В карнавальный город полуголых шутов и кубинской мафии. И теперь, сидя в запыленном мотеле с гордым именем «Ки-Уэст», я ломал голову, перебирая все мыслимые и немыслимые варианты. Ведь я собирался в Кейптаун.

По дороге в Фарго я встретил окружного шерифа, он предложил подвезти, я не смог отказаться и опоздал на чикагский скорый. Из Фарго я почему-то поехал в Денвер. Почему? Два года назад, едва вырвавшись из Калифорнии, я вернулся в родной город с тайной надеждой на чью-нибудь помощь. В итоге я месяц просидел в углу крошечной коморки, полусогнувшись, ежеминутно вздрагивая от ужаса. Но, тем не менее, я вновь приехал туда.

Итак... Вокзал. Для вас объятья, для меня же — встречный ветер в лицо. И сразу же голову мою словно сдавили раскаленными щипцами, и мысли стали жидкими и отвратительно горячими, как радиоактивная лава.

Денвер. «Приди ко мне и накажи глупцов непокорных». Рывком выхватить «люггер» и палить во все стороны, брызгая ядовитой слюной, упиваться видом быстро темнеющей крови и бежать, бежать — к пульсирующей пустоте... Денвер я ненавидел. Переплачивая таксисту добрую сотню, я смеялся как ребенок, и старенький «додж», виляя разбитым задом, бодро вытаскивал меня по серым венам магистралей, туда, куда не долетали горячие ветры Сантиго.

Аэропорт Солт-Лейк-Сити был забит вооруженными до зубов солдатами национальной гвардии. Выступления антиглобалистов продолжались, и я вполне мог сойти за одного из них. Впрочем, после Нью-Йоркской войны все аэропорты Америки были забиты национальной гвардией. Я прошел мимо солдат с высоко поднятой головой и, не совсем понимая, что делаю, зарегистрировался на рейс до Майами.

Вот так. Если бы эти головорезы задержали меня, то непременно попросили бы снять очки. Шериф в Фарго тоже просил. Под дулом пистолета. Теперь он там, размазывает свое дерьмо по стенам, а я здесь.

И если бы они заставили меня снять очки, это могло стоить мне пули в брюхо. Хотя большинство разбежались бы в ужасе. На ранчо Шот-Ривер, где я проторчал безвылазно последние два года, ранней весной я встретил у самого дома стаю волков. Я не носил с собой оружия, хотя и вывез из Денвера целый арсенал, я просто встал перед ними на колени и снял очки. Больше ни один волк не приближался к ранчо. Ни один.

Я видел в окно, как где-то над океаном рождается тайфун. Я теперь многое могу увидеть. Я смотрю на этот мир со стороны. Со стороны дьявола. Со стороны вселенной. Но я перестал видеть то, что у меня под ногами. А под моими ногами горела земля. Я встал с кресла и прошел в ванную. В полутьме было заметно, как с кончиков

моих пальцев стекают тонкие струйки бледно-зеленого света и уходят, постепенно растворяясь, куда-то вниз. Впрочем, этот самый свет видел лишь я один да, быть может, Огромный Рыжий Монстр. А вот мои глаза…

Я включил свет и протянул руки к вискам. Секунду поколебавшись, я снял очки и уставился на свое отражение. Ничего. Глаза как глаза. Те же, серо-голубые, обыкновенные глаза. Разве что круги под глазами. Но ведь все остальные, кроме, пожалуй, Огромного Рыжего Монстра, все остальные видели что-то другое. Что-то настолько страшное, что бежали без оглядки, теряли сознание, опорожняли мочевой пузырь… Я знал, что они видели в моих глазах. Знал, но боялся об этом думать. То же самое я впервые увидел Там, на выходе из лифта шестого сектора, в тамбуре четырнадцатой контрольной башни…

Я надел очки и вышел из ванной. Постоял, глядя на серый, дорогой кожи кейс с золотым тиснением по краю — «В.М.». Этот кейс был первым предметом, который я увидел после того, как пульсирующая тьма выплюнула мое тело в пустыню. Тогда я пролежал несколько суток не в силах встать, лишь изредка приподнимаясь на локте для того, чтобы проблеваться желчью. По мне пробегали ящерицы, а пара стервятников важно вышагивала поблизости, подбадривая друг друга шипением.

Когда я нашел в себе силы подняться, первое, что я увидел, был этот самый кейс. Скорее, это был даже не кейс, это был саквояж. Он лежал в пыли, поблескивая золотым вензельком, такой обычный, земной. А потом я вспомнил. Я вспомнил, в чьих руках видел такой предмет в последний раз, и опять согнулся в приступе рвоты. А придя в себя, осторожно, как хрустальную корону, положил этот кейс на колени и щелкнул замками. Внутри лежал кольт «Питон» 45-го калибра, американский паспорт на имя Джона Руальда Темпеста с моей фотографией, водительские права и диплом об окончании Йельского университета, факультета радиофизики — на то же имя, пачка стодолларовых купюр, пара кредиток и черные очки. Я надел очки, взял в руки пистолет и привычным движением отщелкнул барабан. Столь привычным движением, что вздрогнул. Физик. Какой я к черту физик. А потом я засмеялся.

Один патрон.

Я смеялся диким лающим смехом. Один патрон! Нужно быть идиотом, чтобы не понять, зачем в этом пистолете один патрон. Я взял револьвер за ствол и зашвырнул в сухие черные кусты. Потом встал и, пошатываясь, побрел на восток. Через пару часов я вышел к заправке, а потом и к городу. Это была Тихуана.

Тихуана. Старик индеец, продавец в крохотном магазинчике на краю города. Первый человек, увидевший меня без очков. Его сердце не выдержало, и на лице покойника я прочитал столько дикого ужаса, что сам бежал, спотыкаясь, пока не забился в какую-то грязную нору. Я просидел там несколько дней, захлебываясь слезами и дрожа от отвращения к самому себе.

Потом был Денвер. Под именем Джона Темпеста я пытался найти какие-либо сведения о том, что случилось в Аризоне, но безрезультатно. Всеобщее молчание. Ничего и нигде не происходило. Ни одной ниточки, ни одного упоминания. В родном городе никто меня не узнавал и не вспомнил. Меня словно никогда и не было. Потом… Потом были те трое чернокожих парней… Что за организацию они представляли, я выяснять не стал. Просто убил всех троих. Быстро. Не раздумывая.

И началась охота. Я, как крыса, вновь шнырял по коллекторам и подвалам. Снова снайперы, засады, мины-ловушки… Но все это длилось недолго — всемирный кризис пришел к своему логическому завершению, и началась такая резня, что всем стало не до меня. И я тихо собрался и уехал в Дакоту, на заброшенное ранчо своего деда. Два года я ловил форель. Я поймал чертову уйму форели. И хариуса. И щуки… Каждый день я шел к реке, швырял блесну, возвращался, жарил рыбу себе и кормил чудовищно ленивого и толстого кота по прозвищу Огромный Рыжий Монстр. Рыжий Монстр пришел однажды из леса, потерся об мою ногу, посмотрел в глаза и остался жить. Пожалуй, он был единственным существом на свете, способным выдержать мой взгляд. Мы с ним ладили.

Через год такого существования я вытащил терминал и попытался узнать, что происходит в мире. Пытался я напрасно. Терминал был заблокирован, как, впрочем, и вся сеть США. Поковырявшись пару дней, я выяснил, что сеть выведена из строя навсегда. В мире правили бал кланы индийских и китайских хакеров. Зашвырнув терминал в самый дальний угол, я собрал на скорую руку всеволновой трансивер и просидел неделю, перебирая настройки. Из коротких передач я узнал, что Нью-Йорк разрушен во время выступлений антиглобалистов. Выступления эти переросли в войну, и война охватила весь запад, от Мэна до Джорджии. Правительство не в силах контролировать ситуацию, и президенты сменяются один за другим. В Бразилии — голод, в Аргентине — голод и чума, в Колумбии и Венесуэле — голод, чума и всеобщая резня с переменным успехом. Россия задавила Евросоюз экономическими санкциями, в Париже литр бензина стоит дороже нового автомобиля. А новости с Ближнего Востока оказались настолько страшны,

что я взял топор и разнес приемник вдребезги. Потом выпил залпом весь свой небольшой запас спирта, схватил спиннинг и побежал к реке.

Прошел еще год. По ночам зеленое небо спускалось вниз, и я начинал отбрасывать кривую желтую тень. Красные всполохи разрывали его, деревья сочились голубым дымом. Я внезапно понял, что больше не могу так жить. Больше не могу быть здесь. Я захотел к океану. Но — к океану ли? И я этого захотел или вовсе не я? Как бы там ни было, я оказался здесь, в Майами. Пустой, как бутылка из-под «Джек Дэниэлс».

Майами. Я шел по набережной — двухметровый громила в черном плаще. В непроницаемых черных очках на сером, неприятном лице. Свои длинные седые волосы я прикрыл черным платком, завязанным на затылке в узел, заодно скрыв два страшных шрама, идущих от макушки к вискам. Пышные блондинки в бикини оборачивались и смотрели на меня, мужчины что-то шипели, чайки в небе, видно, почуяв неладное, устремились куда-то со всей своей птичьей скоростью. Вероятно, на Кубу...

Я смотрел поверх мачт на океан и чувствовал, что пустота внутри меня не заполняется, а, наоборот, растет. Он ворочался там, вдали, огромный, бесконечно равнодушный, презрительно спокойный. Когда-то я любил океан. Но теперь... Океан стал для меня обманом. Мы с ним оказались в разных вселенных. Океан просто был там. Был для себя. Я тоже был просто для себя. Мир в себе.

Мир во мне был пуст. Он был наполнен пустотой. Дикий бред. Впрочем, то, что я видел, то, что навсегда отразилось в моих глазах, и бредом назвать нельзя. Это реальность. Реальность изнутри. Реальность...

— Гордон?

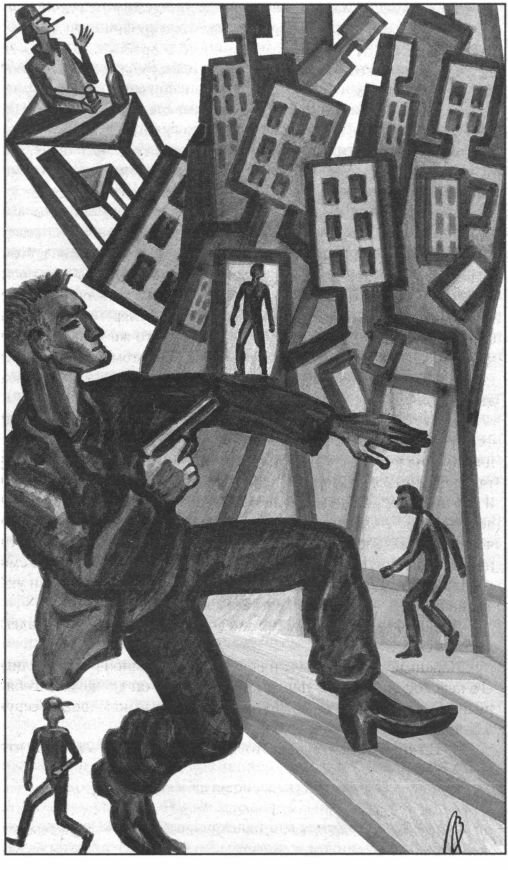
Я замер, глядя в упор на человека за барным столиком. Черные очки. Серое лицо, обрамленное седой бородкой... Я его узнал. Я не мог его не узнать. И тут же мозг мой словно взорвался, переполненный лавиной чувств. Я пошатнулся. Мир сделался непередаваемо зеленым, и со всех сторон ко мне кинулись серые призраки. Я одернул плащ и потянулся за пистолетами.

— Гордон! Это я...

Все прошло. Видимо, для этого я и приехал в Майами. Я слабо улыбнулся и шагнул к столу.

— Привет, Барни... Черт, давно не виделись.

Барни Калхун. Когда я пришел на работу в «Черную Мессу», первым сотрудником, с которым мне довелось общаться, был



именно он. Барни проводил со мной инструктаж по личной безопасности, водил меня по закоулкам третьего уровня «Мессы», рассказывал о людях, с которыми мне предстояло работать. Этот плотный здоровяк с несомненными индейскими корнями впоследствии стал единственным человеком в «Мессе», с кем я поддерживал приятельские отношения. Мои коллеги — ученая братия — сразу отнеслись к моей персоне с некоторым недоверием. «Эй, Гордон! Твоим профилирующим предметом в университете был бейсбол?» Я был на полфута выше самого высокого из них. Черт! Но это ничего не значило! Я окончил университет в семнадцать лет, а в девятнадцать опубликовал свой десятый научный труд! Через два года я уже заведовал лабораторией, а когда экспериментально подтвердились мои выкладки насчет резонансного проникновения, шуточки сменились неприкрытой завистью. А Барни... Мы любили посидеть в баре третьего блока за кружечкой пива и поговорить о боксе. Изредка я заезжал к нему в Нуэво-Мейо, и по вечерам мы играли в бридж, его дети копошились у наших ног, а его жена, полненькая хохотушка Мегги, делала утку по-ливански. Потом мы сидели все вместе на веранде его огромного дома и смотрели на яркие звезды Аризоны...

— Черт, Гордон! Ты выглядишь слишком плохо для специалиста, получавшего шестьсот штук в год! — Барни встал из-за стола, и я заметил крупные капли пота на его лице. Правую руку он протягивал мне, а левую держал у пояса. Пальцы его мелко дрожали. Я пожал его руку. Где-то вдали блеснула молния. В соседнем кресле сидел широкоплечий парень в военном комбинезоне и таких же черных очках, с крупным серым лицом, трехдневной седой щетиной и страшным шрамом через всю щеку. Парень равнодушно смотрел на меня и крутил в пальцах пачку «Лаки-Страйк». Барни указал на него. — Энди, это Гордон. Гордон Фримен.

Гордон Фримен. «Фримен, ты сдохнешь!» Вот и все. Издалека долетел раскат грома.

Парень вскочил — был он почти одного со мной роста, — лицо его перекосила гримаса ненависти. Впрочем, он тут же взял себя в руки, и, вяло улыбнувшись, протянул огромную, как лопата, серую ладонь. Барни усмехнулся в бороду.

— Познакомься, Гордон. Это Эдриан Шеппард. — Парень что-то буркнул под нос и сел.

— Меня зовут не Гордон, — «Фримен, ты сдохнешь!», но я уже успокоился. Подвинув стул, я уселся напротив Барни и положил руки на меню. — Теперь меня зовут Джон Джордж Руальд Темпест. Уже два года.

— А меня, — Шеппард подкурил сигарету и выпустил в мою сторону облако дыма. — Меня зовут Эдгар Алан Поуэлл.

— А меня — Мартин Лютер Кинг, — Барни поморщился и смахнул с лица пот. — Шучу. Лица у нас такие, что хоть сейчас в музей мадам Тюссо.

— Это кислота. — Я позвал жестом официанта. — Я рассматривал образец своей кожи под микроскопом. Она вся покрыта крошечными серыми язвочками. Слишком много радиации, слишком много кислоты.

— Слишком много сумасшедших ученых. — Шеппард внимательно смотрел на меня, поигрывая пачкой сигарет. — Как ты оказался в Майами, Фримен?

— Как ты оказался в Майами, Энди?

— Брэк, ребята! — Барни вытащил толстую контрабандную сигару, откусил кончик и долго подкуривал. — Если уж мы оказались в одном месте, в одном городе и в одно время — я думаю, с этим нужно смириться. По крайней мере, я оказался здесь из-за сигар… Гордон, я думал — ты умер.

— Я так же думал о тебе, Барни. Последний раз я видел тебя по дороге в лабораторию. Ты молотил кулаком в двери тамбура второй секции третьего блока…

— А… Орсон, покойник, шутил. Я видел тебя на мониторе, когда ты катил тележку к своему чертову полигону. Я еще передал Зеду, чтобы он скинул тебе на терминал сообщение: Мегги приглашала тебя и Катрин на ужин. Из Сан-Диего приехала на каникулы Джулия, и… — Барни опустил голову. Шеппард отвернулся.

— Не надо, Барни. — Я положил ладонь на его руку. Напоминание о Катрин что-то сдвинуло внутри меня, резанув под сердцем дикой болью.

Мир вокруг зазвенел сумасшедшим ливнем, раскололся молниями на безумную мозаику. Мир вокруг нас исчезал.

Катрин. Я познакомился с ней на вечеринке, которую устраивал по случаю Дня благодарения Питер Гуфри, один из моих ассистентов, позже перешедший в группу «Лямбда». Я видел его мозги, размазанные по реакторному залу, а его тело, медленно ковыляющее прочь, я расстрелял из пулемета. Но тогда, на вечеринке, я оказался случайно, мой «Чероки» заглох прямо перед его домом. Я спешил и зашел, чтобы попросить мотоцикл. Я увидел ее у бассейна и сразу же забыл обо всем. Так бывает однажды со всеми, так случилось и со мной. Она стояла в белых джинсах и нелепом цветном свитере с длинными рукавами и смотрела на луну. Во всех своих воспоминаниях я видел ее именно такой — плывущей в лунном свете,

манящей невообразимо далекой, почти прозрачной красотой. Видимо, на моем лице отобразилось что-то такое, потому что она тихо приблизилась и прошептала:

— Вы увидели НЛО?

Я, потеряв дар речи, смотрел на нее сверху вниз. Тогда она обворожительно улыбнулась и потянула меня за собой.

— Вы, наверное, на вечеринку? Пойдемте, я вам налью…

Я узнал этот голос. Черт побери! Я слышал его каждый день, въезжая на территорию «Мессы». И я безропотно поплелся за ней.

— Фримен!

Я поднял глаза.

— Фримен, я видел тебя там, в Мессе. Мне передали, что все случилось из-за тебя.

— Да. Я видел надписи на стенах. А то, что случилось... По моим расчетам, мощность генератора не должна была превышать один процент. Однако Мастерсон рассудил иначе и установил мощность на пять, что на полтора процента выше предельно допустимой.

— «Жаба» Мастерсон. — Барни одним глотком осушил свой бокал. — Вот черт! Не пьянею. Он всегда ненавидел тебя, Гордон.

Мастерсон. «Жаба». Жабьи глазки. Жабья улыбка. Ты действительно ненавидел меня. Ученый с мировым именем. Ты сделал это имя, вылизывая задницы. ЦРУ. АНБ. ФБР. Сенатская комиссия по исследованиям. Кому еще ты лизал? Ты ненавидел коммунистов и анархистов. Панков и хиппи. Ты ненавидел всех, черт тебя побери. Уилл, ты должен был знать, к чему может привести резонансный каскад! Должен… А может, ты и не знал этого? Но ведь Олдридж и Гердель знали наверняка! Хотя ты их ненавидел тоже: Олдриджа — за то, что негр, Герделя — за то, что еврей… Тяжело ненавидеть весь мир. Пусть будет проклято твое имя, Уилл!

— Он вызвал экспансию Ксин. Мне пришлось уничтожить их главный мозг…

— А мне, вероятно, — их резервный. — Шеппард невесело засмеялся, и я заметил, что он совсем еще молод, едва ли старше двадцати пяти. — Скольких наших ребят ты убил, Фримен?

— Ваших ребят? — Я посмотрел на Барни. Тот пожал плечами. Шеппард перегнулся через кресло ко мне и задрал рукав, обнажая татуировку на предплечье. Кожа до локтя была серой, а выше — обычной, гладкой и розовой.

— Вот, видишь? Войска специального назначения: второй батальон, восьмая бригада, Иллинойс.

— Спецназ? — Я пожал плечами. — Морские пехотинцы были. Встречал и трупы рейнджеров. Да еще черные… Ваш спецназ не попадался.

«Он там, мать вашу! Там!» Не надо, ребята, прошу вас, не надо. Я просто хочу выйти наверх. Мой пот уже не соленый. Он горький… И правда, слезы горьки… Бледные полоски на пороховой гари. Я не хочу вас убивать! Но ведь вы убили Брайна Казалли. Почтенного старца, великого ученого, милого и простодушного человека, в рассеянности своей постоянно забывавшего застегивать ширинку в сортире. Вы убили его, расстреляли в упор, как бешеную собаку:

— Морпехи, говоришь? Когда мы летели на задание, с нами был инструктор из штаба ВМС. Он не сказал ничего… Не успел. Впрочем, на разбитый вертолет морпехов я наткнулся сразу. Видимо, они высадились намного раньше нас.

— А после?

— Что — после?

— Кто еще высаживался после вас?

— Пару раз я слышал по радио о высадке десантников с какой-то орегонской базы. А потом на верхние уровни ввели бронетанковую дивизию из-под Арлингтона. Они даже на какое-то время захватили контроль. Пока кто-то не разрушил системы безопасности…

Я внутренне содрогнулся. Впрочем, я настолько свыкся с тем, что убил массу своих сограждан, что сведения о том, что я способствовал смерти еще кого-то, остались на периферии моего сознания.

Барни скрестил пальцы и положил на них могучий подбородок.

— А черные?

— Черные? — Я плеснул себе текилы на два пальца. — Черные — не люди. Вернее, не совсем люди.

— Это правда. — Шеппард закурил. — Я покопался в потрохах одного из них. Помимо обычных органов, там еще какие-то проводочки, баллончики.

— Киборги?

— Может, и киборги. Бродят же по развалинам Нью-Йорка сумасшедшие роботы.

Киборги. Они двигаются с нечеловеческой скоростью. Четыре пули. Пять. Сколько еще выдержит костюм? Сколько еще выдержу я? Я… Пустой звук. Эхо в сумасшедшем сплетении чудовищных труб. Вот и граната. Она катится, весело звеня, а я стою и смотрю на нее, а черные тени впереди судорожными рывками приближаются. Приближаются…

Назад! За ящик. Взрыв и осколки сбивают с ног, и дыхание тупой пилой ползет, продираясь сквозь гортань, с трудом раздвигая трепещущие капилляры. Окровавленными руками перезаряжаю автомат, и дикий страх: заканчиваются патроны…

— Гордон! Очнись! — Барни трясет меня за плечо. — Все закончилось, Гордон! «Мессы» больше нет.

— Нет?!

— Я вытащил наружу Джоунса и Джойса… Проклятье, Гордон! У меня было семеро детей! И я шел наверх с единственной целью — вернуться домой! Я вытащил этих проклятых яйцеголовых, я сел в джип. Но, Гордон, дома у меня уже не было. Они сбросили на Сантиго бомбу.

— Бомбу? Ты имеешь в виду — ту самую бомбу?

— Да, Гордон! Ту самую. Я полз по коллектору заброшенной станции две недели. Я жрал крыс и умирал по семь раз на день И остался жив…

Я смотрю на его серое лицо покойника. И Шеппард смотрит на него. Нет, Барни. Ты не прав. Ты умер. Я уже видел такое лицо, как у тебя. Как у меня. Как у Энди. Я уже видел такие глаза, как у нас.

Серый человек. «Мистер Фримен! Вы поразили меня своим желанием выжить».

Я сидел, прислонившись к трубопроводу, и пытался совладать со страхом. Страх зарождался где-то в районе солнечного сплетения и растекался жгучей волной по всему телу. Только что я расстрелял из дробовика жуткое чудовище с вывалянными наружу внутренностями. На монстре был залитый бурой кровью лабораторный халат, из кармана которого нелепо торчала шариковая ручка. А сбоку болтался ламинированный бейдж. «Эндрю Бакстор». Вот так. Прощай, Эндрю. Такой конец ты вряд ли бы увидел даже в самых страшных своих эфирных снах.

Он стоял на пандусе, ведущем в щитовые лифтов шестого сектора. Он стоял, слегка покачивая серым кейсом, и смотрел вниз. На меня. Я вскочил…

И замер. Через расстояние, разделяющее нас, я почувствовал его взгляд. Взгляд этот был физически ощутим, он полз по мне, как липкое отвратительное насекомое. Взгляд из зеленых глубин неизвестности. Я стоял и видел, как скользкие пальцы ощупывают мой мозг, складывают и сортируют мысли, перебирают брезгливо чувства и воспоминания. И тогда я бросил на пол дробовик и медленно потянул из-за пояса пистолет. Ловя на мушку серую переносицу, я чувствовал, как пальцы внутри меня скользят все быстрее и быстрее. Я выстрелил. Две обоймы, одну за одной. Но он даже не

шелохнулся, словно стрелял я в голограмму. В злобном бессилии я опустился на колени и зарыдал. Я реалист. Я ученый. Я предсказал появление спонтанных квазипереходов. Я предсказал Ксин. Но я не в силах ощутить, пощупать, почувствовать на себе альтернативную реальность. Я проиграл.

Человек в сером поднял руку и поправил большие старомодные очки в роговой оправе. И не торопясь прошел в тамбур, ведущий вниз. В Ад. К реактору. Я повалился на бок и застонал.

— Мы говорим не о том. Мы, может, единственные, кто остался в живых. Я не могу вернуться в армию. Я могу сгнить в чертовом Сиэтле, собирая старые машины и вздрагивая от ужаса каждые пять минут.

— Вряд ли, Энди. Думаю, тебе еще доведется поиграть с ножом.

И он появился, этот нож. Шеппард извлек его, любовно поглаживая, огромный десантный стропорез.

Я повернул голову. Мир вокруг нас исчез. Нас окружала зеленая плотная сфера, за полупрозрачными стенами ковыляли темные силуэты с рубиновыми глазами.

Ксенофобия. У них к нам. Или у нас к ним? Вы мирно существуете, обжигаете свои бочки кислотным огнем, строите свои огромные башни. Мы приходим, расстреливаем вас из автоматов, взрываем, сжигаем лазерами. Или вы заражаете нас, выедаете наши мозги, топите нас в бурой жиже?

Я встал, смахнув рукой сонное наваждение. Середина жизни. Кто-то разобрал меня на части, а потом собрал. Но на полу остались лежать лишние детали, которые затерялись со временем в чуждой реальности.

Пальма за окном делила мир на мокрые сумерки и пылающую неоном безумную жизнь. Я прошел к выходу и слегка толкнул ногой дверь. Снаружи пахнуло порохом и плесенью. Я осторожно выглянул и улыбнулся. Стоянка перед мотелем исчезла. За дверью начинался длинный, освещенный зелеными сполохами коридор. Там, впереди, что-то глухо чавкало и повизгивало. Я обернулся и еще раз посмотрел в окно на пальму. Потом вытащил пистолет, снял очки и шагнул вперед.

Здесь я могу ходить без очков. Смотреть на мир глазами, в которых навсегда отразилось зеленое небо Ксин.

НИКА РАКИТИНА

Берегите лес от пожара

Рассказ

Если любовь переплавить
в ненависть...

И при жизни бомж благоухал не розами, а уж после... Но полицейский доктор безо всякой брезгливости оттянул на кадыкастой шее драное кашне и пальцем свободной руки, желтым от никотина и с обкусанным ногтем, ткнул в дыру на серой коже.

— Патологоанатом, конечно, даст свое заключение, но уже сейчас я могу утверждать, что преставился он не от цирроза печени.

«Патологоанатом, я, он... кто, на хрен, преставился?..» За сорок лет работы в райотделе Роман Андреевич привык к полицейскому косноязычию и к разным типам ранений, «не совместимых с жизнью», тоже привык. Но вид пробитой стрелою шеи почему-то не давал спокойно дышать. Капитан отошел в сторону и плюхнулся на кособокую скамейку с неровно шелушащейся краской. Похоже, в пожарный цвет их красили одновременно — эту скамейку и древние буквы, на ржавой проволоке наискось повисшие над проселком: «Берегите лес от пожара». Берегите, стало быть, лес... Роман Андреевич ослабил шарф на шее и вздохнул. Воздух пах папиросным дымом и ноябрем. В тумане вязли голоса оперативников.

— Мистика, Андреич, верно? — лейтенант Олег Чуднов по кличке Чудо грохнулся на конец скамьи всеми девяноста килограммами, заставив подскочить второй конец с тоже не легоньким капитаном. Роману Андреевичу показалось, он

слышит скрип выходящих из досок ржавых гвоздей. Капитан схватился за край скамьи ладонями.

— Третьего бомжару срезнем упокоили.

— Второго, — поправил начальник ядовито. — А мистика была бы, если бы отделению дали новый электромобиль. Или хотя бы аккумулятор. Чем, ты сказал, его?

— Срезнем, — не поддался на подначку Олег. — Плоским наконечником без зазубрин. Зазубренный так просто не выдернешь, тут либо насквозь прокалывай, либо с мясом рви. А от бронебойного ранка круглая. Говорю: срезень. С такими хорошо на уток ходить.

— Ага, — капитан с ненавистью покосился на простирающийся за спиною лес. Лесом эту хилую рощу можно было назвать лишь спьяну. Так, скопище деревьев, за пять минут пройдешь из конца в конец. С севера, где город, и с востока — железная дорога. С запада — давно не ремонтированное шоссе. На юге в просветы между соснами скалится кирпичная кладка психушки для виртуалов. Убогий лесок до сих пор не оправился от соседства с автозаправкой и нефтепроводом и вряд ли когда оправится. Любимое место отдыха горожан — свалка. Бурелом, кострища, груды битых стекол, пластика и фольги, которые никогда никто не уберет. Наоборот, с каждым выходным и праздником прибавляются новые. И драки тут периодически случаются. Спилить бы его к свинячьей матери или вывести по бумагам за городскую черту, чтобы голова не болела.

А началось все почти с анекдота. Бабка с дедкой отправились по грибы.

Роман Андреевич скривил одутловатое лицо. Щас! Как говорит внук Артемка, «не смешите мои копыта». Может, маразм у них. А может, наливались с утра. Только заблудились и орали под сосной. Пока не вышел на их крики длинный парень в сером плаще и с рюкзаком. Древним таким рюкзаком, без прибабахов: две широкие лямки да пара кармашков. Сидор называется. Да еще лук у него на плече висел. И спрашивает дедку с бабкой: «Чего голосите, добрые люди?» А они ему: «Да вот, сынок, станцию ищем». Паренек взял да к железке их вывел. А оглянулись старички: и нет никого.

Посмеяться да забыть — если б не бомжи, убитые стрелами.

Лес дохнул в затылок стынью — точно прицеливался. Капитан сердито поерзал, будто отгонял наваждение. Скамья

протяжно застонала под весом. Развалится, так-перетак. Роман Андреевич встал.

Подошел, заслоняя огонек спички ладонью и прикуривая, эксперт:

— Висяк.

Группа сворачивалась и грузилась в служебную машину. Роман Андреевич с переднего сиденья — места для покойника — бездумно пялился, как «дворники» развозят муть на стекле.

...Дальше — больше.

Было утро — сырое и стылое, вот как сейчас — когда, хрупнув массивной дверью, выбив из стены изрядный кусок штукатурки, вломился в участок и упал брюхом на стойку перед дежурным здоровяк в куртке из натуральной кожи и клепаных джинсах — на такие пришлось бы месяца два сбрасываться всем отделением. Если не есть, не пить и бросить курить заодно.

Аж трясло мужика. Но ни спиртным, ни дурью от него не воняло. Зато штаны были в беспорядке, а на рукаве имелся характерный разрез. Из разреза этого сеялся пух. Выглядело все так, точно насильника снесло с жертвы выстрелом, и он побежал жаловаться в полицию. Вот тогда капитан впервые услышал от Чуднова это слово «срезень». Бизнесмен, закончив матюгаться, но продолжая трястись, выразился проще: «стрела». И ни с какой бабы его стрелой не сбивали. Ни с добровольной, ни с принудительной. Он просто из машины вышел под кустик отлить.

А все вечное наше бескультурье гребаное и жадность! Заплати пять рублей — и сиди себе в тепле и покое, с цветочками китайскими на кафеле и мягкой бумажкой в руце. Так нет. Ну и получил срезнем в рукав. Хорошо, что не в голову. Похоже, профессионал стрелял, пугал только. Или тренировался. Мужик выскочил из рощи, как ошпаренный, в машину — со своими розовыми кроликами на трусах, не застегивая ширинки — и оттуда в отделение. И бабы ему после этого случая не скоро захочется.

Роман Андреевич протокол прочитал, бизнесмена заверил, что разберется. Направил патрульных в лес. Они нашли там полузадохшийся костер, остатки чьей-то неопрятной трапезы и банку от пива с натоптанными бычками. От банки воняло дерьмовым куревом. Патруль прочесал территорию от психушки до железной дороги. Лес был прозрачен насквозь,

и никого там не было. Капитан подумал бы, что мужику примерещилось, но пух гагачий из простреленной куртки еще два дня витал по отделению, забивался в нос и заразил насморком всех. На гагар у нас аллергия…

Роман Андреевич сломал несколько спичек, пока шофер, сжалившись, не поднес ему зажигалку. Капитан высунулся в окно машины и, жадно затянувшись, сплюнул на истоптанную траву. Голова начинала болеть — верно, к перемене погоды.

…Баба в материалах дела появилась тоже. То ли девушка, а то ли виденье. Каким чудом Чуднову удалось разыскать этого велосипедиста, история умалчивает. Как и о том, какой леший велосипедиста ближе к ночи в лесок занес. Может, засиделся мужик у поехавшего на DOOMе родственника. Или так, воздухом дышал… Но солнце уже заходило, когда он, мерно крутя педали, увидел на тропе перед собой девушку в сером плащике и с распущенными по плечам, длинными, как у русалки, волосами. Мужик поднажал… запнулся за корягу… у него слетела цепь…

— Девушка! — велосипедист замахал руками. Должно быть, надеялся, что пока он займется ремонтом, неземная красавица подержит велосипед.

Красавица продолжала мирно удаляться.

— Девушка!!.. Темно! Опасно! Волки! Хулиганы!

Насчет волков мужик, конечно, загнул. Но желание познакомиться с хорошенькой «телкой» вполне понятно. Они бы и познакомились, если бы из кустов не вылезли двое в кольчугах и шлемах с личинами и в таких же, как у виденья, серых плащах. И не объяснили бы мужику популярно, куда и с какой скоростью тому желательно катить.

Тут велосипедист в показаниях здорово запутался. Постеснялся огласить все, что ему высказали. Кстати, оказался мужик покладистым. Поглядел на качков в средневековых прикидах, на огрузившие их пояса мечи, оценил длину луков и стрел… и ушел, волоча за собой велосипед. Не оглядываясь. Потому и выжил…

Машина тронулась, шурша шинами, спотыкаясь на камушках и выстреливая их из-под колес. Роман Андреевич «прислушался» к кислому вкусу на языке и, чтобы перебить его, закурил снова. Велосипедист — это цветочки. А ягодки созрели под приезд в город очередного высокого начальства.

Телефонный звонок выдернул капитана из постели. Был сумрак перед рассветом. Ледяной туман кашлем продирал горло. Лучи ручных фонарей метались и дергались. И вместе с ними дергались таинственные тени. А вдоль опушки

прокля́той рощицы бастионами высились мусорные груды, и каждую из них венчал человеческий череп с торчащей из глазницы стрелой. Совершенно одинаковые, жуткие в своем безмолвии расстреляные черепа.

Была у великого русского художника Верещагина картина: «Апофеоз войны». Основательная такая горка, сложенная из черепов. Вроде на заднем плане поле и вороны. А это — апофеоз свалки?

Первым порывом Андреевича было тогда вызвать саперов. Мерещилась проволока, уходящая из черепов в пирамиды хлама: задень стрелу — и все взлетит на воздух. Рецепт взрывчатки в Сети отыскать — не проблема. Тут Олежка стрелу и дернул. Капитан по-заячьи завизжал «Ложись!» и сам первым грохнулся в грязь. А после целые сутки чувствовал себя дураком. Чуднов же снял с древка распечатку. Компьютерную подделку под округлый детский почерк: «Чисто там, где не сорят». Черепа, как видно, служили предупреждением.

— Это они кладбище раскопали, — Чуднов, точно Гамлет «бедного Йорика», покатал в руках заплесневелую «адамову голову». — Тут близко старое кладбище.

— Старое? — переспросил Капитан ядовито.

— Так на новом один колумбарий, — наивно улыбнулся подчиненный.

Кладбище они проверили. Могилы действительно вскрывали, но потом заделали аккуратно, почти без следов. На сатанистов не похоже. Скорее, новая церковь святого Дракулы. Эти захоронения чтят.

Виновных тогда так и не нашли. Черепа скоренько убрали, мусор вывезли.

Кстати, лесок «кладбищенские дизайнеры» вылизали идеально. Патрульные не смогли отыскать там даже «бычка». Это нервировало. Опрос местных показал, что и у этих нервы на пределе. О стрелках они были наслышаны и рощицу старались по возможности обходить.

Чуднов все горевал потом: «Эх, для чужих не повесили знак. Хотя бы "Осторожно! Радиация!"» Роман Андреевич знал, что за самоуправную расстановку подобных знаков по голове начальство не погладит. А, с другой стороны, тогда бы и трупов не было…

…Капитан закурил снова, пуская дым в приоткрытое окно. Электромобиль, оставив мистику за задним бампером, выезжал на улицу Ильича…

* * *

Лаки — означает: счастливчик. Только с чего полагать счастливчиком сироту при алкоголике-отце, которому однажды еще приспичило во второй раз жениться. И кого бы нашел еще — жирную азиатку-беженку с базара. «Подайте, кто сколько может. Сами мы не местные...» Войн не было, зато всплывали время от времени то контейнер с радиоактивными отходами, то выплевывал в сточные воды какую-то гадость очередной химкомбинат, и тогда люди снимались с мест и бежали, только вот не писали, как готы, на копьях «Вперед» и «Назад».

Неизвестно, на что бы Лаки решился, если бы не два друга — Феликс и Генка, затащившие его в бард-группу «Бэньши». Звали они Лаки давно, но он все отговаривался, придумывал несуществующие дела. А тут припекло: дома не посидишь, и по городу неприятно шляться в лютый мороз. Он пришел в полуподвал и остался.

Музыканты сперва показались Лаки немного сумасшедшими, отвязными, а еще веселыми, отважными — он так не мог.

Катерина сидела на стуле и в черной куртке, накинутой на плечи, со свесившимися рукавами, походила на нахохленного вороненка. А никак не на руководителя и довольно известного в городе барда. Вот гитара у нее была роскошная. Концертный «Хонер» с чуть потертым лаком корпуса, закругленным грифом и позолоченными колками. И голоса были похожи: и Катёнка, и ее гитары. Лаки признаться себе не мог, что заслушался, что остался именно из-за того, *как* она пела. Что пела — сперва не имело значения.

Белобрысый, незаметный, худой, Лаки сидел в углу и молчал. Самое странное, что его не прогоняли. Катишка объяснила потом, что когда на тебя смотрят такими глазами, стоит творить и жить.

Отец женился и съехался с новой супругой, а Лаки достался от нее дом — деревянный, без удобств, зато свой собственный. Отец не спорил, и Лаки поселился там с Тамагочи — собакой, которую сделал из железок и электронного хлама. Собака оказалась чокнутая, вредная, норовила цапнуть вставными челюстями за штаны и воем пугала соседей. Это и к лучшему — непрошеные гости Лаки не навещали.

Но в клуб парень все равно ходить продолжал. Даже научился на гитаре бренькать кое-как. И однажды, настраивая инструмент, услышал звонкое:

— Люди, хватит. Вылезаем из подвала. Весна!

Оказалось, город вовсе не похож на тот, к которому они привыкли. Волшебный, он насквозь был пронизан голубоватым весенним ветром, солнцем и цветением. Катерина таскала молодых музыкантов по почти деревенским улочкам. Многие даже не подозревали, что в городе такие есть. Затем провела узкой тропой среди свежего бурьяна, заполонившего недостроенные гаражи, — в треугольный тупичок, обозначенный по центру синей колонкой водозабора. Над тупичком возвышались ограды и деревянные домики, выше — изысканно переплетенные ветви, а совсем высоко, прокалывая недосягаемую глубину весеннего неба с серебряными искрами голубей, вначалон стояла телевышка. Словно плыла в теплом воздухе.

— Это место зовется Кирит-Унгол.

— Почему? — черноглазая пухленькая Маринка перебросила через плечо длинную косу, похожую на драконий хвост.

Катерина указала рукой на высокий дом.

С улицы — совершенно обыкновенный, прячущий за кирпичным забором свою истинную стать, отсюда, снизу, дом был похож на крепость, зубцы которой заросли поганками спутниковых антенн. Дом нависал над тупиком и казался выхваченным из чужого мира.

Какое-то время все стояли, то ли подавленные, то ли зачарованные тяжелой мощью. А потом, после прогулки, долго не могли разойтись. Застряли на углу, на потрескавшихся плитках, смотрели на дома, на небо, на деревья, смеялись и говорили ни о чем.

— Почему мы стоим? — не выдержал Генка, прикрывая длинными светлыми кудрями лопушастые уши. Словно от ветра.

— Потому что тут Мертвая Точка.

— Но мы же позавчера вон там стояли…

— Так она ползает, — лукавая улыбка пробежала по Катёнкиному лицу. — Или это дао: быть здесь и сейчас.

У нее за спиной легким звоном отозвалась гитара в матерчатом чехле.

Хриплый родной голос под гитару. Голос остался, а Катёнка нет.

Как Катерина злилась на этого «Катёнка»! Говорила, что, во-первых, котенок пишется через «о», а во-вторых, она давным-давно драная, все повидавшая кошка. А Лаки было

плевать. Имели значение только лезущая сквозь щели в неровно покрашенных горбылях сирень, и гитара, и голос.

А в конце мая вышла очередная поправка к Конституции: «О дополнениях и изменениях в законе о гарантированном сроке жизни граждан в связи с их общественной полезностью».

— Сань, тебя не затруднит всех обзвонить, что репетиций больше не будет?

— Почему?

Они сидели на щелястом крыльце его дома, небо наверху было синее, и маленькая вертикальная радуга повисла среди перистых облаков.

Катерина сунула ему повестку, а после, когда прочитал, вынула из Лакиных ослабевших пальцев, сложила корабликом и запустила в лужу под крыльцом.

— Но… может, можно убежать?

Женщина потерла ладонь — то место, куда сразу после рождения вшивался электронный паспорт.

И оказалось, что мир этот — насквозь прозрачный и совершенно маленький, и бежать в нем некуда.

Утром ее забрали в хоспис — на законное месячное пребывание. Лаки кинулся к друзьям.

— Ну, убежите вы… — рассудительно, как он один это мог, вещал Феля, почесывая удлиненную голову. Дергал худыми пальцами, то переплетая их, то пряча в острые колени. — Ее мгновенно отыщут через имплант, и тогда насильственное прерывание жизни на месте в связи с преступным бегством. Отключить?! Ты такой крутой электронщик? Да он с рождением вживляется, считай, что встраивается в геном. Чуть что не так — та же смерть. Или сделаешь ее растением? Можно поискать спеца на черном рынке…

Спец заломил столько, что всех их лет законного проживания и всего имущества, сложенного вместе, на операцию не хватило бы.

— А так целый месяц… — утешал Феля. — Можно счет открыть, к людям обратиться, вообще действовать цивильно и законно… Свои годы ей отдать! Нам не жалко, скинемся, кто сколько может, кто старше 18 лет…

Только вот Катерина и слушать об этом не захотела.

…Лаки ходить в хоспис не препятствовали, и он бегал к Катишке, как на работу, каждый день. И по два раза. А ночами

висел в Сети, советовался, что еще можно сделать в подобных случаях, стучался на все официальные форумы и на «мыло» лазил по сто раз на дню — все ожидал, что приговор будет отменен. Электронные письма доходят почти мгновенно, разослали их, еще когда Катерину забирали, день в день… Ну что ж они тянут кота за хвост?

Лаки побывал везде: у мэра, губернатора области, даже в региональной службе предела. Везде его встречали очень вежливо, обещали разобраться и принять меры — и не делали ничего.

Потом корректные секретари с каменными лицами стали просто вычеркивать его из списков на прием. И в кассах не продали билет до столицы — существует распоряжение минобраза, что когда идет учебный год, все поездки от места учебы для студентов и школьников запрещены.

За неделю до эвтаназии Лаки зашел к Катёнку и в третий раз — вечером. Дома стеречь и ругаться некому, дома один чокнутый Тамагочи — отличная защита от назойливых соседей. Чтобы в чужой огород не лазали и под окнами не подслушивали.

— Ну, что? — спросил Лаки с порога. Катька помотала головой. В русых волосах прибавилось несколько серебряных — почти незаметных. Женщина махнула молчаливой соседке и за руку потянула Лаки из палаты в вылизанный, длинный, ярко освещенный и почти пустой коридор. Завела за поворот, прислонилась к скользкой бежевой стене.

— Давай тут постоим.

— Может, в парке прогуляемся?

Вечер был теплый, нежный. Опаловый закат уплывал за черепичные крыши. Зажигались фигурные фонари. По гладким дорожкам под ними чинно гуляли пациенты и посетители, отдыхали на скамейках с литыми чугунными ножками.

Катишка замотала растрепанной головой:

— Не хочется… Там камеры на каждом дереве, и деревья ненастоящие.

Он показал на белую кожаную банкетку у стены:

— Тогда садись.

— Сидеть больно. Мне колют дигиталис, — объяснила она. — Говорят, от сердца. Можно подумать, не все равно. От чего умереть…

— А ты… ко мне на колени садись.

Глаза Катишки от удивления стали огромными, и Лаки наконец отважился. Наклонился. Слизнул горький вкус с ее губ. Катёнок потянулась к Лаки, тепло выдохнула в ухо:

— Вокзал, третья ячейка, год рождения Саньки Македонского.

Только Катёнок смела звать «Санькой» и великого полководца, и Лаки.

Он кивнул. Женщина глубоко вздохнула. И продолжала, доверчиво сжимая в руках его ладонь:

— Ты... не дергайся так... мне приговор показали. Там кроме стандартного «творчество имярек интереса для общества не представляет» еще меленько было курсивом «чуждая нам эскапистская идеология». Так что апелляцию просто вытерли, а адреса поставили в «черный список».

Сжала ладони, чтобы Лаки действительно не дергался, подняла глаза к потолку:

— Сань, пусть слушают, все равно уже. Ты... меня им не оставляй, когда сожгут, — и пальцы — холодные, как у лягушки? нет, теплые, горячие — медленно скользнули от его запястья вверх под рукавом. — И пепел не закапывай. Ты в Лесу развей, ладно? Где мы в эльфов играли. Это кому-то кажется, что так нехорошо, что только врагов развеивали. А я наоборот...

Лаки кивнул. Слова не шли на язык, да и мысли в голове стали вязкими, никчемушными совсем.

— Кать, ты им не сдавайся, — шептал Лаки в ее волосы. — Я на самый верх пойду, к самому их главному хрену, мы все пойдем. Я уже пробовал. Я Сеть на уши поставил. Мы сможем!

Ее щека дернулась:

— «Никогда и ничего не проси», слышишь?

«Но не дадут же сами, и не предложат!» — хотелось заорать. Может, на руки ее подхватить, пронести мимо охраны, мимо видеокамер и прочей ерунды; что-то кому-то доказывать, протестовать, не стоять с идиотским видом, выслушивая ее завещание! А она распахнула карие свои глазищи с золотыми искорками:

— А я рада! Мне всегда было жалко наших бабушек, которые идут согнутые и всего боятся, и не знают, когда служба предела к ним придет. И как. А мне-то известно! — она словно бросала вызов. Смотрела в игольчатую морду нацеленной на них следящей камеры, точно язык показывала.

И Лаки оставался в хосписе до девяти вечера — пока его не стали выгонять, почти силой.

Дома Лаки сунулся в справочник.

«Наперстянка пурпуровая — Digitalis purpurea: многолетнее травянистое растение... превышение дозы может вызвать токсикоз вплоть до остановки сердца»...

Он стукнул по столу так, что заболели кулаки. Лаки стиснул зубы. Надо… надо будет Катёнку завтра сказать, чтобы отказалась. Ее право.

Парень резко поднялся. Накинул куртку. Вышел из дому.

Прошел насквозь их с Катишкой аллею с худосочными кленами, зализанную ветром, сметающим бумажки, пакетики от чипсов и презервативы; гоняющим пластиковые бутылки по растресканному асфальту. Уходил в тень от патрулей. Обошел старинное здание вокзала со статуями рабочего и крестьянки в нишах, заглянул в платный туалет, потом сделал круг по путям между тоннелем и пешеходным мостом. Убедился, что не следят. И спустился в камеру хранения.

В ячейке были диски в пластиковом пакете, ровно три. Лаки слушал их по дороге домой, качество записи было никакое, он с трудом разбирал слова. Вернувшись, Лаки засел за комп, мучил аудиопрограммы, микшировал, чистил звук, лепил так и сяк дорожки для гитары и голоса, глотал слезы, глаза покраснели и болели, но он досидел до рассвета. Два раза приходил Тамагочи, требовал зарядить аккумуляторы. Лаки гонял его от розетки и работал, работал, склеивал звук, картинки, кадры старых фотографий. А когда закончил, щелкнул мышкой и плюхнулся на диван, привычно задрав на поручень ноги и сунув в уши холодные ракушки наушников.

«Я на звезды смотрю,
паутины сплетаю кружево…
Каковы они —
Сны мальчишки в семнадцать лет?
Сны — цветные фонарики,
Листья в осенних лужах.
Запрокинулся в небо Лес.
А города нет».

Снов Лаки не видел — ни черно-белых, ни цветных. Но сквозь беспамятство думал, что все люди, все одинаково теряют, это повторяется, это кажется похожим снаружи, но на деле выходит, что для каждого *его* боль — самая-самая. Одна единственная, не сравнимая ни с чем.

А утром ему сказали, что Катёнка нет.

— Прах выдаем только родственникам.

Движение «мышки» — и тот год, который Катерина никак не хотела взять для себя, переписан в досье девицы с выдачи.

БЕРЕГИ
ОТ П

А жестяная банка с наклейкой у Лаки в руках. И ни малейшей уверенности, что прах действительно Катькин.

Пепел Лаки развеял — как она просила, а банку похоронил возле Леса, на заброшенном кладбище, прикопал под чьим-то камнем со стертым именем. Немного бесформенным, но приметным. Там даже ржавая скамейка была, да несколько свечных огарков, прилепленных к надгробию расплавленным воском. И очень выразительная черта между непонятными датами. Та, которой ничто не вместить. Которой…

«Я все реже смеюсь во сне
и все чаще плачу
я забываю
что же
приснилось мне
а это смеется и дергает ухом
зайчик
солнечный зайчик
на белой больничной стене

годы мои на твои
ничуть не похожи
как не похожа сирень
на весенний гром
грозы ушли
мы однажды уходим тоже
но — пока я жива —
я не верю,
что мы уйдем».

* * *

Кулачки выбивали дробь по стеклу — совсем не похожую на дробь дождя. Лаки сполз с дивана и пошел открывать. За дверью переминалась на пороге совершенно мокрая Юлька в желтом плаще. Внучка мэра. Юлька была похожа на героиню анимэ или на русалку: длинные распущенные волосы, лицо сердечком, худое гибкое тело. Она была похожа на русалку из золотой соломы. Вот только круги под глазами, как ни крути, не подходят русалке, даже соломенной. А еще Юлька громко, со всхлипом, дышала. «Она же сердечница… Хотя, кажется, среди нас совсем здоровых нет. Те самые обещанные чернобыльские мутанты».

— Лаки! Я подслушала! Лаки, дед сказал, они сожгут Лес!

Парень повернул голову. Надо было отвечать — или Юлька повиснет на нем и станет трясти.

— Заходи. Я поставлю чай.

— Ты что, меня не слышал?!

Без разговоров он за тонкое запястье втащил русалку в дом и хлопнул дверью. Все так же не расставаясь с плеером, прошлепал на кухню, включил плитку, поставил чайник. Юля села на табурет у стола, подперла щеку пальчиками.

— Лаки, что нам делать?

Он вынул ракушку наушника из левого уха.

— Плащ сними. Тапки возьми под вешалкой. Наследила...

— Лаки!

— Восемнадцать лет Лаки. Скажи хоть что новое для разнообразия.

Юлька постучала согнутым пальцем по лбу. На щеки возвращался румянец. Согретый им аромат духов разбежался по дому, как лисий хвост.

— Ты что, и вправду веришь, что в твоего Тамагочи вселился дух срубленного тополя? Что в Лесу живут эльфы, а когда наклоняется телевышка, открывается портал в параллельные миры?!..

— Не кричи.

— Я не кричу.

— Нет, ты кричишь. Ты орешь.

— Я тебя ненавижу.

«...им позволят
явиться два раза на год,
и не больше...
...и, когда уходили, то им
и не обещали...»

Лаки приглушил в плеере звук, стащил с Юльки плащик, отжал в раковине и отнес на вешалку. Вернулся в зал. Тамагочи, стуча когтями по линолеуму, с тапками в зубах трусил следом. Юля тапки отобрала и сердито шваркнула ими о край стола.

— Да им наплевать на то, что не потрогаешь, что можно сдуть дыханием! Им насрать! Им насрать, — с наслаждением повторила Юлька.

Лаки вздернулся, словно пружина.

— Это тебе твой дед сказал? И тебе — тоже?..

— Мне нет.

Поцелуи были сродни укусам. Из пухлых губ брызгала кровь. Юлька вцепилась ногтями Лаки в спину. Сперва

любовники катались по дивану, потом сползли на плюшевую медвежью шкуру, заставив Тамагочи, что пытался сунуть хвост в розетку, метнуться вон. И распались, лишь когда подошвы заскребли о железку на крыльце.

Их было немного, кто остался в «Бэньши». Но они пришли.

Маринка, отдернув гардину, уселась с ногами на подоконник, смотрела на дождь, грызла кончик тощей косы…

Закопался в диски возле компа долговязый Артем…

Тимка и Димка, вредные конопатые близнецы, отбирали друг у друга гитару…

Хозяйственный Феликс полировал наждачкой березовый меч…

Ушастый белобрысый Генка отобрал у Лаки один из наушников и тут же уронил, бледнея…

«…ни парадных знамен, ни венков,
ни слез, ни улыбок…
Я стою, затерявшись на площади Трех вокзалов,
Жду,
Когда выйдут навстречу мне те, кто ушел,
Когда…»

Лаки нажал кнопку «выкл».

А завтра — точно так же — кто-то отдаст приказ, и уже не будет Леса. Где Катёнкин пепел развеян между соснами. Где живут эльфы. Где стучат деревянные мечи. И хотя бы в игре можно быть самим собой. Не стыдясь ни героизма, ни слез.

Мы любим. И мы уходим в сказку — воздушный замок, построенный на песке.

— Разве мы люди тогда, если даже такой маленький лес не можем защитить?

— Понимаешь ли, — Феля длинными пальцами потер переносицу. — Сказка сказкой, но существует закон…

— А закон существует для тех, кто пьянствует? Гадит? Уничтожает лес, мир вокруг до пепла?.. Почему на них смотрят сквозь пальцы? Почему они имеют право на жизнь, а мы — нет?!

Грустно захихикала русалка Юлька.

Генка прижал к ушам блондинистые кудри — хотя никакого ветра в доме, конечно, не было.

И тогда Лаки нарушил всехний договор: слушать Катёнкины песни в одиночку, украдкой, стыдясь себя и совести, и включил проигрыватель на полную громкость.

* * *

Роману Андреевичу не хотелось идти на закрытое заседание мэрии. До судорог, до почечной колики и дрожи в коленях. А с другой стороны, не денешься никуда. Вытирая о коврик перед парадной дверью тяжелые от налипшей грязи ботинки, капитан почему-то вспомнил себя маленького. Как едет у отца на шее, срывая листья над головой, а отец — несмотря на немалый свой вес и упитанное брюшко — ретиво подпрыгивает и кричит на всю улицу: «Давай, дери, сынок, давай!» К чему бы это?..

Старинный танцевальный зал приспособили под комнату заседаний. Поставили овальный стол под орех с дырой посередине, вдоль него ряд изогнутых стульев, монументальных, как в Кремле: пластик, похожий на дерево, в цвет стола, гобеленовая обивка мягких сидений и спинок.

Высокие потолки с лепниной, окна, забранные маркизами, хрусталь люстр и жирандолей под старину. В простенках портреты, разделенные багетовыми границами: деятели науки, искусства, партийные чины за последние двести лет. Стены просторные — всем места хватило. И галунному шитью, и звездочкам трудового героизма. Дубовый реализм изображения, похоронные тона, деловой стиль в костюмах и квадратность в лицах.

Мэр с таким же квадратным лицом восседал спиной к двери, квадратными плечами заслонял изящные часы восемнадцатого века с фарфоровыми пастушками. Красивая вещица, жалко, подумал Роман Андреевич, жене бы показать. Или даже в квартиру поставить для красоты. Хотя они каминные, а у него, полицейского капитана, камина нет и никогда не будет. Может, внуку повезет.

Мэр был тучен, мрачен, красен. Даже болезненно багров. Оттого на щеках выделялась недобритая щетина. Великий человек — и на тебе, толком не побрился. Даже это одно свидетельствовало о серьезности ситуации. По левую руку мэра восседал начальник городского полицейского управления Игошин И. Е. Он был хорошо знаком Роману Андреевичу — за столько-то лет совместной службы, и, раскрывая перед собой черную пластиковую папку, дружелюбно капитану подмигнул. Рядом с Игошиным, оттянув стул, уселась суховатая бабенка в темных очках и синей форме: СП, служба предела, надзирающая за тем, чтобы граждане не пережили установленный им государством срок. А ведь аббревиатура, как у

союза писателей. Роман Андреевич икнул от нервного смеха. Порадовался, что никто на него не смотрит.

По правую руку Серафима Серафимовича, Сим Симыча, как называли мэра *свои*, умостился с такой же, как у Игошина, папкой начальник государственной конторы спокойствия и умиротворения; вот интересно, государств нет, а контора осталась… Сразу за ним сидел полковник внутренних войск Лагутенко в серой шинели с красными знаками различия. Дальше рассаживались чины помельче, их Роман Андреевич и вовсе не знал.

— Ну! — лязгнул начальственнм басом Сим Симыч. — Как вы это объясните, господа? — в длани мэр брезгливо и, казалось, с опаской, держал кусок исцарапанной бересты.

— Непонятное что-то, — Игошин поправил очки в тонкой оправе.

— Руны, — сказал начальник ГКСУ, по должности ему было положено все знать. К руническому тексту был вежливо приложен перевод.

— Господа, все читали? — поинтересовался секретарь. — Можно, я не стану повторяться, Серафим Серафимович?

Сборище зашумело. Кто-то объявлял, что читал, кто-то просил повторить.

— А это, господа, нам ультиматум, — мэр поджал отвислые губы. — От молодых каких-то засранцев, севших в нашем лесу. На вашей, — ткнул он пальцем в Романа Андреевича, — территории.

Капитан выругался про себя, подготовили же референты служебную записку с упоминанием его скромной персоны. Не пережить.

— Эти субчики, если коротенько так, объявляют лес независимой эльфийской республикой и обещают уничтожить всякого нарушителя границы. Вы поняли? — наливаясь начальственным гневом, заревел мэр. — А я не понял! А знаете, откуда это идет? Жил в позапрошлом веке некий Рональд Руэл, так его растак. Профессор, филоложеством занимался на нашу задницу. А веком позже еще кино сняли, аж три серии. Для тех, кто читать не умеет. И игрушку выпустили, да не одну. «Властелин колец» называется, я верно говорю? Руки б тем создателям пообрывать! Да чтоб ихнего профессора, как вентилятор, в гробу крутило!

Референт испуганно кивнул прилизанной головой. Даже если и не был согласен — все равно бы кивнул, подумал Роман Андреевич.

— Так может, там компьютерные торчки озоруют?

— Проверяли, — зарычал Иван Елисеевич, — сколько раз проверяли! Невозможно. У них там охрана, как в службе предела.

Дама приподняла змеиную голову, но промолчала, глаз за очками не было видно.

Мэр ткнул острым «паркером» в сторону зама по идеологии:

— А вы? На кой х... я вам... народ вам зарплату платит? Все эти «Бэньши», «Кружева», культ Вампиров... Бля... куда смотрят церковь и школа, на х... Распустили мудачье! Мы им разумное, доброе, вечное... самое лучшее этим говнюкам, понимаете, а они нам ультиматумы всучивают! Прочесать лес и выловить всех к хренячьей матери!! В Сибирь, дрова рубить, которые еще остались! Живо дурь повыветрится. Эльфы...

— Я своих людей на убой не поведу, — сказал Игошин хмуро. — У этих «эльфов» костюмы-хамелеоны. А луки стреляют бесшумно.

Сим Симыч, багровея и задыхаясь, уставился на начальника городского отдела, но тот привык к начальственному гневу и выдержал взгляд.

— Я, Серафим Серафимович, в мистику не верю. В той рощице муравей не спрячется — без специального снаряжения. А у Николая Ростиславыча, — кивок в сторону полковника ВВ, — такое снаряжение было... убыло.

Полковник Лагутенко тоже побагровел, но постарался держать себя в руках.

— Это как? — удивился Сим Симыч.

— Хищение произошло, — прошелестела дама из СП. — 8 мая прапорщик Ванин вынес за пределы N-ской части десять плащей модификации «Хамелеон». Прапорщик был взят, но снаряжения при нем уже не было, кроме того, его накачали героином, и ничего путного он сказать не мог. Наказан по нашей линии конфискацией, десять лет жизни плюс принудительное лечение от наркозависимости.

Полковник скрипнул зубами.

— Спасибо, — с дамой из СП мэр держался предельно вежливо. — Лагутенко, так как это понимать?! Костюмы воруют, понимаешь ли... Что это за костюмы?

— Мы проводим служебное расследование. А «хамелеоны» защищают от всех типов сканирования, даже от пеленга

по электронному паспорту, делают обладателя практически невидимым.

— Ого!! — не выдержал кто-то. — И сколько плащей пропало?

— Десять, говорили уже. К делу!

— Ладно, о вас мы после поговорим, — мэр растоптал взглядом полковника. — «Бессмертников» выжгли, цветочки, мать их, чтоб за продление жизни не протестовали, — и с этими управимся! Надеюсь, — спросил мэр полковника, — в оцеплении вы постоять сумеете? План следующий...

* * *

Роман Андреевич нелепо крутил шеей в тесном вороте формы, озираясь. Опять было холодно. Капли мороси падали на шинель, застревали в ворсе. Небо тяжело повисло на верхушках деревьев. Еще миг — и проколотое ими сдуется и рухнет, придавив собой землю. Но, кроме капитана, этого, казалось, было некому замечать. Группа ответственных товарищей (тех самых, что и на закрытом заседании мэрии) стояла у насыпи. Переминались в раскисшей грязи, кто с любопытством, кто со скукой поглядывая в сторону леса. Дирижабль из столицы не явился — якобы по случаю нелетной погоды, хотя все отлично понимали, что Сим Симычу просто не хотелось доводить здешние неприятности до слуха *большого* начальства. А победителей не судят. Точка.

Кольчатый червь бронепоезда растянулся на рельсах, выдувая гудки и время от времени заволакиваясь белым паром. На платформах расчехляли орудия. Суетились расчеты, масляно блестели стволы. Двери теплушек отодвинули. Выгружалось оцепление. Закамуфлированные парни в кевларовых бронежилетах, затемненных шлемах, с прямоугольными пластиковыми щитами — небрежно, даже изящно спрыгивали, съезжали по насыпи, увлекая щебенку шнурованными кожаными ботинками на толстой подошве. Твердо становились на земле, плотно смыкая строй. По громкой связи звучали команды, и спугнутые ими вороны метались над людьми, оглушая карканьем. Голливуд раздолье — кино снимать. Кстати, и корреспонденты явились...

— Алена Хиросима, «Интерфакс». Пару слов для нашего издания. Как вы оцениваете...

Была журналистка едва ли не плотнее мэра, рыжие волосы, серые глаза; в треугольном вырезе меховой куртки лоскуток

черного платья, за который Сим Симыч тут же полез взглядом, и было на что посмотреть… Ах, налетели падальщики! Местных, своих, прижать можно, а эту не пошлешь, как и двух матерых мужиков с «CNN», расчехлявших камеры.

— Подойдите к моему пресс-секретарю, — Сим Симыч обаятельно улыбнулся, — он вам передаст флеш-чип. Там все. А подробнее обсудим завтра, о времени с ним же… Все, все, без комментариев!

Он заслонился рукой в кожаной перчатке от лилового глаза объектива.

На какое-то время случилось затишье — как перед грозой. Все, что нужно, сделано, места заняты согласно боевому расписанию. И в наступившей тишине только вороны орут да шипит, вырываясь из паровозных клапанов, пар.

Ответственные товарищи переглянулись. Сим Симыч потянул ко рту усилитель:

— Мы в последний раз предлагаем вам выйти и сдаться властям! Вас будут судить по закону!..

Лес молчал.

Мэр махнул рукой полковнику Лагутенко. Тот буднично произнес в мобильник: «Огонь».

С противным свистом — как у фейерверка — зажигательный снаряд пронесся над головами и разбился о стволы. Потекло масло. Лениво облизало мшистые серые подножия пламя. Занялись почти одновременно сосновые лапы… скамейка… Лопнула ржавая проволока. Горящие буквы «Берегите лес от пожара» посыпались на песок.

ВИКТОР ТОЛСТЫХ

Приглашение в гости

Рассказ

Мальчик старательно царапал по серебристой дюралюминиевой пластине. Для царапанья он использовал обратную сторону самодельного сапожного ножа, который его отец сделал из ножовочного полотна. Сталь крепчайшая, если остро наточить, то режет как бритва, к тому же долго не тупится. Но самый кончик со временем перестаёт быть таким острым. Для резки именно он используется, поэтому при многократной подточке общий косой угол лезвия начинает потихоньку загибаться. Тогда для сохранения рабочих свойств кончик лезвия укорачивают, делая точилом грубый спил с тыльной стороны. В результате нож приобретает прекрасные царапающие свойства, наверное, уступая в этом качестве только алмазным резцам. Дюралюминий, или в простонародье дюраль, металл прочный, лёгкий и относительно мягкий. Так что если работать аккуратно, то нож не испортится, отец не заметит, за порчу имущества не попадёт, и великое дело будет сделано!

Что же это было за дело? Об этом потом — пока же раскрытая книжка лежала на табуретке и никак дальше не читалась. Изложенные в ней идеи требовали немедленной проверки, и вот для этого усердно и с сопением царапалось. Пластинка толстого дюраля была найдена около авиационных мастерских. Не знаю уж, насколько это был ценный для обороны страны металл и насколько его надо было утилизировать, но в те времена дюраля

было полно, его в больших количествах растаскивали по домам и чего только из него не делали. Он прекрасно сверлился, прекрасно резался ножовкой по металлу, прекрасно точился напильниками. Напильники при этом тут же забивались мягким серебристым порошком, отец был недоволен, но рукоделие наследника поощрял.

Царапать было не очень удобно, по каждой линии требовалось много раз с усилием провести резцом, рука быстро уставала, лезвие соскальзывало и оставляло на пластине досадные дополнительные царапины. Это конечно изрядно портило всю картину, хотелось надпись сделать попричинее, но в пятом классе мальчики ещё не такие сноровистые, как взрослые, а отца привлекать не хотелось. Скорее всего, логики и величия замысла он не оценил бы. Ох, эти родители! Все дети знают, что родители — самые умные существа на свете. Но потом наступает время удивительных открытий. Оказывается, что родители знают и понимают далеко не всё. В данном случае подобное открытие произошло в третьем классе, то есть почти в незапамятные времена два года назад.

Мальчик сначала пытался протравить надпись паяльной кислотой, но что-то с химией было не так — не травилось. Были идеи использовать другие, более податливые материалы, но здесь требовалась долговечность. Дюраль в народе считался вечным металлом — был прочен, не ржавел, а только тускнел, покрываясь защитным слоем окисной корундовой плёнки, по прочности, не уступающей самому алмазу. Ему нравилось плавить на огне алюминий, особенно старые чайные ложки — металл размягчался и начинал течь, собираясь в прочный мешочек из своей собственной миллимикронной толщины оболочки. Это была окись алюминия, в природе образующая прочнейшие корунды, из которых потом делают такую нужную в домашнем хозяйстве наждачную бумагу. Вся надежда была на прочность этой плёнки — пластине предстояло пролежать в земле столетия, если не тысячи лет.

Однако в первый день послание закончить не удалось, а только на третий. Вечером он вышел на окраинную улицу маленького городка и долго искал, куда бы пластину закопать. Дело было серьёзное — нельзя было допустить, чтобы её слишком быстро нашли и пустили на металлолом в переплавку вездесущие пионеры. С другой стороны, нельзя было допустить, чтобы пластина куда-то канула, где её вообще никто и никогда не найдёт. В конце концов, хоть и с серьёзной долей сомнения, но нужное место

нашёл и пластину закопал. Дорожная насыпь — когда и у кого в этой глухой местности на отшибе цивилизации дойдут руки, чтобы ее снести? Скорее всего, ещё сверху насыпят, а потом укатают в асфальт на ближайшую сотню лет как минимум. Но потом когда-нибудь всё же решат местность облагородить и, разгребая насыпь, археологи будут внимательно следить, не попадётся ли что-нибудь интересненькое из далёкого прошлого? Вот тут пластина и всплывёт.

Потом мальчик долго сидел на крыльце веранды в ожидании визитёров. Время было назначено с шести до восьми вечера — в широком для них диапазоне. Правда, эта ширина оказалась не очень удобной для него самого — как раз пришло время ужина, мать звала к столу, говорила, что всё накрыто и остывает, интересовалась, не болит ли живот? Ах, что может мам еще интересовать? А он с надеждой смотрел на первые высыпавшие звёзды, пробивающиеся между облаков, и терпеливо ждал.

Почти через пятьсот лет пластина каким-то чудом всё-таки попала к адресату. В ней содержалось послание к далёким потомкам, которые уж наверняка всё открыли, всё познали и овладели всеми возможными технологическими чудесами. Мальчик вежливо просил их, жителей далёкого будущего, «да буде ежели» машина времени принципиально возможна и технически ими реализована, дать ему знать об этом в его время такого-то года, месяца, числа, с шести до восьми вечера у крыльца веранды дома номер такого-то. Машина времени к моменту находки ещё не была создана, поэтому пластина была отсканирована и отправлена в музей. И ещё прошла тысяча лет. И ещё тысяча и ещё... В конце концов в Институт Истории поступил запрос из Архива. К этому времени путешествие в прошлое в принципе стало уже возможным. Разумеется, не точно в то прошлое, которое уже прошло и не восстановимо, а в один из возможных, параллельных, вероятностных миров, столько-то там тысяч лет назад. Оставалась проблема: надежно установить, где стоял тот дом, и где было то крыльцо — городок был снесён под ноль всего лишь через тридцать лет после отправки послания, местность позже основательно переделали, оставив русло великой реки нетронутым в трёх километрах западнее. Архивы были, но районные и очень неполные. Не было даже фотоснимков местности — во времена холодной войны они были засекречены, а по истечении срока просто уничтожались как старый хлам. Но всё-таки сложными и окольными путями, ведомыми невероятной науке будущего, сумели вычислить это место.

Зачем это было им надо, археологам будущего? Зачем тратить столько усилий? Конечно не для того, чтобы удовлетворить праздное любопытство никому неведомого мальчика из неимоверно далёкого прошлого. А чтобы узнать, кто он был и кем позднее стал. Через тысячи лет что-то неладное произошло с обществом: приобретя технологическое совершенство, оно растратило дух авантюризма, оно перестало смотреть на небо, размышлять о путях развития человечества, мечтать о несбыточном и стремиться к недостижимому. Люди рождались, жили, умирали, новые рождались. Куда-то исчезла героика, романтика, неутолимая жажда путешествий, жажда открытий и неустанного стремления искрой сгорающею ввысь. Какой-то важный ген в геноме человека оказался утерян в процессе эволюции, хотя и была надежда, что не безвозвратно. Как это произошло? Это все женщины! Если в далёкие бурные времена они отдавали предпочтение храбрым героям, искателям приключений, сорвиголовам и авантюристам, носителям взбалмошных, неуправляемых и зачастую сомнительных личностей, то со временем всеобщее благоденствие изменило приоритеты, и превыше всего стали ими цениться такие добродетели как спокойствие, благодушие, покладистость, порядочность, законопослушание и предсказуемость. Мужчины авантюрного склада ума вышли из моды и со временем исчезли, унеся с собой этот злополучный ген.

А сейчас он понадобился. Надо было найти потомков этого мальчика — в те далекие времена, буквально через сотню лет, многие известные личности стали сохранять в специальных банках-хранилищах свой генетический материал. Если бы мальчик только оставил след в истории и можно было проследить его прямых потомков, тогда, может быть, удалось бы вычислить и этот исчезнувший ген, восстановить его, а заодно и весь род людской в его прежнем величии?

Мальчик ждал с полшестого до восьми вечера. Он был голоден, продрог, у самого уха зудели и покусывали макушку комары, а хоровое стрекотание кузнечиков раздражало своей оглушающей какофоничностью. Он верил, что гости из будущего явятся, он верил в это до тех пор, пока большая стрелка наручных часов «Ракета» не подошла к контрольной цифре восемь. Он ждал ещё какое-то время в расчёте, что его часы идут неправильно, спешат, или что там, в далёком будущем, могли со временем слегка напутать. Но с этого момента надежда стала быстро таять и через пятнадцать минут сменилась полным разочарованием. Они не появились. Книга на табуретке не была дочитана и

вернулась в библиотеку, про машины времени он с тех пор принципиально не читал — поверил, что их быть действительно не может. Конечно, оставалась ещё возможность, что пластина не дошла до адресата, была потеряна или где-то, в каком-то технологическом процессе без участия людей, деформирована и выцарапанная на ней информация навсегда исчезла из Вселенной. Всё могло быть, мог и хвалёный авиационный дюраль оказаться не таким долговечным, как думалось, и где-то со временем рассыпаться в серебристо-серую пыль, рассеяться ветром по полям. По-честному, стоило бы этот опыт повторить. Но что-то удерживало, зато через несколько лет появилась у него теория многомерности времени, первые уравнения движения в кватернионах, кинематика параллельных миров и многое другое. Гости из будущего в наступившей жизни были бы уже лишними.

Ни прошлое, ни будущее не бывают в единственном числе — в единственном числе находится только мимолётное мгновение настоящего. Через пятьсот лет робот, следящий за материалом древнего дорожного покрытия на конвейере, распознал дюралевую пластину как просто дюралевую пластинку — она лежала текстом вниз, поэтому попала к остальным дюралевым пластинкам, которых в той местности находили до странности много. Вскоре все они заняли своё место в плавильной печи и быстро превратились в огромную каплю расплавленного алюминия в прочном корундовом мешке.

Но гости из будущего всё-таки прибыли. Вообще говоря, машина времени действительно принципиально невозможна. Из-за нарушения причинности, а также из-за банального закона сохранения энергии, согласно теореме о калибровочном лагранжиане и глобальных симметриях времени и пространства. Но это в наиболее упрощённом виде, а вот в многомерном времени, с учётом ветвлений в прошлое и будущее, такие путешествия принципиально возможны — разумеется, если только они не нарушают основных законов сохранения. Ох, всё-таки зря наш герой поторопился с обнародованием своих уравнений движения в многомерном времени!

Сейчас гости из будущего материализовались в далёком для них прошлом призрачным вихрем крутящегося воздуха и какое-то время носились по пустынным вечерним улицам маленького военного городка начала шестидесятых. Затем водоворотом осенних сухих листьев и дорожной пыли застыли перед верандой указанного дома — крыльцо было пусто. Вихрь долго крутился в недоумении вокруг, потом подлетел к открытому окну. Вся семья

из четырёх человек была в сборе и степенно сидела за обеденным столом. Взрослые обсуждали какие-то свои проблемы, дети — мальчик и его младшая сестричка — свои. «Мама! — попросил мальчик, — закрой окно, дует!». Он никого не ждал в гости.

У них была ещё одна попытка. Но на этот раз мальчик оказался непоседой. Прождав всего лишь пятнадцать минут, он заключил, что всё это глупости и, конечно же, никто не явится — машины времени не могут существовать из-за нарушений причинно-следственных связей и парадоксов с петлёй времени. Путешественник во времени может явиться в прошлое и стать причиной, по которой его ещё неженатые родители не встретились. Значит, и он не появится, а кто тогда в прошлое отправился и откуда он взялся? Мальчик соскочил с крыльца и вышел на улицу, чтобы размять ноги. Вечерний воздух был необыкновенно чист и свеж. Он сначала решил просто пройтись, но ноги несли легко и сами незаметно перешли на бег. Откуда-то появился ветер, он ворошил листву, дружелюбно дул и подталкивал в спину, ноги мелькали всё быстрее и быстрее. В какой-то момент мальчик понял, что летит. Он летел, широко раскинув руки над землёй, на высоте чуть больше метра по пустынным, слабо освещённым тусклыми фонарями улицам, и ветер послушно сворачивал на перекрёстках.

АЛЕКСАНДР САЛЬНИКОВ

Кошкин Нос

Рассказ

Уже неделю Профессор не шел, он — передвигал ноги. Уже неделю, как внутри него поселился страх. Страх был нового свойства, не изведанного доселе оттенка и запаха. Не багряный лагерный страх приближающейся боли, не кумачовый страх долгого звонка в дверь, и даже не черный страх неизвестности, пропахшей рвотой и ржавой солью трюма. Новый, пустивший корни в отупляющую душу и тело усталость, он был ослепительно белым. Бил Профессора под дых хрустальной чистотой и драл ноздри холодом, забирался под веки иглами искрящегося на солнце снега, застилал пеленой глаза. Тундра, покрытая белым холодом и придавленная серым небом, лежала вокруг, и каждая ее пядь источала страх, от которого не было спасения, — страх остаться с ней один на один. Новый, неведомый доселе, он седьмой день вытравлял из Профессора остатки человека.

Первое время Профессор пытался бороться. Он решил, что пока страх еще не укоренился внутри, удастся вырвать его слабые побеги. Нужно только смотреть на яркие пятна: на черную фуфайку идущего впереди или на желтые кончики лыж, широких и от старости негодных, проскальзывающих на твердом снегу лысым кумусом. Профессор был готов разглядывать даже темно-вишневую слюну, что приходилось изредка сплевывать, трудно и вязко, и такие же краповые прямоугольники погон на овчинных тулупах конвоиров, что сидели в медленно идущих нартах и

изредка покачивали дулами ППШ. Это действительно помогло, но ненадолго. Одной долгой ночью, пока охрана грелась спиртом в чуме самоедов-проводников, трое расконвойных растворились в полярной темени. Искать их не стали — оставили пурге и холоду. Утром колонна двинулась дальше на запад.

После этого утра страх оказаться наедине с тундрой победил Профессора.

Все, что у него осталось, — мутный зрачок солнца, красного и призрачного. Но как на грех солнце всегда светило так скудно, что Профессор не видел собственной тени.

Быть может, он мог бы научиться бесстрашию у оленеводов, украсть немного самоедской храбрости. Чернявые и желтолицые, они могли помочь Профессору забыть о белом страхе. Подходя дважды в сутки к продуктовой нарте за пайкой, он жадно тянул носом воздух, пытаясь постичь, отщипнуть спокойствие, окружающее закутанные в малицы фигуры. Но те словно поняли его замысел. Сторонились.

Профессор не винил их, нет. Для них он был грязным, битым цинготными язвами чужаком. Да и не он один. Самоеды держались поодаль от заключенных и вечерами пили шумными глотками из солдатских кружек парную, только сцеженную, оленью кровь.

— Воны так с цингой борются, — утирая от рдяного усы, пояснил как-то вертухай с широкой сопелей на погоне односопельнику.

Глядя на засеменившего к еще дергающейся оленьей туше ефрейтора, Профессору вдруг подумалось, что и у отважных самоедов внутри проклевываются ростки беспокойства, а может, даже боязни. От этой мысли Профессору вдруг стало немного легче: болезни своей он не страшился, скорее, был ей благодарен. Она, разъедающая слизистые, пожирающая медленно, но верно плоть, расплатилась щедро. Вырвала его из плена вытягивающих жилы медноносных жил острова Вайгач и повела сквозь холодные волны к богатой фосфором рыбе, к богатому жиром морскому зверью. Так думал Профессор, едва стал расконвойником и получил от Советской власти право отбывать срок на поселении. Так думал он, когда ступил на материк, и даже когда в Нарьян-Маре жадно вслушивался в несгибаемый голос диктора Информбюро, говорившего о кровопролитных боях за Киев, ожидая, пока остальных строителей новых рыболовецких артелей соберут в колонну по двое и отправят на запад, к полуострову Канин. Так думал Профессор, пока не познакомился с белым страхом. Но даже сейчас он был благодарен цинге за то, что она избавила его от неизбывного кисловатого привкуса меди во рту.

То, что этот день станет для него, Профессора, последним, он понял утром семнадцатого перехода. Глаза не пожелали раскрываться. Профессор долго тер их загрубевшими и потрескавшимися пальцами и снегом, смог кое-как разлепить веки. Весь мир превратился в зыбкие пятна, призрачные силуэты, подрагивающие очертания. Получив около *ларь хан* кусок хлеба и ломоть вяленой оленины, он уже было собрался отойти от продуктовой нарты, но кто-то ухватил его за рукав. Профессор инстинктивно сжал крепче пайку и только тогда различил похожий на карликовую кремлевскую елку силуэт.

— *Хавы то,* — негромко сказал самоед. — *Ненць, Я'Миня падвы падарта шл малей.*

И Профессор понял. Молча принял кружку и, обжигая губы о холодный алюминий, сделал большой глоток. Водка скользнула по пищеводу и взорвалась в желудке, наполнила его теплом, а рот — нестерпимым жжением. Самоед забрал кружку, налил еще водки и выплеснул под ноги Профессору.

— *Хавы то,* — повторил он и пошел прочь. — *Хавы то,* — сказал он стоящим неподалеку оленеводам, и Профессор скорее понял, чем увидел, что те понимающе закивали.

— Чего это они? — спросил давешний ефрейтор у старшего товарища.

— Говорят, не жилец, — сплюнул махру на снег усатый.

Профессор передвигал ноги. Он пытался не отстать от черного пятна впереди. Пятно двигалось рывками, то и дело спотыкалось, боролось с проскальзывающими лыжами, но угнаться за ним Профессору не удавалось. Сзади напирали. Бранились, шипели и толкали кончиками лыжных палок в спину. Профессор молчал. Берег дыхание. Ему казалось, что с каждым выдохом из него выходит жизнь. На время ругань и тычки прекращались. Потом спереди появлялось новое черное пятно, но Профессор не мог угнаться и за ним.

Профессор передвигал ноги, из которых вынули плоть и кости, в которые набили вагонетку медной руды, которые уже не чувствовал, не ощущал своими. Они превратились в ходули, выточенные из тяжелого железного дерева, хлопнули на морозе, надломились там, где раньше были колени, и Профессор медленно осел на снег, по-жабьи растопырив ноги, и повалился ничком между лыж.

Последним, что увидел Профессор, было немыслимо огромное пятно белого цвета. Последним, что услышал, — «та нехай лежить» и затихающий скрип наста под полозьями нарт.

* * *

Нея лежал на снегу и внимательно вглядывался в человека, отставшего от большого *аргиша*. Он узнал его сразу, как только увидел, но теперь, затаив дыхание, ждал, куда упадет тот, за кем послали Нея. Человек медленно опустился, поджав под себя ноги, качнулся и завалился лицом в снег.

«Плохо, — подумал Нея и досадно поморщился. — Совсем плохо. Головой на закат лег».

Кто-то зычно крикнул, и *аргиш* стал. К упавшему заспешили люди, подкатил *хан* с поблескивающим вороненой сталью пулеметом. Крикнули еще раз, и колонна двинулась дальше, оставляя на белом снегу черную щепку тела.

Нея подождал, пока *нутус хан* с русскими *уполами* и пулеметом станет совсем крошечным, и только тогда свистнул собак.

Хасава хан ходко шла к чуму. *Хаски* бодро тянули лямки, не просили ни крика, ни *хорея*. Не спрашивали дороги домой, не отвлекали хозяина. Словно знали, что *Нея* сильно задумался.

Старый *ненець* всю дорогу сидел молча, не пел, не говорил с лайками. Только пускал из ноздрей едкие струи дыма, время от времени набивал табак в носогрейку, да раскачивался в такт *хасавы*, подпрыгивающей на *ривах*. Так же в такт покачивался позади него укрытый оленьей шкурой совсем больной русский. Нея не стал даже открывать ему зубы точильным камнем, чтобы отпереть дыхание, знал — русский жив. Иначе не влетела бы гагара в чум, не приснился бы в последнюю ночь месяца случки оленей человек с черным лицом. Не знал Нея одного — зачем *хэхэ* его родителя велел проводить русского на другую сторону. Русского, о котором Нея ничего не знал. Русского, у которого ничего не было, кроме плохой одежды и плохих лыж.

У которого не было даже тени.

Не понимал Нея, как будет он вести русского мимо нижних селений, как будет нахваливать спутника и уговаривать духов пропустить дальше. Не знал, чем собрать его в дорогу. Одно знал Нея точно — прежде нужно будет отправиться к слугам *Нга*, может, к самому *Хабча Мирене*, и выпросить тень русского назад. Хотя бы кусок его *синдрянг*, хотя бы ненадолго. А потому — стряхнул с себя длинные мысли, крикнул *«кале!»* и подправил собак *хореем* объезжать расставленные загодя самоловы.

* * *

Профессор медленно тонул в теплой воде. Тонул плавно и долго, настолько, что нестерпимо хотелось наконец достичь дна. Но

как ни пытался он различить землю внизу, под ним была лишь непроглядная темень. Вода давно заполнила легкие Профессора, он уже не делал попыток ее выдохнуть. Сердце остановилось, и в полной тишине тело опускалось и опускалось, приближаясь к такому недостижимому дну. Профессор знал, что может шевелить руками и ногами, что может попытаться выплыть, подняться к поверхности, но не хотел. Здесь было тепло и покойно, а там, на поверхности, непременно холодно и страшно. И когда невидимая сеть опутала Профессора и дернула вверх, он почувствовал что-то похожее на раздражение.

Холодно не было. Было темно и больно. Профессор поднес руки к глазам и не увидел пальцев, лишь почувствовал их кончиками грубую ткань повязки. Уцепил за край и начал было тянуть ее с лица, но кто-то властно сказал ему прямо в ухо: *«Кале!»*.

— *Кале*, — чуть тише повторил голос. Горячие и сухие ладони обхватили запястья Профессора и вытянули его руки по швам. — *Еркарар намге?* — после краткого молчания спросил голос.

— Не понимаю, — честно ответил Профессор и помотал головой. Под веками тут же вспыхнули тюльпаны.

Голос молчал. В тишине потрескивало горящее дерево. Оно обдавало Профессора особым, почти забытым запахом, редким запахом, который мог опознать Профессор в этом новом месте. Дерево имело запах, чужой, но все-таки понятный и более приятный, чем другой понятный запах — запах немытого тела и старых шкур. Профессор лежал молча, укрытый чем-то волосатым, и медленно втягивал в себя сладковатый дым очага. До тех пор, пока в него не ворвался острой нотой запах табака, едкий до одурения.

— *Хабцяко пин, пин*, — вдруг сказал голос.

Профессор глупо, по-мальчишески, улыбнулся. Деревянный край плошки ткнулся в изогнутые неловкостью губы. Рот наполнился густым, вязким и терпким. Не в силах задержать дыхание, Профессор сглотнул. Покалывая холодом, варево потекло по горлу внутрь.

— *Хабцяко пин*, — донесся голос сквозь заполнившую Профессора темноту.

* * *

Снежная болезнь забрала на время глаза русского. Это было хорошо. Пока он был слеп, *Тэри Намге* не видели его и не нашли прежде Нея. Злые *хэхэ* не смогли забрать тело. Теперь, в чуме Нея, они уже не смогут добраться до русского раньше времени. Теперь можно было вернуть русскому глаза.

Чтобы снять боль, Нея вывернул веки и сделал два узких надреза. Спустил дурную кровь. Обмотал чистой тряпицей и шесть дней менял корпию со свежим крепким чаем. Шесть дней поил супом, шесть дней менял между его ног *постели*. На седьмой русский очнулся.

— Какого ты рода? — спросил Нея. Не зная рода, нельзя просить *хэхэ* вернуть тень.

Русский не понял. Не смог ответить. Нея достал носогрейку и принялся думать.

Без названия рода отправляться в путь за душой было без толку. Можно только просить хворь уйти. Здесь, в среднем мире.

— Уходи, хворь, уходи, уходи, — попросил Нея. Плеснул на землю отвар, напоил остатками русского. Скоро хворь должна вернуть тому глаза. Но вот тень вернуть нельзя.

— Зачем ты велел помочь ему, родитель? — ловя короткое дыхание русского, спрашивал Нея у духа отца. *Хэхэ нгытырм* не отвечал. Может, не слышал. Он был далеко на севере, там, где оба моря бьют об один берег.

Нея курил и думал. И чем больше ходил его ум, тем чаще возвращался к русским словам. Тем, которые Нея не хотел вспоминать, которые спрятал в самом дальнем чуме своей жизни.

Нея повстречал русские слова, когда отец впервые взял его в факторию. Пока отец и брат отца сдавали пушнину и забирали соль, порох и ткань, семнадцатилетний Нея смотрел на странного человека со странной штуковиной. Он просил *ненцьев* петь в широкую трубку из блестящей меди, похожую на старый гриб с перевернутой шляпкой. Взамен человек давал табак и ленты.

Уже потом Нея узнал, что странная штуковина была прибором фонографом, а странный человек командирован в тундру Русским музеем Императора Александра I. Тогда же он понял, что человек этот — русский, а *еркар* его — Борис Михайлович.

Русский Борис, едва заметив двупалую кисть Нея, стал красен лицом, ухватил и не отпускал больше. Только когда разыскали отца и брата отца, да уговорились о *ясаке*, ослабил хватку, но так и не отпустил. Увез Нея в большой город на воде, где оленей не было вовсе, а русских было столько, что кружилась голова. Нея стали одевать в русскую одежду из сукна и показывать людям в белых малицах. Так прошло три зимы, а на четвертую зашли в комнату Нея громкие русские с винтовками, в черных одеждах и шапках с черными лентами. А тот, что был в кожаном пиджаке, поправил деревянный ящичек на правом бедре и сказал что он — *упол*, что царя больше нет и Нея свободный.

Нея вышел из каменного чума в три яруса, прошел через парк, шагнул за двери из железных прутьев и пошел домой.

Две зимы шел Нея домой и видел только плохое и страшное, страшное настолько, что не стал даже хранить эти видения. А когда снова увидел факторию, то в центре ее, за казенными складами, стоял чум, а над ним на шесте трепетала ткань праздничного цвета. *Упол* в кожаном пиджаке объяснил через безоленного *ненцьа*, что старого царя теперь нет, но *ясак* платить надо, и, чтобы записать Нея в книгу, выдал ему паспорт, назвав новым именем. Имя Нея не понравилось, но он промолчал. Спросил только: «Кто тогда теперь царь?» *Упол* нахмурился, но ответил, что вместо царя теперь Ленин и Сталин, шибко большие русские начальники, и даже показал Нея их карточку. Тогда Нея спросил, не знает ли *упол* его отца и брата его отца, давно ли они были в фактории и куда ушли. На что *упол* ответил, что они были шаманы и эксплуататорский элемент. Народ судил их, оленей забрал, а самих ликвидировал и бросил в тундре.

— Как ликвидировал? — переспросил Нея непонятное слово.

Упол достал из деревянной шкатулки пистолет и сказал:

— Вот из этой штуки.

Что было дальше, Нея не помнил. Его проглотила шаманская болезнь. Он попал в нижний ярус и встретил доброго и злого *хэхэ*. Они съели его плоть, обглодали кости и отвели тень на небо к *Нуму Вэсоко*. И когда *Нум* думал, что делать с синдрянг Нея, пришел *хэхэ* его родителя и просил вернуть сына в средний мир. *Нум* разрешил и велел Нея стать *тадебе*, но не простым, а *самдорта* — камлающим со слугами *Нга*, повелителя нижнего мира.

Очнулся Нея в тундре, один, весь в засохшей крови. Гнус не ел его, и Нея понял, что рядом *хэхэ*-помощник, а когда заговорил с ним, то увидел, что помощником стал его родитель.

До восхода говорил Нея с родителем и спрашивал:

— Как научиться *камлать* с темными *хэхэ*?

Родитель ответил. Указал путь на север, к подземным пастбищам земляных оленей *я'хора*, где оба моря бьют об один берег. Там нашел Нея останки родителя, и *нгытырм* научил его всем именам духов нижнего мира. Без воды и пищи камлал Нея три ночи. Камлал, складывал в самый дальний чум памяти русские слова, и клялся забыть к ним дорогу — совсем, как пурга заметает *воргу* от легкой нарты. Нея был верен слову до того самого дня, когда в чум влетела гагара, до той ночи, когда приснился ему незнакомый русский с почерневшим лицом, а *нгытырм* родителя велел собираться в путь.

Теперь Нея курил, *нгытырм* молчал, а значит — пришло время доставать русские слова.

* * *

Ложка оставляла нечеткие, но все же заметные следы на кирпичной, еще старорежимной, кладке камеры. Профессор стоял на коленях на верхних нарах и, потея всем телом, давил на алюминиевый стилограф. Особенно тяжело давался знак натурального логарифма.

Было, было что-то неверное, неуловимо неправильное в формуле глухого провинциала-самородка. Еще тогда, в девятьсот третьем, читая его «Исследование мировых пространств реактивными приборами», Профессор понял, какие грандиозные возможности откроются перед человечеством при должном подходе. Тогда же ухватил он своим внутренним научным чутьем пробел, малый, но очевидный для него, Профессора, просчет. В формуле не хватало легкого, завершающего штриха, связывающей нити между скоростью истечения продуктов сгорания из сопла ракетного двигателя, стартовой массой ракеты и ее массой без топлива на активном участке траектории.

Мысль эта не давала Профессору житья, стала занимать его целиком. Он забросил преподавать, продал все ценное и съехал на Охту, в одноэтажный угрюмый дом с обширным подпольем.

Профессор был так увлечен этой идеей, что кровавые события октября не смогли достучаться до него сквозь узкое оконце его подпольной лаборатории. Революция не заметила исхудавшего человека с фанатичным блеском в глазах. Приняла за своего. Позже, правда, она исправила ошибку, и люди в кожаных пальто долго держали кнопку дверного звонка. Но тогда, когда в испытаниях появились первые результаты, Советская Власть прошла мимо Профессора. Он тоже не заметил ее, он мчался в Калугу, прижимая к груди савьенский портфель желтой кожи.

Константин Эдуардович не удостоил Профессора вниманием. Ни лично, ни в переписке. И это тогда, когда Советы перестраивали мир, когда им еще не было дела до внеземных станций, газовых рулей, кислородно-водородных топливных паров и сил сопротивления воздушной оболочки Земли. Чего уж говорить о том, как высоко задралась борода сына лесничего после двадцать третьего, когда немец Оберт признал его основателем теории космического полета.

Вышедшая в двадцать девятом книга «Космические ракетные поезда» поразила Профессора в самое сердце. Она была страшнее, чудовищнее, чем наводнение. Самоучка все же читал его письма. Профессор исписал три листа гневными строками, но в Москву их так и не отправил. Он еще крепче сжал зубы и глубже погрузился в работу.

Шаг за шагом Профессор приближался к решению задачи. Он даже выбрал букву греческого алфавита, которой назовет искомое число. Красивую и строгую, как вытянувшийся во фрунт солдат, букву, созвучную его, Профессора, фамилии. Но цифры ускользали от древней каппы, не давали пригвоздить себя копьями знака равенства.

Профессор искал и искал зависимость. Он делал это даже во сне, беспокойном и горячечном. Делал это, пока звучал длинный звонок в парадном, пока шел процесс, тогда, в тридцать втором, когда глухой сын лесничего получил орден Трудового Красного Знамени, а Профессор — десять лет лагерей. И после — в тюрьме и на этапе, на узких полках вагонзака, Профессор прокручивал раз за разом результаты, полученные в душной от плесени лаборатории на Охте. Ему все так же не хватало каппы, константы, отделяющей его от универсального уравнения, работы всей жизни. Зависимости, позволяющей отбросить гравитацию и сделать реальностью космические ракетные поезда. Малости, ради которой он готов был проводить годы возле аэродинамической трубы, ставя тысячи, десятки тысяч экспериментов. Малости, которую получить в его теперешнем положении не представлялось никакой возможности.

Обожженная глина, помнящая еще кирпичные заводы Катуаров и Якобсона, крошилась под натиском металла, отлитого Страной Советов, сыпалась на ветхий тюремный матрас, набитый прелыми опилками. Щербины складывались в стройные ряды цифр, приближая Профессора к его вожделенной каппе.

Вдруг что-то защекотало шею. Профессор дернулся и стряхнул на тюфяк прусака. И тут, словно по команде, из щелей нар, из швов матраса, стрекоча закрылками, поползли, побежали сотни, тысячи тараканов. Они ползли и ползли, накатывая волнами, словно проигравшиеся в «тысячу тараканов» зэки разом опрокинули два десятка кульков, свернутых из Органа Центрального Комитета КПСС, и выгряхнули из них свои карточные долги. Прусаки лезли под робу, копошились, вгрызались в кожу. Профессор отбросил ложку, скатился кубарем с нар и давил своим телом хитиновые панцири о цементный пол камеры. Тараканы звучно лопались, гибли, но их место занимали другие, накрывая Профессора с головой. Он закричал, чувствуя, как твари набиваются в рот и ноздри, забивают горло, и проснулся.

Или решил, что проснулся. Над Профессором стоял, слегка наклонив маленькую голову со следами эмбриодии, самоед, покрытый черными царапинами татуировок, голый и страшный в своей первобытности.

— *Лакомбой*! — сказал он и приветственно поднял руку. Профессор зажмурился, пытаясь отогнать видение, но оно не исчезло. Четыре пальца на самоедской кисти срослись, отчего ладонь походила на кожаную мозолистую варежку. — Жуки сожрали твою тень, — медленно, будто подбирая слова, произнес самоед по-русски и улыбнулся, словно старый приятель.

Профессор смотрел в узкие глазные щели на плоском лице, на выступающие скуловые дуги, на пуговичный нос и полуоткрытый рот самоеда и не мог пошевелить языком. Даун протянул свою страшную руку и сдернул с Профессора оленью шкуру. Только тогда Профессор понял, что и сам наг, как Адам.

— Вставай. Мыться надо. Совсем плохо пахнешь, — сказал самоед и как был, голый, вышел из чума.

Обтирание снегом не дало эффекта: покрытый татуировками самоед сидел напротив профессора и наливал ему в плошку отвар из медного чайника.

— Пей. Хороший цяй. Силу дает, — протянул самоед деревянную посудину. Потом налил и себе.

Профессор кутался в оленью шкуру и, чувствуя, как подкрадывается слабость и тошнота, дул на горячее варево. На вкус напиток оказался терпким и вяжущим. Тишину чума ломали только резкие хлопки березы в очаге да шумное прихлебывание самоеда. Когда в плошке проступило дно, Профессор и правда почувствовал себя немного лучше.

Самоед закончил хлебать, отставил посуду. Узкие, со складками у внутренних уголков, глаза пристально посмотрели на Профессора.

— Какого ты рода?

При звуках самоедского голоса в чум зашла белая лайка и улеглась у порога.

— Какого ты рода? — не обращая внимания на собаку, повторил самоед.

Что ему за дело, какого я рода, подумалось Профессору, но вслух он честно ответил:

— Отец мой подал в отставку в чине штабс-капитана инженерных войск.

Самоед горестно вздохнул, будто это известие расстроило его до крайности. Он забил в короткую трубку щепоть табака и закурил. Задумался.

— Смотри, — задетое эмбриодией лицо вдруг озарилось радостью. — Я — *самдорта*, — хлопнул он себя по груди кожаной варежкой.

— А я думал, ты — самоед, — вырвалось у Профессора. Горький и вязкий отвар сделал его мысли легкими, а язык говорливым.

— Зачем самоед? — двупалая рука указала на псину. — Он — *хаска*. Я — *неньц*. Ты — тоже *неньц*, только русский, — самоед замешкался, видя непонимание. Помолчал и выдал радостно: — *Неньц* — значит человек. А ты какого рода?

Профессор пожал плечами. *Неньц* снова задумался, запыхтел трубкой.

— Имя твое какое? — вдруг радостно спросил он, словно вспомнил что-то важное.

— Профессор, — вдруг сказал Профессор. Хотя и не профессор он был вовсе, а только доцент, а Профессор была всего лишь кличка, что прилипла к нему еще в Крестах, да так и осталась, заменив настоящее имя и фамилию.

— Хорошо, Про Фэ Сор, — кивнул его новый знакомец со странным именем Самдорта. — Хорошо. А чум твой где?

— Далеко, в столице. В большом городе, — махнул рукой Профессор и поймал себя на мысли, что говорит с самоедом, будто с дитятей. — Много чумов. Очень много.

— Где Сталин? На Коровьей Воде? — Самдорта замешкался. — *Мэс Ва*?

Профессор улыбнулся и покачал головой. В их дикой беседе не было ничего забавного, но шальная веселость щекотала сердце, выбиралась изнутри, мешала сосредоточиться. Мысли Профессора стали играть в чехарду.

— В Петербурге. Большой город на воде.

— Был там, — знающе кивнул самоед. — Большое становище. Много всего. Людей совсем нет, одни русские.

Профессор расхохотался. Игра в слова веселила его самым бессовестным образом. Он насилу успокоился и утер выступившие слезы. *Неньц-самоед* невозмутимо дымил трубкой. Потом сдвинул брови и сурово, как когда-то старший следователь Анисимов, спросил:

— Кто твой *хэхэ*?

— Простите? — от неожиданности Профессор перешел на «вы».

— *Хэхэ*, — повторил Самдорта. Теперь уже он говорил с Профессором, будто с ребенком. — Мой *хэхэ* — *налим*, — ткнул он в рыбий силуэт на левом предплечье. — У тебя кто? Кто твой дух-помощник?

— Нет у меня *хэхэ*, — ответил Профессор. Новое слово вышло похожим на кашель.

— Совсем плохо. Совсем, — опечалился Самдорта. — А раньше ты что делал? Я нельму ловил, палкура, чира. Песца бил еще, оленя гонял, но совсем раньше. Теперь камлаю. А ты?

Профессор задумался. Как объяснить вот так разом, сидя на оленьих шкурах у очага, чем он занимался последние годы? Служил стране, которая из матери-империи стала советской мачехой? Которой никогда не нужны были его знания, ей нужна была сначала медная руда, а теперь — рыба. Как объяснить покрытому рисунками и узорами самоеду, что он искал свою каппу? Каппу, которая позволит человечеству шагнуть за порог Земной атмосферы и устремиться к глубинному Космосу.

— Это настолько важно? — растерянно прошептал он.

— Важно. Совсем важно, — кивнул самоед и даже вынул трубку изо рта, подчеркивая важность. Налил до краев плошку чаем и протянул Профессору. — Когда человек переходит на другую сторону, то делает там то же, что и на этой. Поэтому в путь ему надо собрать все вещи, что будут нужны. Тебе тоже скоро собираться в путь. Как это по-русски, — замешкался самоед. — Вот. Скоро умирать.

Профессор поперхнулся. Закашлялся.

— Так что ты делал, Про Фэ Сор?

Мысль о смерти давно не пугала Профессора, но слова самоеда повернули ее другой гранью. Помогли сделать выбор:

— Я учил. Давал знания. Отвечал на вопросы.

— Ммм, — понимающе промычал самоед. Похоже, ответ его удовлетворил. — Так ты тоже *тадебе*, — и видя, что Профессор не понял, перевел, — шаман. Это хорошо. Вдвоем нам легче будет просить у *Нга* твою тень. Ты в среднем мире камлал или в верхнем?

— В верхнем, — ответил Профессор. — Я учил, как подняться выше земли. Выше звезд, выше солнца.

Самдорта хитро улыбнулся и погрозил Профессору своей кожаной рукавицей:

— Зачем обманываешь, Про Фэ Сор? Выше звезд и луны, далеко за солнцем начинается седьмой слой неба. Там живет только *Нума* и его жена *Я'Мюня*. Никто не может подняться, даже самый сильный шаман. Только до пятого слоя можно, где *Яв'мал Вэсоко*.

— Ну я же не пешком учил добираться, — улыбнулся в ответ Профессор. — Я учил делать таких железных птиц, что могут долететь и до твоего *Нума*.

Самдорта замер истуканом и уставился на Профессора широко раскрытыми глазами. Трубка вывалилась из распахнутого рта.

* * *

Когда Нея решил выведать *еркар* больного русского, он не знал, как назвать ему свой. Имя, что написал на паспорте *упол*, Нея не нравилось, а открывать настоящее чужаку он не хотел. Потому назвался словом, которое про него знал каждый *ненцья* — самдорта — тот, кто *камлает с хэхэ* нижнего мира.

Нея всегда любил ходить умом заранее, но даже его ум не мог дойти, что больной русский Про Фэ Сор настоящий *выдутана*, да такой великий, что приручил железную *Минлей-тиртя* — птицу, что летает до самого светлого *Нума*.

Теперь Нея понял, почему так настойчив был *нгытырм* родителя. Отчего *хэхэ* отца велел найти русского без тени и проводить его на ту сторону тундры. Про Фэ Сору не нужна была больше его *синдрянг*, он мог и без нее попасть на суд к *Нуму*. Все, что было нужно русскому *выдутане*, — верный проводник, который соберет его в дорогу.

Про Фэ Сор уже давно спал, уставший от разговора, а Нея все сидел у огня и думал, как лучше собрать белого *выдутана* в путь. Думал, сможет ли русский добраться до пастбища народа *сихиртя* у берега, омываемого двумя морями, хватит ли у него сил. Лишь изредка снимал чайник с *сызмы* и подливал чаю в плошку.

Лайка у порога навострила уши и тоненько заскулила. Затем и сам Нея почувствовал — к его чуму приближалась нарта, а следом за ней что-то большое, больше самого тяжелого *кутуса*, рычащее и страшное.

Нея накидал поверх спящего Про Фэ Сора шкур, посадил сверху лайку. Надел малицу и штаны из *ровдуги* и уселся у очага ждать.

На улице *хаски* затеяли лай. *Нюка* над порогом откинулась, и в чум вошел *ненцья*. Скинул капюшон и коротко, украдкой, поклонился. *Нея* знал этого *ненцья*. Он осел на фактории и ездил по тундре только с Красным Чумом.

Нея он не нравился, слишком много говорил о русских начальниках, о Сталине, и называл *тадебе* и большеоленных *ненцьев* плохими словами. Сам же, когда его жена положила в дупло третьего ребенка, пришел к Нея просить помощи. Нея помог — четвертый ребенок выжил.

Следом за *лживым ненцья*, топоча *унтами*, вошли двое. Нея сразу узнал в них *уполов*, даже без кожаных пиджаков и деревянных коробочек на боках.

Один из них поднял руку к шапке и представился:

— Уполномоченный УГРО Семенов.

Второй *упол* высокий, как медведь, сильно похожий носом, ушами и усами на ту карточку шибко большого русского начальника,

что Нея видел в фактории, представляться не стал. Наклонился, протянул широкие, как лопаты, ладони к очагу и поджег об него белую гильзу папиросы. Сунул в зубы и выдохнул дымом в лицо Нея:

— Паспорт покажи.

Нея протянул здоровой рукой сложенный в осьмушку листок.

— Так, Прокопий Хатынзи, — протянул *упол* имя, которое Нея не нравилось. — Ты почему не на фронте?

— Обожди, Вахо, — одернул его *упол* Семенов. И взглядом показал на двупалую руку Нея. Похожий на нового царя Вахо пощипал ус и вернул паспорт. — Прокопий, — тихо продолжал Семенов. — Мы ищем одного человека, которого зовут, — как зовут человека, Нея не расслышал, имя потерявшегося заглушил толмач из Красного Чума. — Он преступник, понимаешь, Прокопий?

Нея дождался, пока толмач закончит, и кивнул.

— Он не появлялся у тебя недели две назад? Нет? А в тундре ты его не встречал? Может, мертвого находил? Скажи, находил недавно мертвого русского в тундре, а, Прокопий?

Нея усердно мотал головой, шепча про себя камлания *хэхэ*, отводящим глаза. Он затылком чувствовал, как горят в темноте за его спиной глаза *хаски*, что лежала поверх укрытого шкурами Про Фэ Сора. От усердного камлания на губах Нея выступила пена.

— Да он дурачок совсем, — сказал большой, как медведь, *упол*. — Пустое это, Андрей. Идем.

— Пустое? — вдруг взорвался спокойный и тихий до того *упол* Семенов. — Да у меня приказ из самой Москвы! Найти и доставить этого зека, живым или мертвым! Что я им скажу? Что его ваши белые медведи подъели? Труп мне нужен, хоть бы труп какой!

— Да не кипятись ты так, — как-то сразу стал меньше большой *упол*. — Найдем мы тебе труп, Андрей Яковлевич.

— Не сомневаюсь, — зло процедил *упол* Семенов и вышел вон. — Заводи! — крикнул он уже снаружи.

— Ты это, Прокопий, если вдруг увидишь кого из не местных, скажи вон Метяне, — сквозь железный рев прокричал *упол* Вахо. Кивнул *ненцу* из Красного Чума и ушел. Метяня, *ненця*, который не нравился Нея, выбежал следом за русским хозяином.

Нея утер губы и без сил опустился на шкуру возле очага.

* * *

Очнулся Профессор разбитым. В голове качался дурман и ошметки сна. Ему опять снилась недостижимая *каппа*, и еще — будто кто-то звал его, окликал его, Профессора, по его настоящему имени и фамилии.

Самоед Самдорта уже сидел, поджав ноги, возле Профессора, и пыхтел носогрейкой.

— Ешь, — протянул он прямоугольное блюдо, на котором дымилось и истекало жиром мясо. — Тебе нужно много сил, чтобы добраться до земель *сихиртя*.

— Кого? — с набитым ртом спросил Профессор.

— Маленьких железных людей. Они живут у двух морей и пасут там земляных оленей. Там тебе нужно будет лечь. Ешь, — повторил самоед. — Потом мы будем собирать тебе вещи в дорогу. Те, что нужны для жизни с той стороны тундры.

— Но у меня ничего нет, — прошептал Профессор, до конца осознав, что понимает самоед под словом «лечь». — Даже одежда на мне, — он провел по затертой малице ладонью, — и та — твоя.

— Когда мой родитель умер, я был совсем далеко. Он не смог научить меня камлать. — Самдорта стащил с себя малицу и стоял теперь перед Профессором голый по пояс. — Потом я вернулся, нашел его *нгытырм* и все узнал. *Нгытырм* родителя научил меня именам всех *хэхэ* и всем их тропинкам. Теперь я ношу их имена, — похлопал по татуировкам самоед, — а когда лягу сам, новый *тадебе* сможет научиться у меня именам *хэхэ*. Если найдет мой *нгытырм* в земле *сихиртя*. В стране маленьких людей, что жили здесь еще до прихода *ненцья*.

Самоед покопался в мешочке у пояса. Выудил костяную иглу. Ссыпал порох в плошку. Залил его отваром из чайника, а остатки протянул Профессору:

— Пей, будет острая мысль. Вспомнишь все имена *хэхэ* верхнего мира. А потом рисуй, — самоед кивнул на пол чума. Профессор пригляделся и понял, что шкуры, лежавшие на полу, перевернуты шерстью вниз и покрыты ровным слоем золы. — Рисуй, Про Фэ Сор, а я буду рисовать на тебе.

Профессор сделал большой глоток прямо из носика чайника. Снял малицу. Сел.

Дрожащие пальцы оставляли робкие, но все же заметные следы на золе. Особенно тяжело давался знак натурального логарифма.

* * *

Нарта ходко резала полозьями снег. Она покачивалась, мерно поскрипывая, что придавало ей сходство с медленно плывущим по течению прогулочным яликом. Профессор лежал, закутанный в мягкие шкуры молодых оленей, и представлял, что течение несет его вниз по Неве, рассекающей спящий Петербург на две неравные части.

Профессор думал не о приближённых оценках динамики полета ракет, не о тех случаях, когда силы аэродинамического сопротивления и тяжести невелики по сравнению с реактивной силой, не о неизбежности потерь топлива на преодоление тяготения при подъёме космических ракетных поездов на должную высоту без толкача, и даже не о неуловимой каппе. Он думал о том, какое животное могло бы стать его, Профессора, *хэхэ*.

Из всех рыб, зверей и птиц только двуглавый орёл нравился Профессору больше прочих. Сходство было, конечно, отдалённое, не такое яркое, как у налима и самоеда с его рукой-плавником, но имперский символ не шел из головы. Пусть с орла давно сняли монаршую корону, отобрали скипетр и державу, гордая птица не погибла. Профессору очень хотелось в это верить. А ещё в то, что когда-нибудь, пусть даже через сотню лет, двуглавый орёл вернётся на шпили Кремля и банковские билеты.

— Самдорта, — вдруг позвал профессор. — Как будет «налим» по-самоедски?

— *Нея*, — ответил, не оборачиваясь, тот.

Долгая ночь сменялась коротким днем. Профессор спал, думал, пил густой бульон, что варил самоед, пока отдыхали собаки, и продолжал путь вниз по Неве под мерный скрип тундровой шлюпки.

Нарта сделала резкий поворот влево и где-то на подходе к Финскому, почти у Васильевского острова, встала. Профессор открыл глаза и прислушался: тихий морозный воздух тундры и правда взрезал рокот морского прибоя.

— Хаски боятся, не хотят дальше. Чуют земляных оленей. Дальше пешком пойдем, — объявил самоед, помогая Профессору подняться. Поднырнул под руку, крепко обнял, и они побрели к темнеющим впереди холмам.

Последнюю часть пути Профессор только переставлял ноги, повиснув на плече самоеда. Тропа широкими петлями спускалась к прибою. Северо-западный ветер метал пену и осколки ледяных торосов на смерзшуюся в мозаику гальку. Густой серый туман мешался с тучами водяных брызг и размывал грань между морским льдом и льдом суши.

Самоед уверенно вел Профессора к подножию сопки — груды песка, гранита и глины, принесенных ледниками и спаянных миллионами лет в единое целое. В небольшой расщелине клубился все тот же серый туман.

— Пришли, — шепотом произнес самоед. Плеснул из фляжки спирта: сначала на камень у входа в пещеру, потом — на тряпку заготовленного факела. — Аккуратно ступай, Про Фэ Сор. Глубоко

падать, — покачал головой самоед и первым шагнул на вырубленную в промороженной глине ступеньку.

На третьем десятке Профессор бросил считать. Низкий свод, крутой спуск, застоявшийся бедный воздух пещеры душил его, заставлял болезненно сжиматься сердце. Голова кружилась. Профессор опирался ладонью о покрытую изморозью стену уходящей вниз галереи и просто старался не упасть.

Внезапно спуск прекратился. Они оказались в небольшом вытянутом гроте с низким потолком и песчаным полом. В центре наподобие стола были сложены три плоских гранитных плиты. В дальнем конце угадывалось что-то большое и темное.

— Это мой родитель, — самоед подвел Профессора к каменному ложу. — Не весь, только его *нгытырм*, — пояснил Самдорта, наклонив факел. Огонь высветил покрытую инеем и татуировками иссохшую мумию старика *ненцья*. — Ты тут ляжешь. Рядом.

Профессору стало нехорошо. Он перевел взгляд на темнеющее в дальнем углу склепа пятно.

— А там что?

— *Я'хора*, — важно сказал самоед и тут же пояснил. — Земляной олень там. Сторожит путь ниже, к стойбищам *сихиртя*. Когда шаман просит, *я'хора* отходит, и видно путь в землю железных людей. Посмотри сам, — самоед протянул факел Профессору и принялся разводить очаг. — Мне делать надо много еще. Не мешай. Опоздать можем.

Профессор медленно пошел к земляному оленю, держа в вытянутой руке факел, словно рапиру. Из темноты на него так же медленно выплывало нечто, похожее на средних размеров валун, густо посыпанный инеем. Валун словно когда-то пытался вылезти из гранитной стены пещеры, но застрял, сжатый ее тяжелыми сводами. Из самого центра валуна торчал огромный кончик рога. Профессор приблизился и рукавом малицы стряхнул с камня ломкую индевелую корку. Валун был глыбой льда. Из нее на Профессора, нет, сквозь Профессора, смотрел мамонт.

Профессор отшатнулся, схватился за грудь, словно пытаясь ладонью удержать внутри взбесившееся сердце. Медленно выпрямился, запрокинул голову и так же медленно втянул в себя воздух. Через долгую минуту ему стало легче. Он открыл глаза.

Прямо над ним, на низком своде пещеры что-то было. Профессор придвинул факел ближе, стараясь рассмотреть наскальные рисунки облюбовавших этот склеп самоедов.

— Самдорта, — слабо позвал Профессор. Факел в его руке задрожал. — Что это?

— Не узнал? Это твоя железная птица *Минлей*, — на миг оторвался от приготовлений самоед.

— Нет, вот это что? — Профессор указал пальцем на восьмерки, хаотично нацарапанные возле продолговатого тулова птицы.

— Крылья, что еще? — пожал плечами самоед. — У *Минлей-тиртя* железное туловище и цемь пар крыльев.

— Сколько? — сипло переспросил Профессор.

— Цемь пар.

Сердце Профессора гулко бахнуло и взорвалось. Кровь ударила в виски. Легкие обвисли пустыми картофельными мешками.

Ему хотелось смеяться. Ему хотелось плакать. Танцевать вокруг возящегося у костра самоеда и целовать его изуродованные эмбридиевой щеки. И кричать, кричать во все горло: цемь пар! це-эм-пар! эм-це-два! Масса-и-квадрат-скорости-света. Энергия — вот его каппа, которую так тщетно искал Профессор все эти годы, чтобы найти на пороге смерти в забытой Богом глуши, у пастбища земляных оленей. А она была рядом, совсем рядом и уже очень давно, с самого девятьсот пятого года, и ускользала между пальцев, среди миллионов цифр статистической обработки бесполезных экспериментов. Но теперь, теперь он уже никуда не отпустит свою каппу.

Профессор часто задышал, жадно хапая холодный стоячий воздух пещеры.

— Самдорта, дай мне нож, — сказал Профессор, и в его голосе было столько силы, что самоед не посмел отказать. — Смотри, Самдорта, — Профессор царапал острым стальным кончиком закопченный свод пещеры. — Вот это! Видишь? Это я хочу забрать с собой на ту сторону тундры. Ты понял, Самдорта? Понял? — голос от волнения дрогнул. — Обещай мне!

Самоед кивнул и начал копошиться в кожаном мешочке, подвешенном на поясе.

— Вот и славно, — выдохнул Профессор. — Вот и славно, — повторил он и снял малицу.

* * *

Профессор лежал на покрытом инеем плоском камне у входа в страну белоглазых карликов-*сихиртя*. Он лежал голый по пояс рядом с иссушенной временем мумией безымянного шамана. Ему не было ни больно, ни холодно. Ему было покойно.

Самоед выводил голосом низкие длинные ноты, провожая Профессора на ту сторону тундры. Костяная игла мерно била острием по коже Профессора, оставляя в такт шаманским камланиям точку за точкой — значение каппы для будущих учеников. Когда самоед

умолкал, чтобы набрать в легкие воздуха, было слышно, как волны Белого и Баренцева моря шипят пенными брызгами, ударяясь о Канин Нос.

«Ложка — *пань*, кошка — *кань*», — вдруг вспомнилась Профессору присказка коми-пермяка, осужденного по «хозяйственной» статье за колхозную пшеницу.

«Забавно, — подумал Профессор. — Выходит, мне выпало преставиться на кошкином носу. Забавно», — еще раз успел подумать Профессор прежде, чем умер.

* * *

Нея прикрыл глаза и курил трубку. Над посыпанной снежной крупой *пармой* медленно поднималось желтое око *Нума*. *Хасава* ходко шла к чуму. *Хаски* бодро тянули лямки, не просили ни крика, ни *хорея*. Не спрашивали дороги домой, не отвлекали хозяина. Нея наполнял легкие табачным дымом и медленно выдыхал на низких, горловых нотах. Он не *камлал*, он просто желал русскому Про Фэ Сору теплой жизни на новом месте.

Нея возвращался домой, выводил печальную мелодию, полную умиротворения и благодати, и улыбался одними глазами.

Он не знал, что через год далеко-далеко, на краю тундры — *Я'Мале*, соберутся на *сход-Манадалу ненцы*, чтобы просить у русских начальников справедливости. А те привезут вместо нее пулеметы на нартах и назовут сход разных *еркаров* «контрреволюционной организацией» — словами непонятными для Нея, но понятными для *упола* Вахо. Что для «пресечения работы антисоветских элементов» в его чум войдет этот похожий на медведя *упол* и заберет Нея так далеко, что он не сможет уже увидеть родных мест.

Не знал, что через сотню лет русский охотник на земляных оленей найдет в пещере у двух морей *нгытырм* Про Фэ Сора, и тот научит всех людей приручать железную птицу *Минлей*.

Но одно Нея знал точно — он выполнил волю *нгытырма*-родителя: достойно собрал и проводил белого *тадебе* Про Фэ Сора на другую сторону тундры. Поэтому *Нея* курил, прикрыв глаза, и улыбался.

НИК СРЕДИН

Средство передвижения

Рассказ

Когда зазвучал сигнал тревоги, крысы уже были на спасательной шлюпке. Серебряк, вожак клана, пересчитал серых пушистых зверьков и принялся прыгать на кнопке «Старт».

— Вы уверены? — удивленно переспросил борткомпьютер. — Шлюпка сильно недогружена. Вы можете взять еще людей.

— Не надо! — крикнул Серебряк, всем весом надавливая на заветную клавишу. В конце коридора уже показались бегущие члены экипажа.

— Подтвердите, что все люди смогут покинуть корабль! — потребовал борткомпьютер.

Вожак с высоты кнопки оглядел приборную панель. Нашел тумблер «Закрыть шлюз», прыгнул к нему, стараясь не обращать внимания на топот и сопение в коридоре. Аккуратно откусил пластмассу, потянул на себя и замкнул провода. Люк захлопнулся перед самым носом человека. С той стороны забарабанили, потом просительно поскреблись.

Беляк, светлый крыс сомнительного происхождения, дернулся открыть вход.

— Держите его! — приказал Серебряк. Вернулся к «Старту». Нетерпеливо пошевелил усами и без разбега запрыгнул наверх.

— Люк заблокирован, — пожаловался борткомпьютер. — Невозможно полностью укомплектовать шлюпку.

С той стороны в люк несколько раз сильно ударили ногой — и все смолкло.

— Они погибли? — со слезой в голосе спросил Беляк.

— Пошли другую шлюпку искать, — отмахнулся Серебряк. — Их сейчас делают в два раза больше, чем надо. Не первый случай, когда крысы отвоевывают себе право на спасение. Ну, железяка, летим?

— Подтвердите, что вы — человек, — злорадно предложил борткомпьютер. — Приложите ладонь к сенсорной панели.

— Произвол! Звери в беде должны помогать друг другу! — крикнул с пола шлюпки молодой крыс Пацук. — Позор!

— Люди — не звери, — бросил Серебряк, изучая устройство панели. Нашел, где можно добраться до проводов. Быстро перекусил.

— Идентификация невозможна, — вздохнул компьютер. — Стартуем.

Шлюпку тряхнуло, крысы с писком повалились друг на друга и взмыли в воздух, когда наступила невесомость. Заработали системы навигации, выбирая ближайшую пригодную для жизни планету. Включились двигатели, уводя маленький кораблик в поле низкой гравитации — для гиперпрыжка.

Сзади огненной розой расцвел покинутый звездолет.

— А если там кто-то погиб из-за нас? — грустно спросил Беляк.

— Ну и что? — Серебряк парил по кабине в поисках пакетиков НЗ.

Пацук уже добрался до сметаны: вместе с несколькими мохнатыми шариками с зубами он водил хоровод вокруг вкусной сферы. В другом углу резвилась молодежь, первый раз освободившаяся от искусственного тяготения. Вожак ухватился за мешочек с хлебом. Одним рывком содрал упаковку, плотно обхватил буханочку лапками и с наслаждением откусил. Оглянулся на светлого крыса, плакавшего солеными слезинками.

— Люди — это только транспорт для крыс, — наставительно сказал Серебряк. — Они пристреливают лошадей, которые не могут дальше везти наездника, а мы? Мы всего лишь сделали правильный выбор в ситуации «они или мы».

— Люди — это… — не согласился Беляк. Замялся, подбирая определение. — Это…

— Средство передвижения, — подсказал Серебряк. — Сначала они помогли нам расселиться из небольшой области

в Восточном Китае по всей планете. Потом изобрели гиперпрыжки и начали колонизировать другие миры — а вместе с ними на космических кораблях полетели мы. Человек с трудом привыкает к новым условиям жизни: колонии, после того как выполнят основную задачу, часто приходят в упадок.

— Основная задача? — переспросил Беляк, переставший плакать.

— Доставить партию крыс, чтобы мы завоевали еще одну планету, — Серебряк торжественно осмотрел шлюпку, по которой парили крысы его клана. — Не знаю, будет ли космос принадлежать людям, но нашим он будет точно!

АЛЕКСАНДР ЩЁГОЛЕВ

Чего-то не хватает

Драма мечты

Киностудия имени Горького, съёмочный павильон.

Обстановка творческая. Беспорядочно лежат кабели, штативы, стройматериалы, у стены куча мусора, издалека доносятся ругань и смех. В центре павильона — декорация: две стоящие под прямым углом панели, оклеенные обоями в горошек, в пространстве которых установлен платяной шкаф, сервант, тумбочка и кровать. Над кроватью — бра. В одну из панелей, изображающих стену, врезана дверь.

В тележке с кинокамерой, громко храпя, спит оператор.

Обычный рабочий день.

Уютное, красивое, цветное прошлое.

— ...Уж и не знаю, каким ветром его к товарищу Суслову, к Михал Андреичу нашему, занесло, но со страху ему так живот припёрло, что прямо из кабинета он поскакал к унитазу. Взгромоздился, а в руках ничего, кроме своего же сценария, нету. Первый экземпляр с резолюциями...

Это в павильон вошли режиссёр-постановщик и помощник режиссёра.

— Угадай, какую страницу наш драматург рискнул попользовать? Ни за что не поверишь. Ни-ка-ку-ю!

Гулко хохочут.

Режиссёр — высокий осанистый мужчина с роскошной шевелюрой и печатью большого таланта на лице. Породу не спрячешь — перед нами настоящий творец. Возраста неопределённого: с одинаковым успехом дашь и тридцатник, и сороковник. Он по-хозяйски озирает павильон. Замечает спящего оператора и прекращает веселье.

— Эт-то что такое?!

— Митя вчера в «Метрополе» был, — спешит с объяснениями помощник. — Перебрал там вместе со всеми. Шофёр его на студию привёз, чтоб утром с гарантией был на работе.

— Так. А что у нас в «Метрополе»?

— Барчук «героя соцтруда» отмечал.

— Барчук — дурак и бездарность! Я бы такому и случку свиней не доверил снимать, а ЦК ему, вишь ли, цацки вешает…

Входят сценарист и директор киностудии.

— В чём там ЦК провинился? — уточняет сценарист как бы невинно, однако достаточно громко, чтобы в коридоре было слышно.

Режиссёр мгновенно подбирается:

— На провокационные вопросы не отвечаю.

Помреж между тем разбудил оператора. Тот мало напоминает человека. Из тележки выползает на четвереньках. Со стоном встаёт на ноги и сообщает бледным голосом:

— Пойду, умоюсь…

— Какими ветрами, коллеги? — спрашивает режиссёр.

— Вот, зашли проведать нашего мученика, — разводит руками директор киностудии.

Сценарист светски улыбается:

— Сегодня мой лучший эпизод. Очень интересно, как вы его сделаете.

— Почему-то когда я мучился с заседанием профгруппы, — говорит режиссёр желчно, — ни у кого не возникло потребности меня проведать. Зато на обнажёнку слетелись, как… — дипломатично замолкает, оставив метафору при себе.

— Мне не до шуток, — темнеет директор. — Наверху сильно нервничают по поводу сроков сдачи картины. Зная твою требовательность к себе, я опасаюсь, как бы нам всем не влипнуть.

— Ай-ай-ай! — режиссёр притворно ужасается. — Как же я мог забыть, что ты — куратор фильма? Не боись, ЭТУ порнуху я сдам вовремя.

— Я полагал, нам с вами доверили не «порнуху», а важнейший заказ партии и правительства, — роняет сценарист.

— Тихо, Эдик, не заводись, — говорит директор.

— Да что — не заводись, когда всякие тут…

Сценарист — маленький, лысоватый, с брюшком. Однако под непритязательной внешностью не скроешь горячее сердце.

Режиссёр панибратски обнимает обоих за плечи:

— Мужики, что вы растрещались?! «Сроки сдачи», «важнейший заказ»… Пришли поглазеть на горяченькое, так не орите чушь. *(Смеётся.)* Только поднимитесь на балкончик, чтоб щёчки из-за вас не краснели и не бледнели.

Сценарист гадливо высвобождается из объятий:

— Вы о ком?

— Щёчки — это ягодицы, — торопливо объясняет ему директор студии. — Киношный сленг. Это он про актёров, Эдик. Пошли, пошли, пошли…

— Нет, не к осветителю, — показывает режиссёр. — На другой поднимайтесь, повыше.

Директор студии утаскивает сценариста наверх. Тот с отвращением ворчит: «Щёчки у него… ещё сказал бы — губки… и носик…». Режиссёр, мгновенно забыв о гостях, поворачивается к помрежу:

— Как там наши звёзды экрана?

— По конурам, готовятся.

— Кордебалет?

— Перекуривает на лестнице.

— Ладно… — осматривает декорацию. — Ну и халтура. Гнать бы художника, так ведь спит с женой секретаря парткома. А может, секретарь парткома спит с его женой…

Возвращается оператор. Лицо мокрое и мрачное. Молча машет рукой, идёт к камерам.

— Не пей с Барчуком, Митя. Нечестно. Пьёшь с ним, а плёнку портишь мне.

— Тележку кто возит? — сипло спрашивает Митя.

— Будешь работать с рук. Руки-то не дрожат?

Входит актёр, играющий главного героя. Русоволосый, голубоглазый, ростом с режиссёра. На нём брезентовые штаны, свитер с оттянутым воротником, из-под которого торчит клетчатая рубашка. Плюс сапоги. А также — непременная трёхдневная щетина. Какой же герой без трёхдневной щетины?

— Привет всем! Где наша девочка?

— Пах бреет, — бормочет сквозь зубы оператор Митя.

— Серж, ты готов?

— Я — как пионер. Трезв, сыт и хочу бабу. *(Зевает.)* Как вам мой маскарад?

— Похож на ханыгу у винного, — констатирует оператор.

— Заткнись, кинолюбитель! — срывается помреж. — Давно в окуляры не получал?

— Ребятки, не ссорьтесь. Что говорит консультант?

— Консультант говорит, что настоящие геологи выглядят так, — ставит точку помреж.

— Ну и нормальненько…

Входит актриса, играющая главную героиню. Одета по-домашнему: прозрачный пеньюар, под которым видна атласная ночная рубашка. Чарующие ножки упрятаны в чулки. На голове — грандиозные кудряшки, залитые для прочности лаком «Прелесть».

С первого взгляда ясно — перед нами современная советская женщина.

Актриса делает танцевальное па, всплеснув пеньюаром:

— Годится?

Режиссёр подбегает к ней, целует в щёку.

— Ларочка, солнышко, ты обольстительна! Зрители испачкают сиденья!

Она победно улыбается. Режиссёр обнимает её за талию, ведёт к декорации. Шепчет:

— Спиралька на месте? Умница. Ты у меня профи, не зря ГИТИС кончала… *(Хлопает в ладоши.)* Внимание! Репетируем встречу после разлуки! Прошу всех выбросить из головы чушь, собраться и помочь мне в нашем общем деле!

Актриса подходит к актёру:

— Привет вашему маленькому другу. Он нас сегодня не подведёт?

— Маленький?! Да уж побольше, чем у твоего хряка, — кивает тот на режиссёра.

— Ешьте петрушку, Серж. Помогает, у кого по мужской части проблемы.

— Проблемы — это когда гонококк погулять вышел. Кстати, давно проверялась?

— Не ваше дело. Ваше дело простое — отпыхтел, получил деньги…

— Эй, голубки, текст выучили? — окликает их режиссёр. Хищные оскалы разом превращаются в улыбки.

— Какой там текст? Сопли.

— Серж, не обижайте нашего гения, — притворно сердится актриса. — Говорят, страдает над каждым словом, онанирует над портретом Чехова…

— Медвежьей болезнью он страдает. Штаны до сих пор постирать боится, интеллигент.

Сценарист на балкончике пылает: «Дураки… Провокаторы… Сгною…» Директор киностудии придерживает его за плечо: «Эдуард, хочешь лучше выпить?» Очаг возгорания погашен. «Дармоеды… Ненавижу… Что там у тебя, коньяк?..»

Смена декораций.
НА БАЛКОНЧИКЕ

Сценарист и директор киностудии еле слышно разговаривают, поочерёдно отхлёбывая из плоской бутылки с этикеткой «Двин» и бросая долгие взгляды на съёмочную площадку.

СЦЕНАРИСТ. Наверху правда нервничают?

ДИРЕКТОР. Не то слово. При всём моём глубочайшем уважении к нашему руководству, кое-кто, мне показалось… *(заканчивает уже шёпотом)*… на грани паники.

СЦЕНАРИСТ. Поступили новости?

ДИРЕКТОР. Да уж поступили, Эдик, поступили.

СЦЕНАРИСТ. То-то, я чувствую, напряжение сгустилось… Чёрт. Я тебя, конечно, не спрашиваю…

ДИРЕКТОР. А нет тут особого секрета. Не сегодня-завтра и тебя введут в курс дела. Ты знаешь, что эксперименты в Дубне повторили в Киеве у Глушкова и в Арзамасе-16?

СЦЕНАРИСТ *(осторожно)*. Слышал. Без подробностей.

ДИРЕКТОР. Я тебе скажу. Из Киева доложили, что смогли посмотреть ещё дальше, чем дубновские. Украину принимают в НАТО, а Российской Федерации в приёме отказано.

СЦЕНАРИСТ. И какова наша реакция?

ДИРЕКТОР *(с горечью)*. А что — реакция? Варшавский договор, по всей видимости, распался. Американцы ставят базы по всем нашим границам, «оборонка» погибла. В стране — сплошная растащиловка. Наши учёные работают на американский военпром…

СЦЕНАРИСТ. Да уж, читал я про это. Не могу поверить...

ДИРЕКТОР. А вторая новость — вот. В Арзамасе-16 вытащили совершенно безумный экстраполят. В Ленинграде установлен памятник Сахарову, и не где-нибудь, а на площади имени Сахарова. Но это цветочки. В Москве перед зданием КГБ сковырнули памятник Дзержинскому и на этом месте увековечили... Ты думаешь, кого? Солженицына!

СЦЕНАРИСТ *(выдыхает)*. Врёшь!

ДИРЕКТОР. Гадом буду!

СЦЕНАРИСТ *(потерянно)*. Беда, беда...

Долго молчат. Трагическая пауза ничем не нарушается.

ДИРЕКТОР *(сам себе)*. Да и Ленинграда никакого, говорят, там у нас больше нет...

СЦЕНАРИСТ. Что, шведы обратно оттяпали?

Снизу доносится голос режиссёра: «Поехали!»

СЪЁМОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

Актёр закидывает за плечи рюкзак, из которого торчит геологический молоток, вместе с актрисой они становятся с тыльной стороны декорации — перед фальшивой дверью. Кряхтя, он поднимает партнёршу на руки, переступает порог, роняет ношу на постель. Лица обоих светятся нежностью. Она шепчет: «Милый! Милый!». Он опускается перед ней на колени.

На тумбочке лежат книги, придавая эпизоду вес. Малый читательский набор: «Как закалялась сталь», «Целина» и томик Тургенева.

ОНА *(включает бра)*. Любовь моя, о, наконец мы одни!

ОН. Каждую минуту, каждую секунду своей суровой жизни в тайге я думал о нашей встрече и ждал её!

ОНА. Когда ты сегодня позвонил мне на фабрику, я чуть с ума не сошла от радости. Даже до конца профгруппы не высидела! Ой, что будет, выговор влепят...

ОН. А знаешь, какая в тайге красотища? Воздух чист, как слеза, вода прозрачна, как воздух. Кедры шишками тебя одаривают, птицы и звери с тобой здороваются...

ОНА. Я хочу в тайгу, увези меня с собой.

ОН. Жизнь моя, теперь мы всегда будем вместе.

Целуются, умело изображая страсть.

— Стоп! — командует режиссёр. — Спасибо, нормальненько. Не космический полёт, конечно, не взрыв сверхновой… Разве что — подработать реплики…

— Зачем — реплики? — живо удивляется актёр. — Например, у Герасимца метод — импровизация, полное доверие исполнителям.

Режиссёр мгновенно воспламеняется:

— Твой Герасимец — дряхлый пень, самодур и бездарность! Снял полтора идейно правильных фильма — и классик, видите ли!.. *(Несколько секунд тяжело дышит.)* Ты мне лучше вот что скажи, умник. Куда ты всё время смотрел? Куда угодно, только не на свою возлюбленную.

Актёр мнётся, криво улыбаясь. Медлит с ответом.

— Давай, давай, не тушуйся.

— На «Зосю» смотрел.

— На кого? — режиссёр в недоумении оглядывает помещение.

— Да вон, «стеночка», — показывает герой на декорацию, вернее, на шкаф и на сервант возле кровати. — Польская «Зося». Скоро себе такую же покупаю. Очередь подошла, деньги нужны. Прости, из головы не выходит.

— Бред. С кем работаю…

— Бред? — злится актёр. — Ты при студии отовариваешься — без очереди, без записи и без наценок, а нам Союз выделяет — шиш без масла! Кому бред, кому — геморрой!

— Тоже мне, оправдание нашёл.

— Никита, а нельзя, чтобы он побрился? — встревает актриса.

— Кто?

— Да этот твой «заслуженный и без пяти минут народный», — мажет она пятерней по щеке партнёра. — Тёрка, а не герой-любовник! Кожу с меня живьём сдирает.

Актёр хочет что-то гневно возразить, но режиссёр закрывает ему рот рукой.

— Экие вы оба тонкие. Ларочка, ты ж и не такое терпела. Зимняя прорубь, полуденный песок в Гоби… подумаешь, лёгкая щетинка. Представь симпатичного ёжика из мультика… *(Внезапно суровеет.)* Кстати, к тебе тоже вопрос. Что ты там всё время рукой делала? Под ночнушкой зачем-то шарила… Признаться, это странно выглядит.

Она агрессивно подбоченивается.

— К твоему сведению, капроновые чулки надо периодически подтягивать. Чтобы гармошек на коленках не было. Или чтобы винтом не пошли.

— Почему по размеру не подобрала? Чем вы там с костюмером занимались?

— НЕ ПО РАЗМЕРУ?! — Яростным рывком она задирает подол. — Полюбуйся, как это устроено, если раньше не видел!

Устроено самым обычным образом: чулки крепятся к поясу на резинках. Все детали пригнаны друг к другу, как в хорошо отлаженном механизме.

— Как ни старайся, мой милый, чулок не ляжет по ноге, это тебе не кожа! А если кому-то представляется по-другому, он либо мальчишка, либо дурак!

— Развоевалась... Перед объективами только не поправляй больше ничего, хорошо? Зрителю совсем не коленки твои интересны... *(Хлопает в ладоши.)* Внимание, нулевая готовность!

Звукооператор спускает к кровати микрофон на длинной палке со шнуром. Оператор нехотя вылезает из тележки: на плече у него громоздится неопрятного вида агрегат.

— А стационарные?

— Вот, вот и вот. — Оператор показывает на камеры. — Точки я со вчерашнего не менял — в отсутствие постановочных распоряжений.

— Где кордебалет?! — внезапно вспоминает режиссёр и начинает безумно озираться. — Убить меня хотите?!

Помреж высовывает голову из павильона.

— Девчата, ау!

Вплывают три русалки в блестках, покачивая хвостами из перьев. Кроме блёсток и хвостов, иной одежды на них нет. Пожилая постановщица танцев сопровождает это трио. Объяснять им задачу не нужно: всю неделю плотно репетировали.

— Свет!

Вспыхивают юпитеры, раскалёнными лучами впившись в декорацию.

Режиссёр заметно волнуется:

— Ларочка, Серёженька, ребятки! Я хочу увидеть настоящее чувство. Покажите, что возвышенная страсть присуща нашему человеку не только за станком или кульманом.

СЦЕНАРИСТ *(презрительно фыркнув)*. Идеалист хренов!

ДИРЕКТОР. Эдичка, оставь и мне сколько-нибудь.

Сценарист возвращает товарищу бутылку, затем достаёт из бокового кармана пиджака театральный бинокль. Величавым жестом прикладывает оптику к глазам — и застывает.

Директор потрясённо смотрит на сценариста с его биноклем и бормочет: «Чёрт, не догадался...»

— Мотор!

МОТОР!

В точности повторяется отрепетированная сцена. Оператор следит объективом за перемещениями актёров. Камеры громко стрекочут. Сценарист свободной рукой вытаскивает из кармана большое яблоко и сочно откусывает, не отрываясь от действа. Директор киностудии с завистью смотрит на яблоко. Режиссёр ободряюще приговаривает: «Так... Так... Митя, книги крупно!»

Книги, лежащие на тумбочке, даются крупно.

Разделавшись с текстом, актёры начинают бурно целоваться. Противиться здоровому инстинкту больше нет причин, поэтому житель тайги наконец срывает с себя свитер и клетчатую рубашку, обнажая волосатое, смуглое от кварцевых ванн тело. Героиня вскакивает и освобождается от пеньюара. Нетерпеливые мужские руки стаскивают с неё ночную рубашку.

РЕЖИССЁР. Медленнее! Куда спешим?

Героиня остаётся в нижнем белье. Лифчик, трусы, пояс с чулками, — всё лимонного цвета. Бельё обильно украшено оборочками, фестончиками, атласными ленточками. Издалека — очень красиво. Вблизи... Из бюстгальтера вылез предательский ус, впивается актрисе в тело. Она мужественно терпит.

Герой выпрыгивает из брюк, придерживая большие семейные трусы. Сатиновые, ясное дело, однако не синие, как у всех, а в желтую полоску. Это очень современно, даже вызывающе.

Возлюбленные снова на кровати. Женщина лежит неподвижно — глаза томно прикрыты, руки раскинуты. Герой эффектно освобождает её от лифчика, она издаёт стон, исполненный искреннего облегчения, и метает снаряд в сторону кинокамеры. Оседлав героиню верхом, начинает жадно целовать её грудь. Часто дыша от наслаждения, она выгибается поцелуям навстречу.

Грудь у выпускницы Театрального большая, крепкая, киногеничная.

РЕЖИССЁР. Портки!

В оператора последовательно летят лишние детали туалета: трусы мужские, трусы дамские. Оператор мягко двигается вокруг кровати, с разных ракурсов фиксируя эту сцену. Тела актёров молоды и красивы, они блестят в свете юпитеров, они полны присущей нашему человеку возвышенной страсти.

РЕЖИССЁР *(недовольно)*. Стоп, стоп, стоп! Серж, в чём дело?

Актёры прекращают играть, садятся на кровати. Помреж бросает им халаты...

СЪЁМОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

— Да я, Никита... — виновато произносит актёр. — Не знаю, что и сказать...

— Убрать свет! — распоряжается режиссёр. — Ты что, не в форме?

— Вчера жена из отпуска вернулась. Я ведь не машина.

Режиссёр быстро накаляется:

— Ты артист! Причём, как тут уже вспоминали, носящий почётное звание заслуженного!

Серж бросает взгляд на партнёршу.

— Ведьма чёртова, сбила меня с настроя... со своей петрушкой...

СЦЕНАРИСТ *(чуть слышно)*. Почему заминка?

ДИРЕКТОР СТУДИИ. У главного героя нет эрекции. Бывает. Дашь бинокль на минутку?

— Какая-такая «петрушка»?! — кипит режиссёр, — И почему опять глазами стрелял?! Про «Зосю» свою не можешь забыть?!

— Про «Зосю» тоже! — внезапно кричит актёр. — И про квартиру кооперативную! Вечером перекличка, из театра надо отпрашиваться. Тебе бы мои заботы, Никита!

— А тебе бы — мои. Квартира, Сергуня, это далеко и долго, зато обделаемся мы все здесь и сейчас... *(Поворачивается к оператору.)* Митя, как у тебя?

— Бездарно, поэтому отлично.

— Не фиглярствуй! Что было в кадре?

— В основном она, его я брал со спины.

— Ну, с Ларочкой пока нет проблем, от неё у зрителей, что положено, встанет по стойке «смирно»... — Режиссёр

успокаивается. — Лара, я же тебя просил. Опять занимаешься чулками?

Теперь взвивается уже актриса:

— А я предупреждала! Если б костюмы привезли, например, из Италии, а не заказывали в ателье при Мюзик-холле…

— Боже, о чём вы все думаете во время съемок?! — всплескивает руками режиссёр.

— Да! Да! Женщина, выходя на подиум, думает не о том, как она будет изображать с мужчиной любовную сцену, а о том, всё ли у неё в порядке с туалетом! Открою тебе тайну — это нормально!

— Ладно, ладно, нормально. Потом подредактируем… Я хотел с тобой о другом. — Режиссёр отводит актрису подальше от чужих ушей. — Солнышко, сделай этому импотенту массажик. Какой-то он сегодня…

— Хорошо, Никитушка. Сделаю от души, как тебе.

— Нет уж, постарайся! «Как мне»…

Он озабоченно смотрит на часы.

НА БАЛКОНЧИКЕ

ДИРЕКТОР. Что там у тебя за история с Сусловым?

СЦЕНАРИСТ. Ох, Филя, задолбали уже… Не с Сусловым, а с Юрием Владимировичем. Шеф пригласил меня давеча в Кремль — чаю попить, поболтать о том о сём.

ДИРЕКТОР. По делу или…

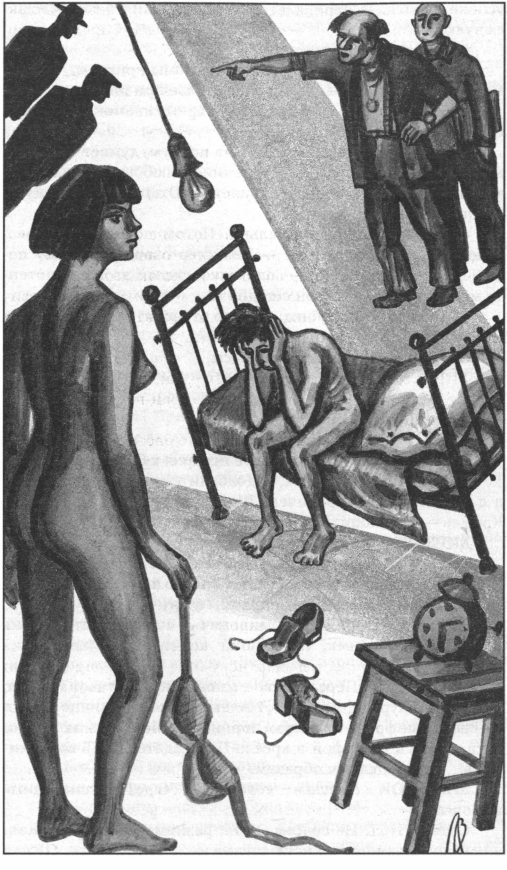
СЦЕНАРИСТ. Никаких «или». В качестве двоюродного племянника я у Андропова не бываю. Только как секретарь Союза писателей. Назрели оргвопросы, нужно было обсудить.

ДИРЕКТОР. Юрий Владимирович — очень строгий, очень правильный человек, настоящий коммунист. Мало таких людей.

СЦЕНАРИСТ. Передам твоё мнение при случае. Так вот, приносят с курьером пакет от Александрова — лично в руки Ю-Вэ. Расшифровали новую порцию дубновского экстраполята, согласно которой в кресло Председателя КГБ будут сажать… угадай, каким образом?

ДИРЕКТОР *(севшим голосом)*. Через всенародные выборы?

СЦЕНАРИСТ. Не совсем. Хотя, разница небольшая. Кандидатуру главного чекиста согласуют с директором ЦРУ, и



только если американцы дали «добро»... вот такая перспектива. Даже привычного ко всему Юрия Владимировича проняло. Не захотел пользоваться «вертушкой». Уж не знаю и не хочу знать, почему. И адъютанта своего подключать не стал. Под рукой был я, меня он и послал с этим пакетом к Суслову, да попросил бегом... «Пулю» про туалет уже потом пустили. Чтоб никакая сволочь не посмела удивиться, какого рожна секретарь Союза писателей скачет галопом по кремлёвским коридорам.

ДИРЕКТОР. Да, дела... *(Вдруг пугается.)* Зачем ты мне это рассказал?

СЦЕНАРИСТ. Во-первых, ты никому не растреплешь, во-вторых, тебе никто не поверит. Я и сам-то поверил только потому, что в кабинете Андропова случайно оказался.

ДИРЕКТОР. Теперь понятно, почему Михаил Андреевич в такой спешке решил подключить к проекту режиссёров из стран народной демократии.

СЦЕНАРИСТ. И кого?

ДИРЕКТОР. Лучших. Вайда, Гофман, Кислевский... да всех. Кстати, товарищи из братских стран восприняли задание партии с большим энтузиазмом.

СЦЕНАРИСТ. Это обнадёживает. Но пасаран!

Символически вскидывает сжатую в кулак руку. В кулаке — огрызок от яблока.

МОТОР!

Актриса возвращается к кровати, садится рядом с актёром. Долго и странно смотрит ему в глаза.

ОНА. Сергей Сергеич, зачем меня обижать? Разве я ведьма?

Её рука забирается партнёру под халат, производит там некие манипуляции. Тот молчит и слегка подрагивает, заворожённый.

ОНА. Любовь моя к вам порочна и безнадежна... душа моя мечется и рвётся из сетей... оттого и больно — вам, мне, всем... возьмите же взбалмошную дикарку, она давно ваша...

Мужчина и женщина сплетаются взглядами, словно беседуя мысленно о чём-то тайном, одним им ведомом.

ОН *(вдруг кряхтит, разрушая идиллию)*. Я готов!

РЕЖИССЁР *(мгновенно)*. Звук, свет — быстро!!!

Вспыхивают юпитеры. Герои фильма сбрасывают халаты.

РЕЖИССЁР. Ну, ребятки... Мотор!

Слетает на пол покрывало, обнажается постель — розовая-розовая, вся в пене кружев и бантов. Сорвано одеяло. Загорелые тела отлично гармонируют с цветом простыни, но особенно впечатляют незагорелые участки человеческой плоти; в этом контрасте — настоящее эстетическое пиршество... Любовные игры доводят градус эпизода до максимально возможных значений. Это плазма. После долгой разлуки влюблённые буквально сгорают в нетерпении.

Павильон взрывается музыкой: пошла подтанцовка.

Девушки в перьях располагаются, как задумано балетмейстером — одна в изголовье кровати, другая в ногах. Третья (солистка) свободно перемещается в пространстве декорации. Их движения синхронны, выверены, экспрессивны.

Героиня поворачивается набок — к партнёру спиной, — сгибает ногу в колене, открываясь объективу во всех анатомических подробностях. (Заодно прячет от кинокамеры дырочку на пятке и ползущую от неё «стрелку».) Впрочем, прелестная картинка недолго радует зрителя: герой, хозяйски просунув ладонь, прикрывает её. Ладонь, как котёнок, — ластится, живёт собственной жизнью. «О, милый...» — беззвучно шевелятся губы героини. Тогда герой убирает руку, прекратив пытку, чтобы тут же ввести в композицию новый элемент. Секундное усилие — и скептикам продемонстрировано, насколько убедительна у него эрекция! Героиня охает, с наслаждением принимая удар. Она шепчет, шепчет что-то неразборчиво-нежное... Оператор деловито перемещается вокруг, агрегат на его плече мерно стрекочет.

РЕЖИССЁР. Митя, крупно!

Розовая, распахнутая настежь композиция пульсирует, дышит, ждёт. В цвете — на плёнке шосткинского химкомбината «Свема» — это будет смотреться просто гениально. Герой начинает размеренно двигать тазом, подстраиваясь под музыку; его руки неистово мнут выпяченные напоказ груди. Чмок, чмок, чмок — вот настоящая музыка любви, а вовсе не та, что сотрясает динамики.

Ритм эпизода задан.

Танцовщицы по-своему повторяют и размножают всё, что происходит в постели. Шаманские пляски...

Героиня покоряется общему танцу: всем туловищем ловит движения партнёра, впитывает их неудержимую мощь.

Глаза её закрыты, на лице блаженство — в точном соответствии с художественным замыслом.

РЕЖИССЁР. Больше чувства! Дайте мне чувство!

Актёр даёт чувство, стремительными толчками пронзая пространство кадра.

СЦЕНАРИСТ *(вцепившись в поручни пальцами свободной руки)*. Моя лучшая сцена... Вершина... Разговор с вечностью...

ДИРЕКТОР СТУДИИ *(умоляющим шёпотом)*. Эдичка, дай бинокль! Хоть на минуту! Козёл очкастый, что ж ты за жмот?..

Героиня, издав хриплый вопль, бьётся в объятиях главного героя. Глаза закатились, пальцы царапают простыню, ноги беспорядочно сгибаются и разгибаются.

Плясуньи возле кровати выдают сумасшедшие батманы. Солистка в гуттаперчевом экстазе извивается на полу, показывая высший класс акробатики.

РЕЖИССЁР. Давай финал, Сергуня!

Актёр взвинчивает темп. Но его отточенная техника быстро превращается в хаос. Выплеснув завершающую порцию стонов, он вянет, замирает, виснет на актрисе. Композиция распадается. Оба лежат, устало лаская друг друга.

ОНА. В тайгу... В тайгу...

РЕЖИССЁР. Стоп, снято.

НА БАЛКОНЧИКЕ

Два зрителя, облеченные доверием партии, молча потягиваются, разминают кисти рук, хрустят суставами. На их лицах — чувство глубокого удовлетворения.

СЦЕНАРИСТ *(разнеженно)*. Ты мне что-то говорил? Прости, я отвлекался.

ДИРЕКТОР. Ничего особенного. Хотел предупредить, да как-то к слову не пришлось...

СЦЕНАРИСТ. О чём?

ДИРЕКТОР *(мстительно)*. Чтоб ты в руках себя держал, в азарт не входил.

СЦЕНАРИСТ. Я всегда держу себя в руках.

ДИРЕКТОР. Вот и хорошо... Взгляни на противоположную стену. Осторожно, как бы невзначай. Осветителя видишь? Теперь метра на два выше, под потолком... Только пальцем не показывай.

СЦЕНАРИСТ. Дырка. И чего? Вентиляционное отверстие, надо полагать.

ДИРЕКТОР. Не дырка, а тайное окошко. Да не пялься туда, мало ли что!.. Видел — шторкой прикрыто? Говорят, к нам сюда наведываются и наблюдают за процессом.

СЦЕНАРИСТ *(пугливо)*. Кто?

ДИРЕКТОР. Ты что, дурак?

СЦЕНАРИСТ. Неужели...

ДИРЕКТОР *(пожимает плечами)*. Есть такая легенда. Хотя... кто знает, легенда ли? Известный кинолюб... и женолюб... вкушает плоды искусства...

СЦЕНАРИСТ. Это шутка? Ты шутишь?

ДИРЕКТОР. Я, Эдик, вроде бы главный в здешних лабиринтах, меня боятся. Я, по идее, должен всё здесь контролировать. Но это видимость, хоть и работаю на того же хозяина, что и ты. Мой уровень — не выше балкончика, где мы стоим. Так что я давно не понимаю, где кончаются шутки и начинаются специальные мероприятия.

СЦЕНАРИСТ. Тихо! По-моему, она... колыхнулась.

ДИРЕКТОР. Кто?

СЦЕНАРИСТ. Шторка...

Тёмные полоски материи, закрывающие отверстие под потолком, и вправду колыхнулись — раз, другой...

На балкончике — немая сцена.

СЪЁМОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

Юпитеры погасли, музыка заткнулась. Аппаратура перестала шуметь. Актёры, сидя на кровати, вяло перебирают собранную для них одежду.

— Ну и балет, — говорит актёр, набрасывая на себя клетчатую рубашку.

Актриса встаёт, разглаживая помятое лицо:

— Скотина. От «щетинки» вашей у меня ожог.

— Согласно сценария, — парирует он... и вдруг гогочет, показывая пальцем.

И впрямь смешно. Чулки на коленях у героини вытянулись пузырями, как, извините, тренировочные штаны у мужиков. Вспыхнув, актриса поспешно влезает в ночнушку и в пеньюар.

— Урод, бездарь. Будьте вы прокляты. Импотент, рухлядь...

Поправив причёску, она уходит за стеночку, — с гордо поднятой головой.

Кстати, причёска, в отличие от сценического костюма, с честью выдержала испытание. Великолепные букли остались нетронутыми, разве что подвинулись чуть, как парик. Всё-таки лак «Прелесть» — хороший лак. Прочный, почти железный...

В декорацию медленно вступает режиссёр. Он задумчив.

— Недурственно, голубки мои. Сделаем ещё дубль, и хватит.

— Как! Ещё дубль?! — Актёр вскакивает, забыв про трусы в руках; стоит в одной рубашке.

Режиссёр мрачнеет:

— Такое чувство, будто в сцене чего-то не хватает. Признаюсь, я шёл утром в павильон с тяжёлым сердцем. И ночью плохо спал, думал... Смотрел вот сейчас на вас, пытался проникнуться чувственной красотою, вами изображаемой, ставил себя на место зрителя... нет, не берет.

— Вероятно, дело в исполнителях? — произносит актёр с опасным спокойствием. — Исполнители не соответствуют уровню режиссуры?

— Вы с Ларой — это вулкан, к вам — никаких претензий... Сделаем паузу часа на два, я обдумаю ситуацию. И повторим.

— Да ты что! — ужасается актёр. — Я целиком выложился!

— Ну, три часа. Восстановишься.

— Чего тебе ещё не хватает? В объектив брызнуть?

— Кстати, свежая идея, — соглашается режиссёр. Складывает пальцы кадриком; прищурившись, смотрит сквозь эту конструкцию, что-то прикидывая в уме. — А попробуем.

— Вот тебе!!! — актёр сопровождает выкрик неприличным жестом. — Дублёра бери! Каскадёра!

— Сергей, прекрати истерику! — кричит в ответ режиссёр. — Будет столько дублей, сколько я скажу! Или ничего не будет — ни кина, ни премии, ни твоего заслуженного звания!

Бунт подавлен. Шваркнув трусами оземь, актёр плюхается обратно на кровать... Режиссёр объявляет всем:

— Благодарю за службу, товарищи! Встречаемся через три часа.

Подлетает актриса — уже полностью одетая (брючный костюм, сумочка, шляпка).

— Никитушка, я в буфет, хорошо? Тебя не жду. Говорят, там сосиски дают. Ещё мне Галя обещала палочку копчёной колбасы оставить... (Торопливо стирает грим, глядясь в зеркальце.) Муж возвращается с натуры, а кормить его нечем, стыд и срам...

Изящно махнув на прощание рукой, исчезает.

Помещение быстро пустеет — все прочие персонажи тоже расходятся. С балкончика спускаются высокие гости.

ДИРЕКТОР СТУДИИ. Хватит с меня, я старый человек... Но Ларочка — просто чудо! Будь помоложе, снял бы штаны и полез под софиты.

РЕЖИССЁР. Лично тренировал. А то оставайся, дублёром будешь. Морду оставим за кадром, чтоб девки на улицах на шею не вешались... *(Долго, бесконечно долго смеётся. Смех превращается в икоту. Отвернувшись от собеседников, режиссёр вытирает слёзы.)* До чего же хреново мне, братцы, если б кто знал...

СЦЕНАРИСТ. Что-то случилось?

РЕЖИССЁР *(тоскливо)*. Смыть бы плёнку. Так ведь не позволят, вот он первый и не позволит. *(Показывает на директора киностудии.)* Ну что, каков приговор, братцы?

СЦЕНАРИСТ. В каком смысле?

РЕЖИССЁР. Да вы там всю дорогу что-то обсуждали. Как ни взгляну на них — разговоры ведут.

ДИРЕКТОР *(начиная волноваться)*. Никита, что с тобой? Твоя работа — эталон вкуса, высочайший профессиональный уровень. Уверяю тебя, никаких приговоров, выговоро́в... тем паче — разговоров.

РЕЖИССЁР. Я творец, как бы громко это ни звучало. Кино я делаю, потому что не могу иначе. Тысячу раз тебе объяснял. В творчестве нельзя идти на сделку со своими принципами, как вы все не можете этого понять! Я уверен — без правды нет искусства. Но, с другой стороны, когда правды слишком много, когда блевать от неё начинаешь, искусство краснеет, бледнеет и прячется под лавки. Вместо космоса — пустота. А ведь вы именно этим заставляете меня заниматься, сволочи... Короче, я понял, чего мне не хватает. Уважения к самому себе, которого больше нет... *(Неожиданно кричит.)* Его нет, товарищи!

ДИРЕКТОР. Никита, Никита...

РЕЖИССЁР. Я отказываюсь. Я больше не снимаю эту порнуху. *(Специально для сценариста, развернувшись к нему.)* ПОР-НУ-ХУ!

СЦЕНАРИСТ. Очень интересно. Особенно про ваши принципы.

РЕЖИССЁР *(продолжает кричать)*. Мне тридцать пять! Я не снял ни про броненосец «Потёмкин», ни про крейсер «Очаков»! Меня не было на съёмочной площадке «Гамлета» или «Вишнёвого сада»! Чехов с укоризной смотрит на меня с книжной полки, даже Дюрренматт тихо посмеивается! А я по вашей милости чем занимаюсь? Мне тридцать пять лет, сволочи... Тридцать пять... *(Садится — прямо на бетонный пол. Закрывает лицо руками.)* Тридцать пять... Тридцать пять лет...

СЦЕНАРИСТ *(лениво закуривает)*. Позвольте с вами не согласиться, Никита Сергеевич. Творчество, наоборот, есть умение обмануть побольше народу, включая самого себя. А искусство — когда за это ещё и деньги платят. Извините за грубость, но... *(Задумчиво пускает кверху струю дыма.)* Как хорошая блядь обязана быть актрисой, так и хорошая актриса непременно, непременно должна быть блядью.

ДИРЕКТОР. Эдуард, шёл бы ты... Не видишь, человеку плохо.

Режиссёр рывком встаёт, делает шаг в направлении сценариста — и... бьёт его по лицу.

Поросячье тело на тонких ножках отброшено. Споткнувшись, Эдуард падает. Всё это громко, неловко и нелепо. Сигарета и очки куда-то улетают.

— Интересно, себя-то ты к кому причисляешь, к актрисам или к... — выцеживает режиссёр.

Поверженный вскакивает — весь в белом. Брюки и пиджак его испачканы бетонной пылью. Он лезет во внутренний карман, словно за пистолетом, однако находит лишь театральный бинокль; и тогда он швыряет этот подвернувшийся под руку снаряд в противника. Попадает в директора киностудии.

Тот ломается в поясе, хватаясь за пах. Бинокль — штучка весомая, металл и чуть-чуть стекла.

С нездоровым звяканьем прибор рикошетит на пол, из окуляров высыпаются осколки линз.

— Мужики! — сипит директор. — Не сходите с ума! *(Он крутится волчком, мелко подпрыгивая и зажав руки между*

ногами. Клянчил, выпрашивал заветную игрушку — и вот получил...) Никита! Эдик не сказал тебе ничего обидного!

— Пусть говорит, что хочет. Я всё равно отказываюсь работать.

Сценарист с молчаливой злобой отряхивается. Затем уходит в глубь павильона — в поисках очков. Директор, продышавшись, с искренней обидой произносит:

— Отказываешься? Ну и дурак. В проекте участвуют крупнейшие мастера: Барчук, Рязанцев, Герасимец, Матвеюкин, Кусков с Краснодеревенским. Быть в их компании — большая честь.

И вновь режиссёр теряет самообладание:

— Твой Рязанцев — нарцист, подлиза и дешёвка! И ещё бездарность, конечно! Прирождённая бездарность!

Возвращается сценарист. Очки торчат из нагрудного кармана, бледное лицо подёргивается. Руки наполеоновским жестом скрещены на груди. Подходит вплотную к режиссёру, смотрит снизу вверх. Тот распрямляет спину, упирает руки в боки и вдруг улыбается. Ну, ударь меня, ударь, словно приглашает он, я всем сердцем мечтаю об этом...

— Вы жалок, — говорит сценарист. — Я верну вам пощёчину... позже. А пока — ТАМ с большим энтузиазмом воспримут ваш демарш. — Указывает пальцем в направлении потолка.

С достоинством удаляется.

— Зачем было бить? — ворчит директор.

— Давно хотелось.

— Ты же знаешь, за его спиной — такая свора.

— За моей спиной, знаешь, тоже не стадо.

— Да уж... *(Опасливо.)* Никита, это всё было серьёзно? То, что ты сейчас нам представил?

— Более чем. Я ухожу. Решено.

Похоже, с директором киностудии тоже вот-вот случится нервный срыв:

— Господи! Боже мой! Я знал, что этим дело кончится! Сколько раз я им твердил — нельзя таких крупных личностей использовать втёмную! Мозоль на языке натёр! Не слушают... секретность развели, боятся младенца вместе с правдой выплеснуть... как бы не утопили они этого младенца...

— Ты о чём?

— Послушай, — говорит директор с жаром. — Проект скоро перестанет быть чем-то экстраординарным, превратится в

рутину. Придут молодые режиссёры, ты вернёшься в большое кино. Потерпи ещё год, продержись...

Режиссёр медленно отряхивает руки, разглядывая собеседника.

— А вот теперь, братец, ты расскажешь мне всё, — говорит он, ни секунды не сомневаясь. — Рассказывай, Филипп Тимофеевич. Давай.

Он совершенно спокоен. Торжествующе усмехается. Всех провёл да ещё удовольствие получил. Его друга и коллегу, наоборот, бьёт дрожь.

— Припёр ты меня... Поднимемся на эту штуку, чтобы не светиться, а то я здесь чувствую себя словно на сцене.

НА БАЛКОНЧИКЕ

Высоко над площадкой, в спасительной полутьме, усевшись на пол из стальных прутьев, шепчутся двое. Лица их не видны, голоса идентифицировать трудно. Собственно, говорит один, второй лишь внимательно слушает...

...Запущена серия экспериментов, которая позволила нашим физикам заглянуть в будущее. Технические подробности лучше узнать у спецов, да и не имеют они отношения к сути. Главное, что это не шутка. Это очень серьёзно...

...Нет-нет, никакой экспедиции не было, учёные как бы посмотрели, послушали, записали разрозненную информацию. И выяснилось, что впереди нас ждёт кошмар. Советский Союз развалился. К власти пришли воры и предатели. На окраинах бывшего Союза — резня. Советские рабочие массово превращаются в доходяг-бомжей, советские крестьянки стали проститутками на трассах, дети-сироты из спившихся семей нюхают клей на вокзалах. Всюду — поросшие бурьяном поля... Волосы дыбом встают, когда читаешь или смотришь экстраполяты! Кулаки сжимаются, хочется за автомат схватиться...

...Аналитики работали полгода. И вывод их оказался настолько парадоксален, что не знаешь, смеяться или плакать. Стержневая причина развала — вовсе не гонка вооружений, не деятельность агентов влияния и даже не разница между уровнем жизни в развитых капстранах и СССР. Тем более, причина не в джинсах, не в рок-н-ролле, не в какой-то там свободе слова. Просто на Западе информация сексуального

характера нынче доступна и обыденна — в любых видах и формах, включая маргинальные. Тогда как у нас даже нагота под запретом. До середины шестидесятых, пока секс на экране и у них был вне закона, стратегический баланс сил соблюдался. В отечестве нашем не было никакого брожения в умах. А потом мы пропустили удар, не придав ему должного значения. Решили, что распространение в странах противника специфических видов искусства — элемент загнивания. В результате сегодняшний паритет — иллюзия. Система качается...

...Нынче на Западе любой сексуально озабоченный козёл может запросто сходить в кино или купить журнал. А у нас? Неудовлетворённость принимает катастрофические масштабы, пропитав общество по вертикали и горизонтали — от подростков к зрелым людям, от рабочих и служащих к управленцам и интеллектуалам. Дело ведь не в сексуально озабоченных козлах, которых не так уж много, а в чём-то фундаментальном, чего мы пока не понимаем и что в скором будущем нас раздавит...

Кстати, на социалистической Кубе проблем со стриптизом и проституцией нет никаких. Экстраполяты показывают, что там социализм сохранится, несмотря на американскую блокаду. Может, потому и сохранится...

...Вопрос: в какой момент мы начали фатально проигрывать идеологическую войну? Когда образцы западной секс-индустрии просочились в квартиры наших обывателей, а сведения о доступности таких вещей там, у них, — в сердца и души. С человеческой природой не поспоришь, её не переделаешь. А ты говоришь, порнуха... Открыть шлюзы было труднейшим политическим решением, Никита. Пришло время новой революции. Во имя предотвращения ужасного будущего. И вот наши лучшие режиссёры снимают советскую порнографию, наполняя её должным идейным содержанием, а я всё думаю — не опоздали ли мы... Ну, что ты решил?

— Что тут решать? На войне, как на войне. Партии нужен мой талант? Значит, я в строю...

СЪЁМОЧНАЯ ПЛОЩАДКА

Все ушли, хозяин павильона — в одиночестве.

РЕЖИССЁР *(с омерзением)*. Как хорошая бэ легко становится государственным деятелем, так и хороший

государственный деятель непременно должен быть этой самой… Эдик — философ-недоумок… *(О чём-то размышляет, закуривая.)* Ладно, вернёмся к нашим овцам. И чего я мучаюсь? Эта чёртова сценка не может не нравиться нормальным работягам. Зачем, спрашивается, переснимать? Незачем, прав был Серж… И всё-таки… Ну, не хватает в ней чего-то, задницей чую!

Некоторое время тупо смотрит на декорацию, повторяя: «Не хватает… Не хватает…» Затем пинает ногой тележку.

РЕЖИССЁР. Тьфу, нормальненько снято! *(Продолжает смотреть на декорацию.)* Нет… Не то, не так, не тем местом… *(Прохаживается по павильону, напряжённо размышляя вслух.)* Ну чего до сих пор не хватало зрителю в наших фильмах, мне только что объяснили. А вот чего не хватает лично мне? Убогий эпизод, лишённый семантической нагрузки… Прост, как пиво. Текст вторичен, картинка первична… Картинка… *(Вдруг хлопает себя по лбу.)* Болван! Повесить над кроватью репродукцию Шишкина! *(Радуется, как Архимед, разве что ванны не хватает.)* Лес, березки… Нет, лучше сосенки. «Утро в сосновом лесу». Медведи, солнце, неудержимая силища резвится на воле… Да, Шишкин. Воздействие — иррационально. Глубинная, щемящая душу любовь к Родине — в сочетании с любовью плотской… гениально. Всё, сценка заиграет. Как брильянтик — революционными искорками…

Убегает, бросив окурок на пол.

…На сцене гаснет свет. Казалось бы, спектакль окончен, но к рампе выходит человек в синей форме сотрудника прокуратуры. Пристально вглядывается в зрительный зал.

За сценой слышен топот и странные вопли: «А ну стоять!», «За что?!», «Лицом к стене!», «Я здесь случайно!». Лопается несколько далёких выстрелов.

— Граждане! Эксперимент признан преступным. Распространение, хранение и употребление подобной мерзости сурово карается нашим законом. Люди, которых вы только что видели, арестованы. Они понесут заслуженное наказание невзирая на лица, должности и звания. Группа физиков, сфальсифицировавших экстраполяты, изобличена полностью, провокаторы уже дают признательные показания. Товарищи Суслов, Андропов, другие товарищи раскаялись в своих ошибках и получили партийные взыскания.

Следует знаменитая мхатовская пауза. Молчание мучительно затягивается. Очень хочется, чтобы прокурор ушёл. Он не уходит… не уходит… не уходит…

— Граждане! Здание оцеплено. Прошу всех кураторов организовать выход представителей трудовых коллективов в фойе, где построиться группами согласно списков. Роспуск по домам — после санации памяти. Гипнологическая лаборатория развёрнута в буфете. Остальным ждать на местах, к вам подойдут.

ЗАНАВЕС

Знаменитая чайка на коричнево-полосатом бархате всё летит куда-то. Напротив неё, на расстоянии полёта стрелы, между верхним ярусом и потолком, — неприметное окошко, закамуфлированное шторками под цвет стен.

Ещё с минуту назад оттуда свисал кончик серого сюртучного галстука. Спохватившись, его втянули обратно в дыру.

Поистине вся жизнь — театр. В крайнем случае — кино или цирк.

Впрочем, шифрограммы, полученные нынче же в Вашингтоне, Лондоне, Брюсселе и Бонне, были восприняты со всей серьёзностью и с полным удовлетворением.

1984, 2009

ВЛАДИМИР ЦАРИЦЫН

Эвтаназия

Рассказ

Меня зовут Сережей, мне завтра исполнится четырнадцать. Но вообще-то мне десять. Вернее… как бы это объяснить?.. Мне было десять, когда это произошло. С тех пор я здесь и не хожу в школу. И с ребятами не общаюсь. И со взрослыми. Ни с кем. А потому я остался таким, как был тогда. По уму… нет, правильно сказать — по умственному развитию. Но завтра мне все-таки четырнадцать. Если по календарю, а не по развитию. Вообще-то я за календарем не слежу. Просто слышу, что говорят мама и иногда папа. Ну, и другие… — сиделка Маша (конечно, она — тетя Маша), мой лечащий врач Станислав Сергеевич. Да вроде и все… Ах, да! Еще бывает, когда куча врачей в мою палату заходят. Важные такие — все в белых халатах, в колпаках. У кого блокнот и ручка в руках, у кого-то диктофон. Ну, не все важные, некоторые молодые и смешные, но все в белых халатах и колпаках. Станислав Сергеевич им про меня рассказывает, они слушают внимательно, головами кивают, записывают. Потом вопросы задают, Станислав Сергеевич на них отвечает. Мне сначала интересно было, о чем они говорят, а потом надоело — об одном и том же талдычат… Потом все уходят, а Маша остается. И сидит — книжку читает или просто в кресле сидит, ничего не делает. Только иногда голову поднимает, но не на меня смотрит, а на всякие там огоньки и экранчики. У меня в изголовье кровати и по бокам от нее много всяких железных

ящиков стоит, с экранами. А за головой еще что-то квакает, попискивает и пшикает так: пшик — пшик-пшик — вро́де как насос работает. Я знаю, что это такое — все вместе. Это аппарат жизнеобеспечения.

Станислав Сергеевич в мою палату сейчас заходит редко, что ему тут делать? Я же этот… как там меня? — безнадежный. Он как-то сказал: овощ. Кому — не помню, кажется, папе.

Я не всегда лежу, иногда встаю. Ну, не то чтобы встаю… Как бы это объяснить?.. Я остаюсь лежать, но могу видеть себя. И не только себя. Могу выходить из палаты и гулять по коридорам клиники. И меня никто не видит, а я все вижу. Когда встаю, на себя не смотрю уже. Раньше смотрел, теперь нет. Неприятно. Знаю, что это я, а не узнаю. Глаза закрыты, белый весь какой-то, прям почти голубой, а веки точно голубые. Худющий! Весь в проводах, трубки какие-то — изо рта, из носа торчат. И подстрижен коротко. Я до того, как сюда попал, никогда так коротко не стригся. И мама была не против, что я косматый хожу, ей это даже нравилось. Бывало, ухватит меня за волосы (не больно, ну, может, самую малость), потрясет мою голову и говорит: «Ты мой косматулька!». Потом возьмет массажную щетку и давай меня расчесывать, лохматить. Дорасчесывает до того, что волосы дыбом стоят. И смеется мама, счастливо так. А я на себя в зеркало посмотрю — дикобраз и дикобраз. Вот когда волосы улягутся, электричество из них выйдет, я себе нравлюсь… нравился. Прическа, как у Стасика Пьехи, говорила мама. Он тогда популярным был. А теперь, интересно, он такой же популярный? И такая же у него прическа, как тогда была?

Теперь… Теперь я на Стасика не похож. Не нравлюсь я себе теперь. Да разве может эта мумия кому-то понравится?.. А ведь маме нравится. Она, когда приходит, все время меня целует и по голове гладит. И по рукам, по лицу. Говорит: «Ты у меня самый красивый, Сереженька». Странно… А может, это только я себя таким вижу, а мама меня видит таким, каким я был четыре года назад?..

Я ничего не чувствую — ни маминых поцелуев, ни ее прикосновений и поглаживаний. Ничего не чувствую. Но я знаю — как это. Я помню.

Губы у мамы мягкие, нежные. Когда целует, я потом долго это место чувствую… чувствовал.

В общем-то, иногда и сейчас мне кажется, что я чувствую мамины поцелуи. Но это не так, просто представляю. Я ведь овощ.

Но вспоминать и представлять могу.

Мама у меня хорошая, добрая. Я люблю ее. Она… родная.

А папа от мамы почему-то ушел. Ушел примерно через два года после того, как я сюда попал, к другой тете ушел жить. И у меня сейчас сестричка есть, но я ее никогда не видел, только слышал, как мама с папой разговаривали, когда случайно пришли в одно время. Они всегда в разное время приходят, но тут, наверное, кто-то из них перепутал, скорей всего папа.

Сначала они молча у моей кровати сидели. Потом папа спросил: «Ну, как ты живешь, Наташа?». Мама пожала плечами и ответила: «Нормально». Потом они опять долго молчали, папа уже уходить собрался, но вдруг мама спросила: «А ты как?». Ну, папа ей и стал рассказывать. Долго, подробно. Мама его не слушала, а я слушал. Тогда я и узнал о сестренке. Ее папа Наташкой назвал. Почему Наташкой? Так же мою маму зовут — Наталья Андреевна. Может, папа свою дочь в честь мамы назвал?.. Мама его не спросила об этом. Мне очень хотелось спросить, но я же не могу.

Наверное, свою сестренку Наташку я уже никогда не увижу, потому что… Потому что. Вчера узнал… кое-что.

Вчера снова мама и папа пришли в одно время. Их Станислав Сергеевич вызвал. Разговаривали они в кабинете Станислава Сергеевича. Вернее, так дело было.

Сначала мама пришла и долго сидела у моей кровати. Почему-то все время плакала. Целовала меня, гладила и говорила разные ласковые слова. А глаза у нее были… Мне хотелось приподняться с подушки, прижаться к маме, погладить ее по узкой спине (мама тоже стала очень худой, почти такой же, как я) и успокоить, сказать что-нибудь. Не знаю что, но очень хотелось. Потом папа пришел, но он даже в палату заходить не стал. Постоял в дверях, глянул на меня, но тут же опустил глаза, сказал маме: «Пошли, Станислав Сергеевич нас ждет в своем кабинете». Мама встала и ушла вместе с папой. Я тоже встал и пошел за ними. По дороге к кабинету я немного задержался. Встретился в коридоре с дядей Женей…

Ах, да! Я же говорил, что меня никто не видит во время моих прогулок по клинике и что я ни с кем не общаюсь. Это не совсем так. Дядя Женя видит. Мы с ним иногда встречаемся и разговариваем. Дядя Женя тоже овощ, как я. Он недавно здесь, с месяц. Лежит в такой же, как и я, палате, только я на втором этаже, а дядя Женя на третьем.

Всего в клинике три этажа, если не считать подвала, где морг (там покойники лежат) и чердака (там никто не лежит, только хлам всякий). В подвале я только раз был и больше туда по

своей воле ни за что не сунусь. О том, что я там увидел, позже расскажу...

А на чердаке здорово! Пыльно, правда, но я испачкаться не боюсь, я же без одежды там бываю, и даже без тела. И там, на чердаке, одна дверь есть... Вернее, как?.. Не дверь, в том смысле, что никто, кроме меня, ее не видит. Прямоугольник такой светящийся. Возле него сидеть приятно. И даже просто стоять. Оттуда свет льется, теплый такой. И летом и зимой теплый. Хочется туда, в этот прямоугольник, нырнуть. Нырнуть и полететь, как птица. Но что-то меня останавливает, вроде как кто-то не пускает. Но этот кто-то вовсе не злой, я его не боюсь. Он добрый, этот дядька. Он улыбается добро и пальчиком грозит. Говорит: «Знаю, что хочешь сюда, паренек, но пока нельзя тебе. Время твое еще не пришло. Вот придет оно, я тебя сам сюда позову».

Но это я так себе придумываю. Никто мне из этого прямоугольника пальчиком не грозит и никто мне оттуда не улыбается. Придумываю. Придумал — и верю в свою придумку. Конечно, не этот добрый придуманный дядя меня останавливает. Если по правде, я сам себя останавливаю. Потому что знаю — нырну я туда и больше никогда не вынырну. И маму не увижу. А с мамой я расставаться не хочу. Она каждый вечер ко мне приходит, а по выходным и днем. Не то что папа.

Я на чердаке часто бываю. Каждый день.

А вот в подвале...

Покойников я не боюсь. Лежат себе и лежат. Они меня не трогают. Дело не в покойниках, тем более что они все пустые, как пупсы пластмассовые. Дети, даже маленькие совсем, и те пупсов не боятся... Там в подвале, в самом конце коридора, тоже прямоугольник есть. Как и на чердаке. Только он совсем другой. Во-первых, он не в стене, а в полу находится. А во-вторых, он не светится, а... чернится. Оттуда чернота и холод идет. Но я его не сразу увидал. Я когда в подвал спустился, сначала в морг зашел. Ну, посмотрел — покойники на столах железных лежат, ну и что? Не интересно, что я — пупсов никогда не видел? Пошел дальше. Иду по коридору, по сторонам глазею. Все стены искарябаны надписями разными: кто когда здесь был и кто кого любит, кто хороший доктор, а кто козел и садист, — иду себе, читаю. До конца почти дошел и чуть в этот черный прямоугольник не свалился — зачитался, на самом краю остановился. Мне так страшно стало, когда я в эту черноту глянул! И так холодно! Как я дуну наверх! А мне словно кто-то хохочет вдогонку. Страшно и зло хохочет. Не помню, как на чердаке оказался. Встал у светящейся двери и

долго-долго так стоял, отогревался, успокаивался. Свет и тепло успокаивают, знаете ли...

Так вот, иду я, значит, вчера за папой и мамой к кабинету Станислава Сергеевича и встречаю дядю Женю. «Привет, — говорю, — дядь Жень!», смотрю, он грустный такой, он вообще-то всегда грустный, но вчера особенно грустным был. Я остановился. «Ты чего такой?», — спрашиваю. А он: «Все нормально, парень». Хотел бодрым голосом ответить, но получилось плохо — будто он мне врал и хотел, чтобы я не понял, что он врет. Но я-то понял! И так ему и сказал: «Ты, дядь Жень, не ври, ладно? Я же вижу, что у тебя что-то случилось». Дядя Женя на меня посмотрел совсем уж грустно и ответил: «Случилось. Месяц назад». «Нет, — говорю, — вчера. Я знаю, к тебе жена приходила. Что она тебе такое сказала?». Дядя Женя потрепал меня по стриженой голове и сказал: «Ничего интересного. Жизнь продолжается, Серега!». И пошел. У выхода на лестницу повернулся, подмигнул мне и повторил: «Жизнь продолжается!». А потом добавил кое-что. Наверное, не мне, а самому себе, очень тихо сказал. Но я услышал: «... без нас».

Я подумал немного над этими дядьжениными словами, но, вспомнив, что сейчас Станислав Сергеевич будет что-то интересное рассказывать маме и папе, поспешил в его кабинет.

Доктор сидел в кожаном черном кресле за своим столом, а мама и папа напротив него — на стульях.

«Вы знаете... — говорил Станислав Сергеевич, — вы, конечно, знаете, Наталья Андреевна и Людвиг Борисович, — (Людвиг Борисович — это мой папа), — что я являюсь сторонником эвтаназии...»

У меня, между прочим, хорошая память. Раньше, до того как сюда попал, похвастаться своей памятью я не мог. Часто забывал сделать что-то, что мама просила. Убрать с плиты в холодильник кастрюлю с супом, например, когда он остынет. Заиграюсь и забуду. А суп прокиснет. В школе все время что-нибудь забывал. Уроки, я имею в виду. А здесь... что-то случилось. Все запоминаю. Даже слова, которые никогда раньше не слышал. Вот и «эвтаназию» эту запомнил. Вообще весь разговор слово в слово запомнил.

«...это не секрет, — продолжал Станислав Сергеевич, — это известно всем по моим статьям в медицинских журналах, в местной и центральной прессе. И с вами мы уже не раз на эту тему разговаривали. Но сейчас я не о своих убеждениях. Дело в бюджетном финансировании, вернее, в значительном его сокращении.

Скажите… — Станислав Сергеевич посмотрел сначала на папу, потом на маму, — вы в состоянии оплачивать все медицинские услуги, представляемые вашему Сереже клиникой?»

Мама с папой переглянулись. Папа промолчал, а мама сказала:

«Я могу вместо сиделки здесь находиться».

Станислав Сергеевич хмыкнул:

«Заработная плата сиделки составляет очень незначительную часть затрат, уважаемая Наталья Андреевна».

«А каковы общие затраты?» — уныло спросил папа.

«Ежемесячно порядка десяти-двенадцати тысяч, — ответил Станислав Сергеевич, — долларов, разумеется».

Мама быстро взглянула на папу, но он опустил голову и сказал:

«У меня нет таких денег».

По-моему, мама ему не поверила…

Я сначала ничего не понимал. О каких деньгах они говорят? Что такое бюджетное финансирование?.. Да и что такое эвтаназия, я не знал. Но потом Станислав Сергеевич заговорил об аппарате жизнеобеспечения, который стоит в моей палате, о том, сколько стоит его обслуживание, о том, что таких аппаратов раз, два и обчелся в нашем городе и о том, сколько человек (перспективных больных, а не таких овощей, как я) в нем нуждаются. Станислав Сергеевич сказал еще, что многих людей не удалось спасти только лишь потому, что нет оборудования. А то, которое есть, работает вхолостую. Не спасает, а продлевает чье-то бессмысленное существование. Он имел в виду мое существование. А я-то думал, что живу. Оказывается — существую. Причем бессмысленно.

Я все понял. И дядьженины слова понял: «Жизнь продолжается… без нас…» Да, жизнь продолжается! У моего папы есть новая жена, есть дочка Наташка. Она ведь умеет бегать, говорить, смеяться. Наверное, папе нравится, когда Наташка бегает и смеется… А мама… у нее нет нового мужа и нет нового сына. Но она совсем измучилась. Каждый день работает, да еще ко мне ходит. Вон как похудела! Устала. Маме отдохнуть нужно. А я не даю ей отдохнуть — существую. Продолжаю бессмысленно существовать…

Мама и папа и Станислав Сергеевич еще долго о чем-то говорили, а мне стало не интересно слушать, я только подождал, когда они решат, когда это со мной должно произойти, и ушел из кабинета. Хотел сразу отправиться на чердак к светящемуся

прямоугольнику, но потом решил сначала зайти к дяде Жене. Попрощаться.

А дядя Женя был не один — у его кровати сидела его жена, я ее пару раз видел. Инной ее зовут. Она очень волновалась, мяла руки.

«Прости меня, Женя, — говорила Инна. — Но я не могу так больше. Я устала. Я очень, очень, очень устала…»

Дядя Женя, увидев меня, встал с кровати и, пройдя через Инну, пошел к двери, кивнув мне, чтобы я шел за ним.

«А она?» — я показал пальцем на Инну.

Дядя Женя пожал плечами:

«Мою душу она все равно не видит и не слышит, а тело… оно же осталось».

Мы с дядей Женей устроились в коридоре на широком подоконнике.

«Я попрощаться пришел», — начал я.

«В другую клинику переводят?»

«Не-а, от аппарата отключают».

«Вот как?.. Когда?»

«Завтра утром».

«И меня отключат. Наверное, тоже завтра».

«А тебя-то почему? Я-то здесь уже четыре года… бессмысленно существую. А ты всего месяц».

«Моя… Инна, она об этом Станислава Сергеевича попросила».

«Сама попросила?!» — удивился я.

«Сама».

Мы еще немного посидели молча. Я спросил:

«Дядь Жень, а когда нас с тобой от аппаратов жизнеобеспечения отключат, мы куда денемся?»

«Может, туда… — дядя Женя посмотрел на потолок. — Ты-то точно туда, а вот я… не знаю. Скорей всего, туда», — он ткнул пальцем в пол.

Я понял, что дядя Женя тоже побывал и на чердаке и в подвале. Хотел его об этом спросить, но подумал: «Зачем спрашивать? И так все понятно», и спросил другое. Собственно, и про это спрашивать не надо было, ведь я уже сам догадался. Но все же спросил:

«Дядь Жень, а эвтаназия — это что?»

«А это то, парень, что с нами собираются сделать».

«Прервать наше бессмысленное существование?»

Дядя Женя кивнул.

По коридору мимо нас в сторону лестницы проследовали мама и папа, наверное, в мою палату. Я посмотрел дяде Жене в глаза и сказал:

«Прощай, дядь Жень! Может, утром не увидимся…»

«Прощай Сережка!» — Дядя Женя протянул мне руку и пожал мою. Как взрослому.

Я спрыгнул с подоконника и пошел вслед за родителями.

Папа недолго побыл с нами, ушел. Сказал, что завтра придет. А мама осталась. Она всю ночь сидела рядом со мной, не спала, плакала. Целовала меня и гладила. А я не плакал. Я лежал и представлял, что чувствую прикосновения маминых рук и губ. Я тоже не спал. Я вообще могу не спать, а засыпаю только для того, чтобы скорее наступило завтра и пришла мама. А сегодня мама не уходила, и завтра наступило незаметно, оно пришло из вчера и стало сегодня.

Мы о многом поговорили с мамой ночью. Вернее, говорила она — вспоминала и говорила. И все время спрашивала: «Помнишь, Сереженька?..» И я вспоминал.

Я вспоминал каждый свой день с мамой. Конечно, не с самого своего рождения, об этом никто помнить не может. Но многое… Оказалось, что лет с пяти я помню почти все. Мы с мамой вспоминали все мои дни рождения. Кто в тот или иной день приходил меня поздравлять, какие дарили подарки, что вкусного приготовила мама. Я помнил мамин торт. Каждый год на нем было на одну свечку больше. И я задувал их одним махом. Четыре свечки не помню, а вот пять помню. Потом шесть, семь, восемь, девять…

А в тот день, когда на торте оказалось десять свечек, мне мама с папой подарили велосипед. Настоящий — спортивный.

Лучше бы они мне его не дарили!..

А рано утром мама посмотрела на часы, улыбнулась и подмигнула мне. Потом вышла из палаты, но через короткое время вернулась, неся в руках большой торт. В торт были воткнуты свечки, они горели.

«Я родила тебя в восемь часов и десять минут утра, — она опять посмотрела на часы. — Так что сейчас, именно в эту минуту тебе исполнилось четырнадцать лет. Вот, Сереженька, посчитай — здесь четырнадцать свечек. По одной свечке за каждый твой годик».

Я сосчитал — свечек было четырнадцать. Я попробовал их задуть, но огоньки даже не дрогнули. И тогда мама помогла мне.

А потом пришел папа вместе со Станиславом Сергеевичем.

Мне совершенно не хотелось смотреть, как умирает мое тело. Я еще раз посмотрел на маму, прощаясь навсегда. Мама была очень бледная, но больше не плакала. Она что-то щупала, нащупывала в кармане своего жакета. Что, интересно, у нее там лежало?..

Я вышел из палаты.

Дядя Женя стоял в коридоре, смотрел на меня и молчал. Наверное, не знал, что надо в таких случаях говорить.

Я бросился на чердак. А вдруг я больше никогда не увижу этого теплого света?..

— Эй! — крикнул я, остановившись у светящегося прямоугольника. — Я здесь! Где же ты, мой придуманный добрый дядя?!..

Я стоял, я ждал, а он все не приходил. Все правильно, ведь я его придумал! А может, он все-таки существует, просто задержался?..

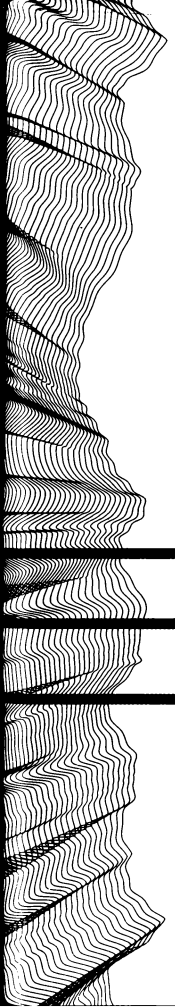
— Сереженька! — вдруг услышал я и обернулся — ко мне шла мама. — Какой ты быстрый, сынок! Еле догнала тебя.

Я бросился к маме и прижался к ней.

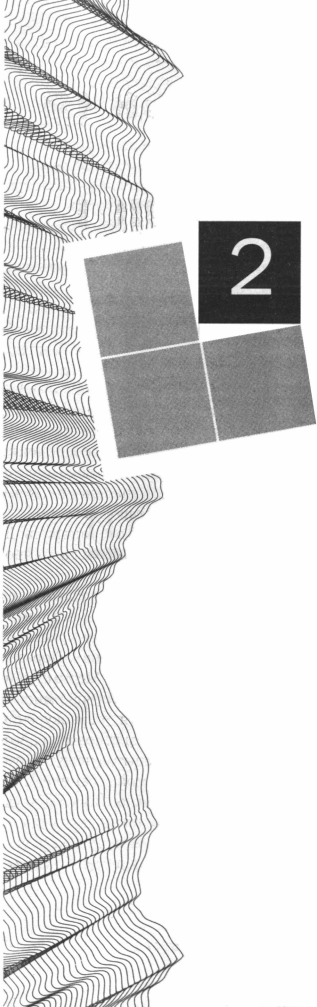
— Мы не расстанемся? — спросил я, заглянув маме в глаза.

— Теперь мы всегда будем вместе, — улыбнулась она и мы, не сговариваясь, посмотрели на светящийся прямоугольник.

И я понял — нас с мамой там ждут.



Личности
Идеи
Мысли


2

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

Недоразумения длиною в двадцать лет

Заметки нерадивого читателя

Прошло уже два года с тех пор, как в томе некоей пиратски изданной энциклопедии я обнаружил краткое описание вымышленной страны…

Хорхе Луис Борхес

Книжная мистика Борхеса, нет слов, пугающе правдоподобна. Беглые абзацы, абзацы-призраки, остолбенение над страницей, с которой таинственным образом исчезла, испарилась целая фраза, и не знаешь уже, чему верить: памяти или глазам, — как это всё хорошо знакомо!

Боязнь перечитывания, на мой взгляд, в основном свойственна людям, дорожащим своей правотой. А правота — продукт хрупкий — живёт до первой проверки.

В юности я, помню, был ошеломлён признанием профессора Виттенбаха из рассказа Мериме «Локис»: «…больше часа ломал себе голову над таинственным законом, по которому приставка сообщает <…> глаголам значение будущего времени». Поразил уровень достоверности: получалось, что француз Мериме действительно знал славянские языки не хуже, а то и лучше многих славян. Естественно, вышеупомянутую фразу я, первокурсник филфака, цитировал к месту и не к месту. Потом заподозрил, что цитирую неточно, полез в шеститомник — и испытал нешуточную оторопь: нету. Ну вот здесь же была, на этой самой странице!

В панике принялся листать. Безрезультатно. Полез в двухтомник. То же самое. Иначе и быть не могло, поскольку в обеих книгах перевод М. Кузмина. Пришлось сесть и перечитать рассказ насквозь. Искомая фраза обнаружилась в другом разделе. Как она туда переползла, понятия не имею.

* * *

Но это всё, так сказать, чудеса общечеловеческие. А вот чудо, приключившееся на чисто национальной почве, чуть не свело меня с ума. Полагаю, живи Борхес в нашей стране, ему бы ничего не пришлось придумывать.

Школьником я был влюблён в раннего Маяковского. Поэму «Про это» знал назубок. Особенно мне нравилась глава «Баллада Редингской тюрьмы». Декламировал взахлёб. Ну и наконец спохватился: откуда название? Что за тюрьма такая? Заглянул в сноски, узнал о существовании Оскара Уайльда и отправился в библиотеку. Взял белый (да, по-моему, белый) томик и просидел в читалке до закрытия. Вышел пришибленный.

Бредёт, шатаясь, через двор
Дурацкий маскарад,
Тяжёлых ног и бритых лбов
Изысканный парад, —
Нам всем дана судьба одна,
Нам всем дорога в ад.

Маяковскому пришлось потесниться. Теперь я декламировал Уайльда. Всё-таки память у меня тогда была удивительная. Жадная. Детская. Заучить такую громаду за один день! Уметь надо.

Время, однако, шло, отдельные строфы выветривались, и годам этак к двадцати пяти я решил, что пора бы освежить впечатление.

Вот тут-то и началось диво-дивное. В библиотеках мне предлагали переводы Бальмонта, Брюсова, ещё кого-то — и все они (переводы) оказывались незнакомыми и унылыми. Где же те страшные кованые строки, которые я твердил шестнадцать лет назад, выбравшись из читалки в синеватые ашхабадские сумерки?

— Белый такой двухтомник… — клянчил я.

Нету.

Да что ж он, померещился мне, что ли?

— Вы скажите, чей вам перевод нужен, — умоляли меня библиотекарши.

Нешто я знал! Только и дел было четырнадцатилетнему пацану смотреть, чей перевод он читает! Уайльд — он и в Туркмении Уайльд.

— Н-ну… вот этот:

Мы чистили сухим песком
Холодный блеск перил,
Мели полы, скребли столы
И драили настил,
Таскали камни через двор
И падали без сил.

Библиотекарши разводили руками.

И вдруг — удача. Нашёлся томик. Правда не тот. Второй. Где пьесы.

— А первый? С «Балладой»!

— Знаете, нету... Видимо, зачитали...

Да что ж за невезуха такая?

Извинился. Вышел. Побрёл, бормоча:

Нет, не смотрел никто из нас
С такой тоской в глазах
На лоскуток голубизны
В тюремных небесах,
Где проплывают облака
На светлых парусах.

Всё это уже слегка напоминало паранойю. Я тряс друзей, я зачитывал им отдельные строфы — вдруг кто вспомнит?

— Нет такого перевода, — говорили мне. — Ты его сам придумал.

И возникало желание их пришибить.

Дошло до того, что однажды мы с женой оказались свидетелями следующей сценки: наш малолетний сын (заядлый рыболов), поплёвывая на червяка, деловито приговаривал:

— В постели женщину любил,
Которую убил...

Такая вот некрофилия. Видать, подслушал шумное возмущение папы очередным дубовым переводом. Не помню, чьим. Но, даже если вернуть слова в исходное положение, лучше он, поверьте, не станет.

Потом, к своему удивлению, я с грехом пополам выучился читать по-английски и кинулся поглощать в оригинале всё, чем упивался когда-то на русском. Дошёл черёд и до «Баллады». Раздобыл лондонское издание, переписал от руки, кое-что затвердил наизусть. Тут же выяснилось, что тот безымянный перевод не только самый выразительный, но и самый

точный. Хотя, конечно, даже он не всё был способен передать.

With sails of silver by… — такое ощущение, что гласные исчезли, остался шелест согласных. Шелест облаков.

А этот каторжный расхлябанный шаг враскачку:

With slouch and swing around the ring

We trod the Fools' Parade!

А году этак в восемьдесят шестом (или восьмом) прибыл я на очередной Всесоюзный семинар молодых фантастов в зарубежные ныне Дубулты. Просторная столовая. С ненавистью приготовленные котлеты. Напротив меня деликатно принимает пищу приятная дама с безупречными манерами.

— Скажите, пожалуйста, — внезапно обращается она ко мне. — А что это так шумно стало в нашем обеденном зале?

— Фантасты приехали, — с некоторой неловкостью объясняю я.

— Как интересно! — оживляется она. — В последнее время я только и слышу: фантастика, фантастика… Не могли бы вы рассказать, что такое фантастика.

Кто бы мне самому это растолковал!

— Н-ну… — мнусь я. — Вот, например, обсуждали мы сегодня рассказ Миши Веллера «Узкоколейка»…

Вкратце передаю содержание. Дама внимательно слушает, кивает.

— Вот как? Стало быть, вы там и серьёзными вещами занимаетесь?

Мне становится несколько обидно за своё ремесло. Осведомляюсь о роде занятий моей собеседницы.

— Я — переводчик.

— Стихи?

— Нет, проза.

Преисполняюсь гордыни.

— Предпочитаю читать в оригинале… — цежу с вялой надменностью (наглец!). Впрочем, как выясняется, совесть мною утрачена всё же не до конца. — Хотя, знаете… — опомнившись, смущённо признаюсь я. — Как раз перед отъездом с наслаждением перечитал «Слова» Сартра. На русском.

— Что ж, это приятно, — с грустью отзывается она. — Тем более приятно, что «Слова» Сартра переводила я.

Обмяк. Обомлел.

— Вы?..

— Юлиана Яковлевна Яхнина.

Вот он, шанс.

— Юлиана Яковлевна! Может, хоть вы подскажете? Чей это перевод?

Зачитываю, что помню.

— Вообще-то это не моя специальность, но… Здесь присутствуют мои коллеги. Могу спросить.

Встречаемся за ужином.

— Узнала, — просто говорит Юлиана Яковлевна. — Это Нинель Воронель.

— Кто это? — тупо спрашиваю я.

— Она уехала. За рубеж. И книга была изъята из библиотек…

Куманёк Борхес! То, что у вас в Аргентине мистика, в наших широтах — быт.

* * *

Как странно! Таинственные истории всегда приключаются только с поразившими тебя книгами. Хотя, возможно, они просто лучше запоминаются.

Отец вечно привозил с гастролей какую-нибудь библиографическую редкость. Как-то раз спас от кремации «Чтец-декламатор» 1910-го года издания. Увы, не целиком. Первыми тридцатью страничками старушка домохозяйка печку свою растопить-таки успела.

И вот появилась однажды у нас в доме ветхая тоненькая книжица в твёрдом нитяном переплёте коричневатого оттенка. Георг Борн. «Единственный и гестапо». Перевод с немецкого. «Советский писатель», Москва, 1937.

Про гестапо я, признаться, читать не любил. Фашизм, конечно, явление мерзкое, но, как говаривал Николай Павлович Акимов, «чтобы заклеймить негодяя, надо ещё выяснить, есть ли на нём место, свободное от клейма».

Однако слово «единственный» в сочетании с «гестапо», мягко говоря, озадачивало. Не устоял. Открыл. Прочёл залпом. Даже не знаю, на кого эта книга произвела большее впечатление — на отца или на меня. Когда, уйдя на пенсию, он взялся за литературный труд, за левым его плечом, на мой взгляд, явно маячил неведомый Георг Борн. За правым, понятно, Куприн.

Почему неведомый? Об этом чуть позже.

Положительный герой, наверное, самая неудачная выдумка господ писателей. Начнём с того, что он требует неестественных обстоятельств, поскольку в естественных ему просто не вы-

жить. Оберегая светлую личность от ежеминутной гибели, авторам приходится прибегать к таким подтасовкам, какие подчас и карточным шулерам не снились. Собственно говоря, любое произведение, где задействован ходячий пример для подражания, по сути своей является фантастическим. Если уж Христос сказал: «Что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог», — о каком вообще положительном (благо́м) герое может идти речь? Не зря говаривал апостол Павел: «Нет праведного ни одного».

Неисчислим вред, нанесённый литературе идеальными персонажами. Классики поумней прекрасно обходились без них. Представьте на секунду пьесу Островского «Лес», где бы обличительные тирады произносил не спившийся провинциальный трагик, а некто непорочный и безупречный! Гоголь — тот и вовсе предпочитал пластать действительность с помощью Хлестаковых да Чичиковых.

Но Георг Борн... Это ж надо было додуматься противопоставить гестаповской машине не героя-подпольщика, не отважного советского разведчика, а такого мерзавца, что поискать — не найдёшь. Эгоист, циник, прощелыга, предатель! И ему, представьте, сочувствуешь. На фоне гестапо даже он кажется отрадным явлением.

Собственно, привлекательность плутовского романа в том и состоит, что жулик неизбежно симпатичнее государства, своего исконного противника. Мало того, любой душегуб (Стенька Разин, Робин Гуд) просто обречён на любовь народную, стоит ему противостать системе.

Однако мне всегда казалось, что для тридцать седьмого года такая манера изложения не совсем типична. Другая странность: блестящий перевод, а чей — не сказано. Хлёсткие афористичные фразы, зримость и краткость характеристик. То и дело возникало впечатление, что повесть изначально написана по-русски. А ещё был неуловимый момент, когда забавное повествование внезапно становилось жутким. Тоже, знаете ли, не каждому дано.

Естественно, мне захотелось познакомиться и с другими книгами этого автора. И вновь началась чертовщина длиною в двадцать лет. К моему изумлению, никакого Георга Борна в довоенной немецкой литературе не нашлось. Как, впрочем, и в послевоенной. Забытый писатель-антифашист? Позвольте усомниться.

И кого я только не спрашивал! Литературоведов, преподавателей зарубежки... Бесполезно. Пытались мне, правда, всучить

некоего Георга Борна 1837 года рождения, но предположить, будто этот сочинитель бесчисленных авантюрных романов дожил до времён Третьего рейха, было бы, согласитесь, слишком смело.

Откуда ж мне было знать, что, как всегда, не того я ищу и не там!

А теперь: внимание. Дальше — мистика.

Сидим это мы в прошлом году в баре с Сергеем Синякиным (любителям фантастики его представлять не надо), и вдруг ни с того ни с сего он говорит мне:

— А знаешь ты такого писателя — Георг Борн?

— Как?! — кричу я. — Ты его тоже читал?

— Нет, — отвечает друг, земляк и коллега. — Но я о нём пишу.

— «Единственный и гестапо»? — уточняю я на всякий случай, вспомнив того придворного доисторического романиста (кстати, судя по интернетным рейтингам, он опять входит в моду).

— Да, — подтверждает Сергей. — «Единственный и гестапо». А у тебя она есть?

— Есть.

— Дай почитать!!!

Выяснилось, данные он раскопал в книге о репрессиях тридцать седьмого. Не было никакого Георга Борна! Был Давид Григорьевич Штерн, советский дипломат, писавший под псевдонимом Георг Борн. На каком языке? А чёрт его знает! При ближайшем рассмотрении оказалось, что фамилия переводчика в книжке значилась, но затем была тщательнейшим образом заскоблена. Либо Давид Григорьевич сразу писал на русском, либо переводил сам себя. Во всяком случае, мне хочется так думать.

Биография Штерна отрывочна и стремительна: родился в 1900-м (Германия), в 1922-м вступает в Компартию Чехословакии (Прага), с 1927-го — член ЦК (Германия). Служит в советской торговой миссии (Берлин), затем — в полпредстве. Бежит от Гитлера в СССР, занимается дипломатической работой, успевает издать несколько книг. Осенью 1937-го — репрессирован. Обвинение — вы не поверите! — сотрудничество с гестапо.

Должно быть, тогдашние наши контрразведчики мало чем отличались от нынешних литературных критиков, искренне полагающих, будто от первого лица пишутся только автобиографии и так называемая исповедальная проза.

В этом свете особенно жутковато начинает смотреться текст на предпоследней страничке. Вот он: «ЧИТАТЕЛЬ! Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст. Просьба к библиотечным работникам организовать учёт спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней».

Скольких же ты увёл с собой, Давид Григорьевич...

* * *

Третья таинственная история скорее напоминает анекдот. Но это и понятно, поскольку началась она, когда мне только-только исполнилось двенадцать лет. Пришёл я в детскую библиотеку, увидел новенький сиреневый томик «Фантастика-62». В оглавлении обнаружились братья Стругацкие. И не просто Стругацкие, а новая их повесть «Попытка к бегству». Дальнейшие мои действия были стремительны, искренни и прямодушны: я огляделся, заткнул книжку за ремень, укрыл рубашкой и, старательно втягивая живот, покинул здание.

Счастливые незабвенные времена, когда сначала совершаешь поступок, а потом и думать незачем. Сохрани я это качество, был бы сейчас олигархом.

Говорят, ворованное слаще. Но не до такой же степени! Первые страницы повести показались чуть ли не приторными. Привыкнув к благородному суровому героизму «Стажёров» и «Возвращения», я озадаченно вникал в идиллический дачный мирок, где на неведомые планеты летают с прибауточками и по туристической путёвке, за которой, правда, приходится выстоять долгую очередь.

Что это был всего-навсего литературный приём, размах перед ударом, мне, понятно, и в головёнку не приходило. Поэтому, когда удар всё-таки последовал, показалось, будто мир раскололся. Нет, не ожидал я такого от моих любимых писателей! На пальцах объяснить двенадцатилетнему пацану, что благие дела не вознаграждаются, что совершённое тобой добро немедленно потребует новых жертв и не успокоится, пока ты не отдашь ему всё, включая жизнь... Жестоко.

Чуть ли не со взвизгом я отбрасывал книжку, не желая знать, что будет дальше. Но — никуда не денешься — открывал снова и, угрюмо сопя, продолжал читать. А прочтя, принялся перечитывать. Затрепал, замусолил.

Потом её у меня какая-то сволочь украла.

Собственно, речь-то в данном случае даже и не о том, а о крохотном типографском брачке, послужившем причиной очередного долгосрочного недоразумения. Не пропечаталась левая ножка буквы «н». Читаю:

«— Это на тот случай, если у капитана вдруг случится отложение солей или колено горчичной…»

Стоп! Отложение солей — понятно, отложение солей было у бабы Лёли. А вот колено горчичной…

Нет, вру. Не мог я в двенадцать лет надолго забуксовать над незнакомым словосочетанием. В таком возрасте не буксуют. Скорее всего, запнулся на полсекунды — и марш-марш вперёд.

Попрошу людоенов и прочих знатоков творчества Стругацких сдержать глумливое своё хихиканье. Оно здесь неуместно. Ошибка, засевшая в детской памяти, исправляется с большим трудом. Если вообще исправляется.

Однажды услышал я от моей жены изумительную историю: в одной из сельских школ Волгоградской области на партах (точнее — с изнанки каждой откидной крышки) было крупно и разборчиво начертано: «ПОРТФЕЛЬ». Естественно, Надя поинтересовалась, что сие означает. Ей объяснили. Оказывается, хуторянин, впервые занёсший в те края мудрёное городское словцо, запомнил его неправильно. И вся округа с тех пор говорила «фортпель» и только «фортпель». А на уроках за это дело карали. Вот и пришлось снабдить шпаргалкой каждую парту.

Шутки шутками, но ведь именно так формируются диалекты, а впоследствии, представьте, и языки.

Вернёмся, однако, к «Попытке».

Уже и книжку у меня увели, и годы минули, а недоумение так и не рассеялось. Отложение солей — колено горчичной. Соль и горчица — явления с одной полки. Вдобавок отложение солей случается, как правило, именно в колене. Может быть, структуральнейший лингвист Вадим просто неудачно пошутил? Вот и прочие персонажи повести отзывались о нём в том смысле, что неудачно, мол, шутит.

Тогда это самая его неудачная шутка.

А впрочем… Мало ли недоразумений в мировой литературе? Помню, одна сокурсница приставала не раз: объясни ей да объясни, почему в одном переводе Джерома единственной болезнью, которой он у себя не обнаружил, была родильная горячка, а в другом — вывих коленной чашечки. Как всё-таки правильно?

Откуда я знаю, как правильно! Значит, такие у нас переводчики. Что хотят, то и воротят.

Годам к тридцати я, как было уже сказано выше, научился ненароком складывать английские буковки в слова, а слова в предложения. Читал всё, до чего мог дотянуться. Дотянулся однажды до Джерома. Ну, думаю, уж теперь-то выясню, какой он такой болезни у себя не нашёл. Ага! Вот оно. Housemaid's knee. Лезу в словарь. Ну понятно. Типично женская болезнь. В Англии горничные скоблили полы, стоя на коленях, отчего и зарабатывали сдвиг коленной чашечки. Колено горничной.

Минутку, минутку…

Колено горничной?!

Дома тогда, помню, никого не было, поэтому матерился я долго, изумлённо и самозабвенно.

* * *

Из всего вышесказанного неотвратимо следует, что автор этих строк — читатель ленивый и нерадивый, иначе бы не пришлось ему ломать то и дело голову над таинственной чертовщиной, возникающей сплошь и рядом на пустом месте. А с другой стороны, насколько бы скучнее стало жить!

Скажете, что всё вышеизложенное — дела давно минувших дней, а сегодня-де стоит выйти в интернет — и любое недоумение развеется минут за несколько? Так вот, ничего подобного!

* * *

Как сказано в энциклопедическом однотомнике: «Диоген Лаэртский (1-я пол. 3 в.) — автор единственной сохранившейся биографической истории древнегреческой философии».

Первый раз (лет десять-пятнадцать назад) я прочёл его из любопытства и ради удовольствия. По второму разу одолевал уже всерьёз, подробно конспектируя и попутно развлекаясь пометками иронического характера. К примеру, такими:

«Трудно отыскать греческого философа, который бы не заявил первым о шарообразности Земли».

Или, скажем, так:

«По Диогену Лаэртскому, кто только не сочинял трагедий за Еврипида!»

И так далее.

Третий раз взялся за него от большой тоски. Повесть, над которой я тогда корпел, остановилась, и осознание собственной

бездарности обострилось настолько, что выручить могла только хорошая книга. Ею оказался всё тот же труд Диогена.

Однако наиболее лакомые отрывки я к тому времени знал почти наизусть — поэтому пришлось сосредоточиться на том, что в первом и во втором прочтении показалось откровенно скучноватым. К примеру, биография Платона.

Не знаю, где были раньше мои глаза, но уже первый её абзац сильно озадачил:

«Платон, афинянин, сын Аристона и Периктионы (или Потоны), которая вела свой род от Солона. А именно у Солона был брат Дропид, у того — сын Критий, у того — Каллесхр, у того — Критий (из Тридцати тиранов) и Главкон, у Главкона — Хармид и Периктиона, а у неё и Аристона — Платон — в шестом поколении от Солона. А Солон возводил свой род к Нелею и Посидону».

Поначалу почудилось, будто Диоген Лаэртий пародирует первый стих Евангелия от Матфея, что, конечно же, маловероятно. Скорее всего, он знал о существовании христианства, но явно был к нему равнодушен, поскольку не упомянул в своих сочинениях ни разу.

Сходство, однако, налицо:

«Родословие Иисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его…»

(Весь список позволю себе опустить в связи с его общеизвестностью.)

«Итак всех родов от Авраама до Давида четырнадцать родов; и от Давида до переселения в Вавилон четырнадцать родов; и от переселения в Вавилон до Христа четырнадцать родов».

То, что биография предваряется генеалогией, вполне естественно. Но меня смутило другое — схожесть построения текста. Принципиальных отличий немного: у Диогена насчитывается шесть поколений вместо четырнадцати (причём, не по мужской линии, а по женской) и пропущен список предков Солона — указаны лишь родоначальники.

Хотя, с другой стороны, все генеалогии создавались по одному покрою. Достаточно вспомнить родословие Гостомысла, чей род, согласно летописцу, восходил к загадочному родственнику Августа Прусу.

Успокоив себя подобным рассуждением, я приступил ко второму абзацу — и недоумение сменилось лёгкой оторопью:

«…пишут, что по Афинам ходил такой рассказ: когда Потона была в цвете юности, Аристон пытался овладеть ею, но безуспешно; и, прекратив свои попытки, он увидел образ Аполлона, после чего сохранял жену в чистоте, пока та не разрешилась младенцем».

Мало того, что Платон зачат непорочно, тут ещё и Благовещение в чистом виде! Как там у Матфея?

«Се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святаго».

А впереди меня уже подстерегал третий абзац:

«Родился Платон… на Эгине (в доме Фидиада, сына Фалеса, как пишет Фаворин в «Разнообразном повествовании»), куда отец его был послан вместе с другими поселенцами, но вернулся в Афины, когда их выгнали спартанцы, явившись на помощь Эгине».

Сравним, что пишет евангелист Лука:

«Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова, записаться с Мариею, обручённою ему женою, которая была беременна».

Там у них рождается Иисус.

«И когда они совершили всё по закону Господню, возвратились в Галилею, в город свой Назарет».

Если вспомнить зачистку Вифлеема царём Иродом, упомянутую в первом Евангелии, то оба сюжета обретают полное сходство: муж и жена перебираются в иной населённый пункт, где рождают первенца (непорочно), после чего вынужденно возвращаются на родину.

Я даже был слегка разочарован, не встретив в следующем (четвёртом) абзаце ничего похожего на евангельские тексты. Зато кое-что нашлось в пятом:

«Рассказывают, что Сократу однажды приснился сон, будто он держал на коленях лебедёнка, а тот вдруг покрылся перьями и взлетел с дивным криком: а на следующий день он встретил Платона и сказал, что это и есть его лебедь».

От Матфея:

«И, крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел *Иоанн* Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него».

Коротко говоря, образ птицы помогает предшественнику узнать своего великого преемника. В другой раз я бы и сам счёл

такое толкование натяжкой, когда бы не всё предыдущее и не всё последующее.

Платона за его проповедь против тиранической власти продают в рабство и увозят на Эгину. Диоген пишет:

«А другие передают, что его доставили под стражей в народное собрание, но он не произнёс ни слова, готовый принять всё, что его ждёт».

Ничего не напоминает?

«И когда обвиняли Его первосвященники и старейшины, Он ничего не отвечал» (Матфей).

Далее в обеих историях возникают тридцать монет, за которые Иисус был продан, а Платон выкуплен.

«Выкупил его за двадцать мин (по иным сведениям, за тридцать) случайно оказавшийся там Анникерид Киренский».

Обратите внимание, обе суммы впоследствии потрачены были на приобретение небольшого участка земли.

«Говорят, будто деньги выслал Дион; но Анникерид не взял их себе, а купил на них Платону садик в Академии». (Диоген)

«Сделав же совещание, купили на них землю горшечника, для погребения странников; посему и называется земля та «землёю крови» до сего дня». (Матфей)

Жизнь и смерть Сократа довольно часто сопоставляли с жизнью и смертью Иисуса, чем неизменно вызывали искреннее негодование представителей всех конфессий, однако не могу припомнить, чтобы кто-нибудь проделал то же самое с Платоном.

Повторяю, каждое из приведённых выше совпадений я бы и сам, не колеблясь, назвал случайным, но признать случайностью все совпадения сразу… Обывательский вопрос, кто у кого, грубо говоря, передрал, задавать не стоит. Ясно, что никто и ни у кого. Иначе скатимся на уровень ток-шоу:

— А Платон жил раньше Иисуса!

— А Матфей жил раньше Диогена!

— А Евангелия стали каноническими только при царе Константине…

Первая более или менее здравая мысль, конечно, — кочующие сюжеты. Почему бы, действительно, один и тот же набор общих мест не мог быть использован как эллином, так и иудеем?

Беда, однако, в том, что у Диогена он использован только раз, а именно — в биографии Аристокла, прозванного Платоном. Причём, как вы уже, наверное, обратили внимание, исполь-

зован с невероятной плотностью, на двух книжных страницах, разделённых вставкой, посвящённой ученичеству философа (об ученичестве Иисуса евангелисты практически не упоминают, так что тут сопоставлять, увы, нечего).

Что предположить? Возможно, создатели Евангелий от Матфея и от Луки, равно как и Диоген Лаэртский, пользовались одним и тем же источником, причём греческие его корни — очевидны. Хотя традиционно считается, что Евангелие от Матфея первоначально было написано по-еврейски и лишь потом переведено на греческий, оригинал до сих пор не обнаружен, да и вряд ли будет найден.

Другое дело, что рассуждать всерьёз на подобные темы я просто не имел права, поскольку моё знание (точнее — незнание) греческого не позволяет мне сличить оригиналы. Пришлось обратиться к специалистам (один сейчас защищает докторскую диссертацию, другой — кандидатскую). Для начала мне просто не поверили. Сняли с полки Диогена Лаэртского и стали водить пальцем по приведённым выше строчкам.

Высказывания знатоков прозвучали крайне осторожно. Да, имеет место схожее обрамление биографий. Но это я и сам заметил.

Хотите знать, чем кончилась история? А она ещё не кончилась. Мне предложили выписать цитаты и сгруппировать их в два столбика для передачи людям, профессионально изучающим греческие тексты. Что я и сделал. Теперь вот (второй уже год) жду результатов.

* * *

Нет, я не настолько наивен, чтобы вообразить, будто за полторы тысячи лет никто не обратил внимания на столь очевидные совпадения. Знаю, будет день, когда специалисты объяснят мне на пальцах, что я в очередной раз открыл Америку, порох и велосипед в придачу.

Но, знаете, лучше изобретать велосипеды, чем красть их. Во всяком случае, гораздо увлекательнее.

КОНСТАНТИН ФРУМКИН

Милая сердцу экзотика

Историй фантастики (в частности, историй русской и советской фантастики) написано уже очень много, сведения о биографиях и творчестве отдельных писателей-фантастов уже сведены в обширные базы данных и энциклопедии, однако исследований поэтики фантастики, тех художественных приемов, с помощью которых фантасты пытаются производить впечатление на читателей, до настоящего времени фактически не осуществлялось.

В этой статье хотелось бы обсудить лишь один аспект этой необъятной и многогранной темы. Речь пойдет о том, как создание фантастической обстановки, фантастической среды в некоторых произведениях превращается в художественный прием строго определенной направленности.

Бывают романы, в которых невероятные события происходят посреди самых обыкновенных городов, — так, скажем, написаны «Война миров» Уэллса, «Вся плоть — трава» Саймака и «Осенние визиты» Лукьяненко.

Бывает, что обстановка, в которой действуют герои романа, вполне фантастична, однако автор не собирается заострять внимание на этой фантастичности, роботы и бластеры составляют лишь приправу к «основному блюду». В этом случае фантастический мир — скажем, мир будущего — часто намечается схематично и стереотипно, с отсылками к аналогичным «мирам будущего» в других романах, а основное действие оказывается

действительно фантастическим — то есть еще более фантастическим, чем фантастическая обстановка, в которой оно протекает. Таковы, скажем, «Фонтаны рая» Артура Кларка или «Жук в муравейнике» братьев Стругацких.

Наконец, в немалом числе романов выписывание фантастической обстановки становится одной из важнейших преследуемых авторами художественных задач. Таковы, например, «Город и звезды» Кларка или «Возвращение со звезд» Станислава Лема.

Разумеется, точной границы между произведениями разных типов нет, обстановка в фантастических романах почти всегда более или менее необычна, и читатель всегда обращает на нее внимание — большее или меньшее, однако если обстановка начинает «играть» наряду с героями, это явно бросается в глаза.

Существуют различные способы, как сделать фантастическую обстановку эффектной, как еще до начала действия произвести на читателя впечатление с помощью ландшафтов и интерьеров.

Поразмышлять об этих приемах хотелось бы на примере двух незаурядных произведений российской фантастики последнего десятилетия — «Посмотри в глаза чудовищ» Андрея Лазарчука и Михаила Успенского и «Варана» Марины и Сергея Дяченко.

Вот «Варан» — его обстановка характерна для фэнтези, это империя, находящаяся неведомо где. Здесь все полусказочное, и «замыленный» глаз читателя все время спотыкается, поскольку в этом мире множество мелких деталей, включая детали быта, подменены на что-то неожиданное, удивительное или, в крайнем случае, экзотическое.

В этом мире карты рисуют не на бумаге, а царапают на огромных раковинах.

Аристократы в нем ездят не на конях, а на огромных птицах, иногда запрягая их в крылатые повозки.

Воду с берега на гору доставляют не по трубам и не ведрами на веревке, а на специальном летающем аппарате с вертолетным винтом на заводной пружине.

Почтальоны плавают по морю на педальных водных велосипедах.

Пол в домах покрывают слоем соли, чтобы она впитывала влагу.

Туристов развлекают тем, что катают по затопленным лабиринтам на чешуйчатых драконах.

Вместо собак в этом мире к людям прибились жуткие шестиногие твари.

А в тяжелые, движущиеся по земле вагонетки запрягают не коней, а неких панцирных чудовищ, насекомых или ракообразных, которых кормят рыбой, но при случае им можно скормить мятежника.

А полиция тоже держит на поводках не собак, а кого-то ядовитого и скорпионообразного.

Наложницы в домах крупных чиновников здесь не обычные, а специально лишенные памяти.

А зато стражник у покоев императора лишен зрения.

Маги здесь числятся на государственной службе.

Дома элиты здесь устраивают внутри огромных прозрачных кристаллов, и в них нельзя разводить огонь — чтобы не закоптить прозрачную кровлю.

Поля и леса здесь живые, и с ними можно разговаривать.

Человеческий быт в «Варане» подвергся глубокой проработке с целью «остранения» — он должен казаться странным. Огромное количество подробностей окружающей обстановки в фантастическом мире оказываются заменены причудливыми и незнакомыми аналогами. В этом сила фэнтези вообще и романа «Варан» в частности.

А между тем классика жанра, «Властелин колец», вообще обходится без преобразований обстановки. Действие «Властелина» можно представить в любом, самом обыденном ландшафте — скажем, норвежском или североанглийском, — так что постановщики знаменитого фильма даже перестарались, уехав за экзотикой в Новую Зеландию.

Совсем иное дело — в «романах обстановки», где фантастический элемент рассеян по быту и окружающей природе, так что читатель должен не только (как у Толкиена) пристально следить за тем, что делают главные герои, но и с раскрытым ртом глазеть по сторонам, оглядывая стены домов, деревья и мебель — вернее, то, что автор вставил вместо стен домов, деревьев и мебели.

Самая большая ошибка, которую может совершить писатель, прибегающий к такому приему, — это подчинить преобразования окружающей героя обстановки чистой прихоти, создавать причудливость ради причудливости, отвлекая читателя от основного действия и ничего не давая взамен. Система преобразований обстановки должна подчиняться определенному принципу, за которым должно что-то стоять — может быть,

идея, а может быть, просто желание кумулятивно накапливать впечатление с некой целью.

В этом пункте авторы советских научно-фантастических романов, описывающих будущее, имели преимущество, поскольку они точно знали, в каком направлении должна работать их фантазия. Они прогнозировали достижения науки и техники, демонстрируя их возможности. Эта была экстраполяция достижений научно-технического прогресса, с которым имел дело читатель.

Гораздо труднее выбрать направление преобразований ландшафта автору фэнтези. Возможно все, возможны даже элементы «твердой» НФ, — но зачем их вводить в роман, тем более что можно и вовсе ничего такого не вводить, изобразив обстановку более или менее близкой к нефантастическому прошлому — с латами и мечами?

На первый взгляд, авторы «Варана» с этой задачей не справились, ибо чудеса, окружающие героев романа, — причудливы и бессистемны. Но это только на первый взгляд. На самом деле преобразование деталей природы и быта в «Варане» подчинено определенному принципу — они приближают предметы обстановки к нашим представлениям об идеальном и романтическом. Элементы быта не просто заменены — по сравнению с оригинальными вещами их заменители вызывают больше ассоциаций, апеллируя то к культурным кодам, то к сновидениям, то к воспоминаниям о детстве. Аристократы («горни») в романе Дяченко летают на птицах, но птица — не просто причудливый заменитель лошади, это и символ полета, и мечта из детства, и чайка над Черным морем, и «почему люди не летают, как птицы?», и утки, запряженные бароном Мюнхгаузеном, и орлы, которых на заре воздухоплавания мечтали запрягать в аэростаты.

Любовниц лишают памяти — но не потому ли, что существует выражение «любовь без памяти»?

А пропеллер на заводной пружине — это ведь из детства (тем более что значительная часть читателей романа — недавние дети).

В вагонетки впрягают плотоядных панцирных чудовищ — но ведь не Дяченко первыми придумали панцирных чудовищ, их нам подсовывают и Голливуд, и авторы романов об инопланетной фауне, чудовища должны быть похожи на насекомых или крабов и носить панцири, а заодно можно вспомнить из греческой мифологии — коней Диомеда, питающихся человеческим мясом, а из «Хазарского словаря» Милорада Павича — верблюда, питающегося рыбой.

Шестиногая тварь, на которой едет герой Дяченко, — не родственница ли она шестилапым, упоминающимся в сказке Александра Волкова «Семь подземных королей»?

Элита живет в домах из сияющих, стекловидных кристаллов — но какой еще материал близок к идеальному по внешнему виду? Дом идеального аристократа должен состоять из алмазов, и должно над ним нависать небо в алмазах.

Итак, предметы обстановки в «Варане» не просто иные — они, если так можно выразиться, более «мечтательные». Они такие, какими были бы предметы природы и быта, если бы их порождала не грубая реальность, а мечта людей.

Ибо если бы человеческая мечта могла воплощаться, люди бы, конечно, не додумались бы до самолетов, но зато придумали бы огромных птиц, которых можно запрягать как лошадей.

Все эти детали не просто соответствуют нашим идеалам — они «романтичны».

А что такое романтика?

В свое время автор этих строк написал отдельную статью на тему о том, что такое романтика и какова ее связь с фантастикой («Романтика и фантастика» — «Полдень, XXI век», 2004, № 1). В этой статье было сказано много всякого, но все же тогда мне не удалось додуматься до одной, как кажется, очевидной вещи. А именно: романтика всегда вторична. Романтика мечтает о повторении уже существующих образцов. Романтик — как правило, человек начитанный или, по крайней мере, «наслышанный», и он мечтает попасть в ситуацию, о которой он читал или слышал и которую он считает за образцовую и идеальную. Сами слова «романтизм» и «романтический» происходят, как известно от слова «роман», и английское прилагательное «romantic» первоначально означало всего лишь «свойственное жанру романа», «романический». И хотя сегодня связь слова с определенным литературным жанром утрачена, но если мальчишка вдохновлен романтикой морского пиратства или мушкетерских похождений — то это значит, что он слышал, читал или видел кино про пиратов и мушкетеров и теперь хочет попасть в эту уже известную, виденную им обстановку. Романтическая любовь — не просто возвышенна и идеальна, это любовь, как в романах, в любовных сериалах и прочих «лав стори».

Поэтому, когда авторы фэнтези — например, Дяченко в «Варане», — делают быт и природу более «романтическими», они, по большому счету, делают ее более стереотипной, хотя на первый взгляд она становится причудливой и редкой. Да, карты на рако-

винах и птицы в упряжке редки с точки зрения нашего обыденного опыта — но зато они соответствуют нашим стереотипным грезам, они, как это принято говорить, «нагружены ассоциациями». Они редки в том особом смысле, какой вкладывают в понятие «редкости», — то есть не просто редки, а редки и в силу этого ценны.

Ну, а с точки зрения нашего опыта такая «фэнтезийная» обстановка — полная инверсия вероятностей: то, что было редким, стало обыденным, а то, что было обыденным, — стало редким. Например, в «Варане» экзотикой являются изделия из дерева и овощи. Зато амнезия, в нашей жизни являющаяся редким заболеванием, катастрофой, здесь стала деталью быта.

В «Посмотри в глаза чудовищ» Успенский и Лазарчук прибегают к иной стратегии создания «экзомира». Супруги Дяченко, создавая сдвиги в реальности, отталкиваются от нашего бытового и материального опыта. Окружающее героев Дяченко бытовое и природное пространство должно быть не похоже на то, что окружает читателя, а быть эстетичнее, романтичнее, экзотичнее. Успенский и Лазарчук отталкиваются не от бытового, а от культурного опыта и книжной эрудиции предполагаемых читателей. Дяченко насыщают окружающее героев пространство удивительными вещами и невиданными животными. В мире Успенского и Лазарчука вещи и животные, по большей части, самые обыкновенные. Правда, там встречаются разумные собаки и крысы-мутанты, но, во-первых, это все-таки крысы, а не «неведомы зверюшки», а во-вторых, в мире «Чудовищ» крыса-мутант — это не повседневная деталь быта, а именно редкая диковинка, которой удивляются даже маги. Нет, изображая вещи и животных, авторы «Чудовищ» не пытаются вывернуть наизнанку восприятие читателей, делая вид, что экзотические редкости являются чем-то глубоко привычным.

Зато глубоко привычным и повседневным у Лазарчука и Успенского является то, что считается редким и особо ценным в кругозоре интересующегося литературой русского интеллигента. Знаковые фигуры мировой культуры, а также отблески самых известных событий встречаются постоянно. Да, встретив крысу-мутанта, герои удивляются. Но встретив в постели Марлен Дитрих — не удивляются, считают что это обычное дело.

В романе Дяченко герои живут, как Алиса в стране чудес, посреди сказочных предметов и зверушек. В романе Лазарчука и Успенского они живут посреди легенд и мифов культуры.

Достаточно сказать, что главный герой этого романа — поэт Николай Гумилев, хорошо еще, что не Пушкин.

Имя Гумилева более привычно встретить на страницах литературной энциклопедии — но в романе Лазарчука и Успенского он как раз и живет в мире, где его окружают лица, сошедшие со страниц Литературной и других подобных энциклопедий.

Герой проводит ночь с Марлен Дитрих, влюбляет ее в себя и дает ей препарат вечной молодости.

Герой беседует с пражским раввином Бен Бецалелем.

Он же сотрапезничает с паном Твардовским — польским Фаустом, героем народных легенд, жившим в XVI веке.

Он же расследует преступление вместе с Агатой Кристи.

Он же убивает товарища Жданова, мстя за оскорбления, нанесенные Анне Ахматовой (как известно — жене Гумилева).

Он же беседует с Михаилом Булгаковым — и их беседа становится прототипом начальной сцены «Мастера и Маргариты», а сам главный герой — прототипом Воланда. Кстати имя «Воланд» возникает потому, что сам Гумилев в своей командировке в СССР выступает под фамилией «Виланд», а это и фамилия немецкого писателя, и имя древнегерманского мифологического кузнеца.

Он же спасает США от Великой депрессии, передавая американцем груз «философского камня».

Он же срывает планы нацистов разработать «оружие возмездия».

Он же обследует деятельность секретных институтов Анненэрбе.

Он участвует в разгроме американцами секретной базы нацистов в Антарктиде.

Он же вместе с белорусскими партизанами откапывает маленькие золотые кандалы — видимо, оставшиеся от гномов вагнеровского Альбериха.

Он же устраивает «американскую дуэль» с Маяковским, каковая и оказывается причиной самоубийства последнего.

Он же участвует в расследовании: «кто убил Сталина».

Он же обороняет тибетский монастырь от советских и немецких десантов.

Короче, ни одна тема, интересовавшая любителей «эзотерической» и «конспирологической» литературы в годы создания романа, не ускользнула от авторов.

В обыденной жизни с известными писателями, равно как и с персонажами легенд, не встречаешься на каждом шагу — особенно если они живут в разных странах и в разные времена. Именно это обстоятельство игнорируют авторы, и именно это

«игнорирование» становится важнейшим орудием создания экзомира.

В романе «Посмотри в глаза чудовищ» есть и собственно фанатический элемент. Однако атмосферу экзотики, окружающую героя, порождает не магия с алхимией, а именно повседневность нагруженных ассоциациями знаков, заимствованных из не связанных с фантастикой слоев культуры. Сами по себе эти знаки не фантастичны, но они даны в фантастической концентрации.

Такой прием — концентрация аллюзий — очень эффективен, и это, кроме прочего, служит одним из объяснений, почему «Чапаев и Пустота» по сей день остается лучшим романом Виктора Пелевина. Казалось бы, в «Empire V» мы встречаем более разработанную социально-философскую систему, а в «Священной книге оборотня» — более искрометное и, так сказать, «массированное» остроумие. Но эти романы искусственны, в них слишком много собственно авторской выдумки. А «Чапаев и Пустота» весь состоит из аллюзий, это настоящий «соцарт», причем он апеллирует не столько к советской истории, сколько к описывающему эту историю фольклору и кинематографу. Сон, который снится в психбольнице Петру Пустоте, состоит, прежде всего, из ошметков виденных им фильмов.

Миры, созданные в двух романах — «Варан» и «Посмотри в глаза чудовищ», — совершенно различны, но их объединяет то, что в обоих произведениях повседневными и часто встречающимися стали предметы, для читателей являющиеся редкими и не предназначенными для бытового использования. Герои ведут жизнь хранителей музея, постоянно окруженных экспонатами, посмотреть на которые приходит издалека множество зевак. Сами же герои к ним привыкли и, как известный герой Аркадия Райкина, в Греческом зале раскладывают селедку на плече античной статуи и открывают консервные банки старинными рыцарскими мечами. Зеваки-читатели столпились за отгородкой и смотрят, как запросто хранители обращаются с экзотическими, овеянными легендами предметами.

Экзомир представляет собой зеркально-инвертированное отражение нашего повседневного мира, но «выворачивание» нашей повседневности происходит под руководством представлений о чаемом, желательном, ценном и при этом «романтичном».

Наши грезы и мечты интерпретируют окружающий мир. В них — в наших снах, в наших мечтах, в наших представлениях

о «романтике», о «замечательном», о «культурных ценностях» — содержатся указания на то, какие именно элементы реальности мы считаем особо ценными, о каких типичных (романтичных) редкостях мы «заветно» мечтаем. Эти редкие ценности мы почти не видим вокруг себя, но они отбрасывают тень на окружающий мир и в некотором смысле представляют собой упрек реальности — почему в ней мало того, что считается важным и прекрасным? Мечта о молочных реках обвиняет мир в том, что в нем слишком мало молока. Если золотой цвет ассоциируется со счастьем, значит, в мире слишком мало золота и золотого цвета. Поэтому сказочный мир из золота может состоять, а из молибдена нет, ведь золото — это не просто металл, это культурная ценность, миф, юнгианский архетип и фрейдистский символ, это металл, который видят во сне и поминают в поговорках, а молибден — просто химический элемент. Молибден, в отличие от золота, не романтичен. Правда, в романе Владимира Орлова «Альтист Данилов» упоминается молибденовая планета с молибденовыми жителями, но образ этот второстепенный, иначе и быть не может.

Встреча с соседом Иваном Ивановичем рутинна, а встреча с Михаилом Булгаковым удивительна и достойна всяческого поминания и упоминания. Поездка на автомобиле рутинна, а полет на огромной птице — похож на прекрасный сон. Наше отношение к миру полно таких подсознательных ориентиров и табелей о рангах, различающих, что романтично, а что обычно, что прекрасно, что безобразно, что пошло, а что затрагивает тонкие струны нашей души. О чем мы читали в любимых книжках, а о чем не читали и читать не хотим. Если с мечты снять поводок и позволить ей преобразовать весь окружающий мир, то мир будет вывернут наизнанку: ядро превратится в периферию, а все редкое и ценное станет повседневным. Все средства транспорта станут сказочными, все события станут историческими, а все встречи — встречами с замечательными и необычными людьми. В таких мирах живут герои «Варана», «Посмотри в глаза чудовищ», а также множества других фантастических романов. Впрочем — многих, но все же не всех, ибо далеко не каждый писатель готов тратить силы на тщательное выписывание обстановки.

Мир, созданный таким образом, является очень ценным отражением нашего обычного мира, ибо в нем, как в увеличительном зеркале, гипертрофируются строго определенные черты реальности — а именно те черты, которые автор посчитал

значимыми для себя или для читателей. Такой преображенный мир — форма истолкования обыденной реальности, рассказ о нашем отношении к ней. И «магическую силу» такой мир имеет только до тех пор, пока и читатель, и автор помнят, от какой рутинной обстановки он отталкивается. То есть: волшебный мир остается волшебным только при условии, что мы знаем, что такое обычный мир, можем в силу этого сравнить волшебный мир с обычным, при этом наша шкала ценностей сформирована обычным миром, и поэтому волшебный мир на фоне обычного действительно волшебен.

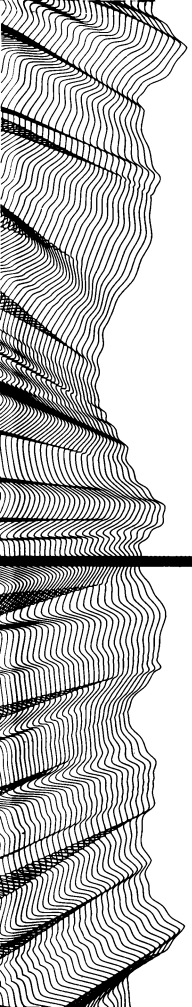
В противном случае мы привыкаем к волшебному миру, и вместо разрушения рутины получим новую рутину.

Энергия у экзотики сохраняется только до тех пор, пока к ней не привыкнешь. Если Марлен Дитрих окажется твоей соседкой — то, в конце концов, будешь относиться к ней не как легенде экрана, а как к соседке. Для героев чудеса должны быть повседневными, но читатель должен смотреть на них из своего мира, где этих чудес нет, — чтобы у него все время оставалась возможность удивляться как самим редкостям, так и тому факту, что эти диковинки для кого-то повседневны и обыденны.

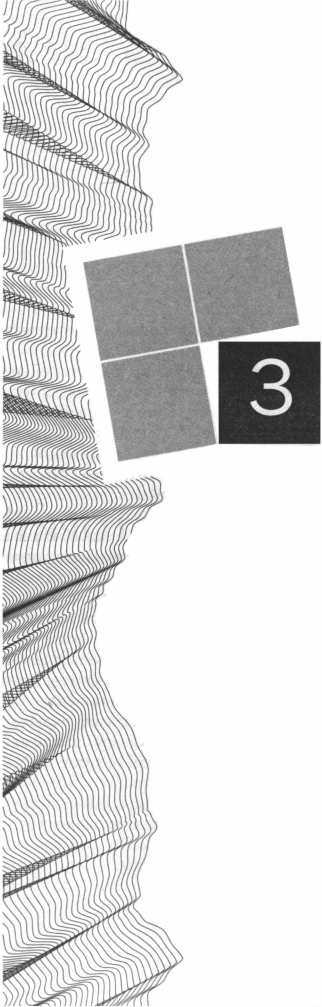
Что такое вполне возможно, прекрасно показано в романе Умберто Эко «Баудолино». В нем герои однажды достигают Царства пресвитера Иоанна — мифического государства, о котором ничего не известно, но зато много написано. В этом государстве автор помещает все чудеса, которые европейская фантазия эпохи позднего Средневековья помещала в далеких экзотических странах. Сначала путешественников это удивляет — но затем им это совершенно надоедает. Да, действительно, в этом мире живут одноноги, великаны, лилипуты и люди с лицом на животе — однако мир этот беден, быт его убог, и если к нему привыкнуть, уже не ощущаешь ничего чудесного. Герои, добравшиеся в конце концов до Царства пресвитера Иоанна, видят, что чудесные существа еще не составляют Страну чудес. Самое же удивительное, что обитатели Царства Иоанна относятся к обыденной для героев Европе как к мифической и полной чудес стране. Говорят, что в ней есть даже такая невидаль, как оконное стекло.

Если бы кирпичи были на вес золота, мы бы грезили о кирпичных домах и писали об этом фантастические романы.

Преобразования обстановки фантастами рассказывают, чего именно нам не хватает и какой именно тип нехватки уже зафиксирован культурой.



Информаторий


3

«ФантОР» — 2009

В первых числах июля в Санкт-Петербурге состоялся фестиваль фантастики «ФантОР» — 2009.

Основную программу мероприятия предварял мини-фестиваль «ФантРОК», проходивший 30 июня и 1 июля в клубе «Книги и кофе» при ЦСЛиК. Состоялись концерты исполнителей из Москвы («Предупреждение», «Бобровая Хатка»), Санкт-Петербурга (Борис Чистый, «Птица Си», «Выход») и Киева («Форманта», «Лофофора Spellbound»). В эти же дни в ДК им. Крупской прошла встреча с писателем Александром Щёголевым.

Далее, со 2 по 5 июля фестиваль продолжился в пансионате «Знаменка», расположенном на южном берегу Финского залива и входящем в дворцово-парковый ансамбль Петергофа.

На конференции прозвучали доклады Дмитрия Скирюка, Алексея Альбинского, Глеба Гусакова, Антона Первушина. Состоялась презентация крымского конвента «Созвездие Аю-Даг». Елена Первушина представила свою новую книгу «Петергоф». Активное участие в работе фестиваля принимала зав. отделом научно-художественной литературы и научной фантастики журнала «Наука и жизнь» Людмила Алексеевна Синицына.

Культурно-развлекательная программа фестиваля включала также экскурсию к фонтанам Петродворца, перформанс актёров театра «OCTOPUS», мастер-класс по рыбной ловле и пикник с шашлыками от фэн-группы «Мертвяки».

Спасибо всем участникам и гостям конвента! Добро пожаловать на «ФантОР» — 2010!

Оргкомитет фестиваля

Андрей Гальперин (род. в Евпатории в 1974 г.), там же проживает и по сей день. Закончил Херсонское мореходное училище. Работал на различных судах радиооператором. С 1998 г. и поныне работает тренером морских млекопитающих в Евпаторийском дельфинарии. В 2007 г. в издательстве «Эксмо» вышел роман «Лезвие Власти». Программист и системный администратор. Поддерживает несколько интернет-проектов литературной направленности. В рамках рецензионно-публицистического портала http://knigozavt.ru были выпущены несколько альманахов поэзии и прозы, в которые вошли и его произведения.

Владимир Голубев (род. в 1954 г. в г. Кинешма Ивановской обл.). Учился в Рязанском радиотехническом институте. Писать фантастику начал в 2005 г. Печатался в журналах: «Уральский следопыт», «Порог», «Шалтай-болтай», «Безымянная звезда». В нашем издании произведения автора публиковались неоднократно.

Евгений Лукин (род. в 1950 г. в Оренбурге). Один из наиболее известных и популярных отечественных писателей, работающих с использованием фантастического метода. До начала 90-х годов прошлого века писал в соавторстве со своей женой Любовью Лукиной. Поэт и бард. Лауреат множества фантастических премий. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения Е. Лукина публиковались неоднократно. Живет в Волгограде.

Ника Ракитина живет в Гомеле (Белоруссия). Там же закончила филологический факультет университета, сейчас работает во Дворце творчества детей и молодежи, ведет литературный клуб «НЛО». В 2007 г. рассказ «Служба безопасности библиотеки» опубликовал «Уральский следопыт», а в 2008 г. в рижском издательстве «Снежный ком» вышел первый роман автора — «Гонитва». Одна из основателей ролевого движения в Гомеле. В последнее время больше увлекается компьютерными RPG, среди которых отмечает серии «The Elder Scrolls», «Neverwinter Nights», «Jade Empire».

Александр Сальников родился и живет в г. Ухта Республики Коми, закончил Ухтинский государственный технический университет, теперь работает там же на должности доцента. Неоднократный победитель сетевых литературных конкурсов. В нашем издании рассказы автора печатались неоднократно.

Ник Средин (род. в 1982 г. в Могилеве-на-Днепре, Беларусь). Закончил филологический факультет МГУ им. А.А. Кулешова. В 2006 г. переехал в Днепропетровск (Украина). Работает в сфере IT. Публиковался в журналах «Першацвет» (Минск), «Порог» (Кировоград), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «Азимут» (Одесса), в сборнике «Цветной день». Лауреат премии «Дебют-2006» в жанре «драматургия». В нашем альманахе печатался рассказ «Красавица и красавец» (декабрь 2008 г.).

Виктор Толстых (род. в 1952 г.) Выпускник матмеха ЛГУ, кандидат технических наук. Работал в области высоких технологий в России и Америке. В настоящее время руководит исследовательским проектом в области защиты информации. Живет в Санкт-Петербурге. В нашем альманахе опубликовано эссе «Цивилизации, не оставляющие следов» (№ 5 за 2006 г.).

Константин Фрумкин (род. в 1970 г.). По образованию — экономист, работает журналистом, редактор отдела журнала «Компания». Кандидат культурологии. Автор нескольких десятков философских и культурологических публикаций, в том числе книги «Философия и психология фантастики». Сопредседатель клуба любителей философии ОФИР (htm http://www.nounivers.narod.ru/ofir/release.htm). В нашем издании печатался неоднократно. Живет в Москве.

Владимир Царицын (род. в 1954 г. в Новосибирске). Закончил Новосибирский инженерно-строительный институт. Член Союза писателей России. Автор книг: «Финита ля...» (1990 г.), «Там» (2006 г.), «Братья не по крови» (2008 г.). Публиковался в журналах «Искатель», «Новосибирск», в сборнике «Сибирская проза. Век XX — век XXI».
Лауреат первого Крымского конкурса НФ рассказа фестиваля «Созвездие Аю-Даг».
Живет в Новосибирске.

Александр Щёголев (род. в 1961 г. в Москве). По образованию инженер-системотехник. С 1992 г. — профессиональный писатель, член Союза писателей СПб. Автор множества книг, изданных тиражом более 400 тыс. экз. Считается одним из основоположников российского киберпанка (повесть «Сеть» в соавторстве с А.Тюриным, написанная в 1989 г.). Лауреат премий «Бронзовая улитка» (за повесть «Ночь навсегда») и «Старт» (за книгу «Клетка для буйных», в соавт. с А. Тюриным). Член жюри «АБС-премии». В нашем альманахе публиковался неоднократно. Живет в Санкт-Петербурге.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Николай Романецкий.
3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ
Владимир Голубев «КУПОЛ». *Повесть*
7
Андрей Гальперин «СЕРЕДИНА ЖИЗНИ». *Рассказ*
49
Ника Ракитина «БЕРЕГИТЕ ЛЕС ОТ ПОЖАРА». *Рассказ*
61
Виктор Толстых «ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ». *Рассказ*
81
Александр Сальников «КОШКИН НОС». *Рассказ*
87
Ник Средин «СРЕДСТВО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ». *Рассказ*
107
Александр Щёголев «ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ». *Драма мечты*
111
Владимир Царицын «ЭВТАНАЗИЯ». *Рассказ*
135

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ
Евгений Лукин «НЕДОРАЗУМЕНИЯ ДЛИНОЮ В ДВАДЦАТЬ ЛЕТ»
147
Константин Фрумкин «МИЛАЯ СЕРДЦУ ЭКЗОТИКА»
161

ИНФОРМАТОРИЙ
«ФантОР» - 2009
173
Наши авторы
174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

Читайте в октябрьском номере:

Повесть
Павла Амнуэля
«И сверкнула молния…»

а также произведения
Сергея Бережного,
Майка Гелприна,
Ивана Наумова
и других авторов